

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Тамбовский государственный технический университет

На правах рукописи

Худяков Александр Вячеславович

Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса конца XX–начала
XXI веков (на материале дискурсов президентов России и Франции)

Специальность 10.02.19 –
«Теория языка»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Наталия Юрьевна Бородулина

Тамбов – 2018

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования президентского дискурса.....	12
1.1. Основные подходы к определению дискурса.....	12
1.1.1. Французская школа дискурса.....	12
1.1.2. Англо-саксонская школа дискурса.....	17
1.1.3. Отечественная школа дискурса.....	19
1.1.4. Современные представления о дискурсе: интердискурсивность и полидискурсивность.....	23
1.2. Исследования президентского дискурса в рамках политического дискурса.....	30
1.2.1. Взгляды отечественных ученых на политический дискурс.....	31
1.2.2. Взгляды зарубежных ученых на политический дискурс.....	34
1.2.3. Исследование президентского дискурса в отечественном языкознании..	38
1.3. Президентский дискурс vs дискурс президента.....	41
1.3.1. Президентский дискурс	42
1.3.2. Дискурс президента.....	45
1.4. Когнитивно-матричный подход к исследованию президентского дискурса.....	49
Выводы по главе 1.....	52
Глава 2. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса.....	54
2.1. Институциональная составляющая президентского дискурса.....	54
2.1.1. Когнитивный контекст ВЛАСТЬ.....	58
2.1.1.1. Концептуальная область РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ.....	59
2.1.1.2. Концептуальная область ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.....	62
2.1.1.3. Концептуальная область КЛИШИРОВАННОСТЬ.....	66
2.1.2. Когнитивный контекст ПУБЛИЧНОСТЬ.....	70

2.1.2.1. Концептуальная область МЕДИЙНОСТЬ.....	72
2.1.2.2. Концептуальная область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ.....	76
2.1.2.3. Концептуальная область ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ.....	82
2.1.2.4. Концептуальная область МЫ-ДИСКУРС.....	85
2.1.3. Когнитивный контекст СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ.....	90
2.1.3.1. Концептуальная область БОРЬБА.....	92
2.1.3.2. Концептуальная область СВОИ-ЧУЖИЕ.....	94
Общий вывод по пункту 2.1.....	98
2.2. Личностная составляющая президентского дискурса.....	100
2.2.1. Когнитивный контекст ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.....	103
2.2.1.1. Концептуальная область ОБРАЗОВАННОСТЬ.....	105
2.2.1.2. Концептуальная область ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ.....	110
2.2.1.3. Концептуальная область ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ.....	115
2.2.2. Когнитивный контекст ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ.....	118
2.2.2.1. Концептуальная область АФФЕКТАЦИЯ.....	122
2.2.2.2. Концептуальная область ЮМОР.....	126
2.2.2.3. Концептуальная область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ.....	130
2.2.3. Когнитивный контекст ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.....	138
2.2.3.1. Концептуальная область ШИРАКИЗМЫ	140
2.2.3.2. Концептуальная область ПУТИНИЗМЫ.....	142
Общий вывод по пункту 2.2.....	145
Выводы по главе 2.....	147
Заключение.....	149
Список сокращений и условных обозначений.....	152
Список литературы.....	153

Введение

Настоящая работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языковых явлений.

В качестве **объекта исследования** выступает президентский дискурс.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные особенности президентского дискурса конца XX – начала XXI вв.

Президентский дискурс рассматривается как один из типов институционального дискурса, в котором в виду наличия яркой и сильной языковой личности – президента – выявляется личностная составляющая. Вслед за В.И. Карасиком, институциональный дискурс понимается как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений», а личностный дискурс - как общение, в котором «говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира» [Карасик, 2000, с. 5].

Актуальность темы обусловлена особой и постоянно возрастающей значимостью института президентской власти в современном мире, а также современным инструментом анализа президентского дискурса, выполненного в русле когнитивной лингвистики.

Степень разработанности темы диссертации определяется тем, что на текущий момент существует ряд научных трудов, посвященных исследованию дискурса того или иного президента [Гаврилова, 2012; Моргун, 2009; Седых, 2011 и др.], при этом президентский дискурс в целом не рассматривается, основное внимание обращено на изучение дискурса конкурентного лидера. Существуют также научные исследования, посвященные изучению президентского дискурса в целом на примере нескольких президентов [Спиридовский, 2006], либо работы, посвященные исследованию конкретного жанра внутри президентского дискурса [Шейгал, 2000₁; Бабич, 2015], но во всех случаях президентский дискурс рассматривается как жанр или вид политического дискурса, а не с позиции отдельного самостоятельного типа институционального

дискурса, содержащего в то же время черты индивидуального дискурса. Так, А.П. Чудинов и Э.В. Будаев, проводя обзор современных направлений исследований, характеризуют президентский дискурс как вариант политического языка и, соответственно, политического дискурса [Будаев, Чудинов, 2008₂].

Таким образом, несмотря на появление в последние годы ряда работ, посвященных изучению дискурса конкретных президентов и жанров президентского дискурса (президентское интервью), глубоко и основательно феномен президентской коммуникации с точки зрения отдельного и самостоятельного типа дискурса не исследовался. Научные работы, изучающие лингвокогнитивные характеристики президентского дискурса как самостоятельного типа дискурса, не выявлены в отечественном и зарубежном языкознании.

Цель исследования: анализ лингвокогнитивных особенностей президентского дискурса конца XX–начала XXI вв. Обозначенная цель определяет необходимость решения следующих задач:

1. Систематизировать основные подходы к определению дискурса;
2. Проанализировать оппозицию «президентский дискурс» vs «дискурс президента»;
3. Рассмотреть президентский дискурс как тип институционального дискурса;
4. Исследовать президентский дискурс как имеющий в своем составе личностную составляющую;
5. Дать характеристику лингвокогнитивным особенностям институциональной и личностной составляющим президентского дискурса с использованием когнитивно-матричного подхода;
6. Выявить лингвокогнитивные особенности президентского дискурса на материале русского и французского языков.

Термин «когнитивная матрица» понимается вслед за Н.Н. Болдыревым как «система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта». Как особый формат знания, «когнитивная матрица

объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений» [Болдырев, 2009, с. 49].

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1. Впервые президентский дискурс понимается и описывается как самостоятельное явление, включающее две составляющие: институциональную и личностную;

2. Впервые к исследованию президентского дискурса применен когнитивно-матричный анализ, позволивший выявить лингвокогнитивные характеристики обеих составляющих.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении теоретических основ анализа дискурса вообще и президентского дискурса в частности, выделившегося в качестве самостоятельного объекта изучения из политического дискурса, в исследовании оппозиции президентский дискурс vs дискурс президента, в теоретическом осмыслении лингвокогнитивных характеристик президентского дискурса.

Практическая значимость проведенного диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в лекционных курсах по теории языка, когнитивной лингвистике, стилистике, риторике как для русскоговорящих, так и для франкоговорящих студентов, магистрантов и аспирантов. Результаты и наработки, полученные в рамках данного исследования, могут применяться при написании диссертационных, дипломных и иных квалификационных работ.

Методологическую базу работы составляют фундаментальные исследования, связанные с современными разработками в области теории дискурса и когнитивной лингвистики, а также работы, соотносящиеся с такими общими направлениями языкознания, как антропоцентризм, концептуализация и категоризация, интердискурсивность и интертекстуальность, прецедентность и оценочность, метафоризация, неориторика и лингвокультурология.

Методологическую основу проведенного диссертационного изыскания составляют труды по:

– когнитивной лингвистике и концептологии (В.В. Алпатов [Болдырев, Алпатов, 2008], Л.В. Бабина [Бабина, 2003], Н.Н. Болдырев [Болдырев, 2008; 2009], А.Е. Гусева [Гусева, 2014], И.Г. Жирова [Жирова, 2016], Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2008; 2009], О.П. Крюкова [Крюкова, 2009], Е.Л. Кузьменко [Кузьменко, 2010; 2011], М.Н. Левченко [Левченко, 2017], З.Д. Попова [Попова, 2006], Э.А. Сорокина [Сорокина, 2016], И.А. Стернин [Стернин, 2005], R. Jackendoff [Jackendoff, 1995], R.W. Langacker [Langacker, 1991; 1999], E. Rosch [Rosch, 1976; 1983], F. Ungerer, Schmid H.-J. [Schmid, Ungerer, 2006]);

– теории дискурса (Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990], Э.В. Будаев и А.П. Чудинов [Будаев, Чудинов, 2001₁], Т.А. ван Дейк [Dijk, 1997₁;1999; 2001₂], В.И. Карасик [Карасик, 2000; 2004], М.Л. Макаров [Макаров, 2003], Е.В. Сидоров, Ю.С. Степанов [Степанов, 1995], В.Е. Чернявская [Чернявская, 2007], Е.И. Шейгал [Шейгал, 2004], Л.В. Цурикова [Цурикова, 2007], P. Sériot);

– прикладной и теоретической лингвистике (В.З. Демьянков [Демьянков, 1982; 2002] О.И. Максименко [Максименко, 2015], Л.А. Телегин [Телегин, 2017], В.Д. Ившин [Ившин, 2013]);

– теории метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов [Баранов, Караулов, 1991], Л.И. Борисова [Борисова, 2016], Н.Ю. Бородулина [Бородулина, 2013; 2014_{1,2}; 2015], О.С. Зубкова [Зубкова, 2011], В.П. Москвин [Москвин, 1999], Г.Н. Складневская [Складневская, 1993], M. Black [Black, 1955], E. Cassirer [Cassirer, 1990], D. Davidson [Davidson, 1978], M. Johnson и G. Lakoff [Johnson, Lakoff 1990], A. Musolff [Musolff, 2001], J. Zinken [Zinken, 2002]);

– теории прецедентности (Д.Б. Гудков [Гудков, 2000], Ю.Н. Караулов [Караулов, 1987], В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова [Костомаров, Бурвикова, 1994], В.В. Красных [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997], Е. А. Нахимова [Нахимова, 2007_{1,2}]);

– лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (И.И. Валуйцева, А.А. Осипова, Г.Т. Хухуни [Валуйцева, Осипова, Хухуни, 2014] А. Вежбицкая

[Вежбицкая, 1993], Г.Д. Гачев [Гачев, 1986], П.С. Гуревич [Гуревич, 1990], В.А. Маслова [Маслова, 2001], М.Г. Мирианашвили и И.А. Краснова [Мирианашвили, Краснова, 2017], В.В. Ощепкова [Ощепкова, 2017], Г.Г. Слышкин [Слышкин, 2005]);

– социологии и неориторике (С.Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза, 2000; 2013], А.А. Лебедева [Лебедева, 2017], М.Н. Макеева [Макеева, 2012], Р. Якобсон [Якобсон, 1972], R. Barthes [Barthes, 1974]);

– лингвистической семантике и теории номинации (Н.Г. Епифанцева [Епифанцева, 2011], Ю.Н. Марчук [Марчук, 2016]; В.Н. Телия [Телия, 1996]).

Материалом исследования послужили 2500 франкоязычных и 2500 русскоязычных лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из выступлений президентов России и Франции: В.В. Путина и Ж. Ширака (стенограммы речей президентов, официальные сайты президентов в интернете, газетные публикации). Выбор в качестве источников фактического материала речей и выступлений президента РФ В.В. Путина и президента Франции Ж. Ширака определен следующими факторами:

– В.В. Путин и Ж. Ширак - наиболее яркие фигуры в политической среде и медийном пространстве на стыке XX–XXI вв.

– В.В. Путин и Ж. Ширак являются политическими долгожителями: Ж. Ширак – 12 лет президентства, В.В. Путин – более 14 лет. Оба до этого занимались политической карьерой на посту премьер-министра.

– В.В. Путин и Ж. Ширак – высокообразованные личности, при этом первый – выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета, в совершенстве владеет немецким языком; второй получил образование в престижнейших учебных заведениях Франции, Институте политических исследований и Национальной школе администрации, любит и владеет русским языком, ему принадлежит перевод на французский язык пушкинского «Евгения Онегина».

– В.В. Путину и Ж. Шираку свойственны выразительные обороты речи, отдельные высказывания стали крылатыми фразами и получили в народе и в медийной среде обозначения «ширакизмы» (chiraquismes) и «путинизмы».

Исследование фактического материала проведено с использованием **следующих методов и методик**: метод сплошной выборки для отбора иллюстративного материала; дискурсный анализ при описании реальности речевой деятельности; интертекстуальный анализ при изучении межтекстового взаимодействия, выявления прецедентных текстов и смысла вторичного текста на основе его связи с текстом-источником; компонентный анализ языковых средств, используемых в исследуемом материале; контент - анализ (анализ содержания) для выявления и анализа качественных характеристик президентского дискурса; описательный метод при изучении социального функционирования языка, описании и анализа элементов языкового материала; сопоставительный метод для познания сходства и различий структуры русского и французского языков; когнитивно-матричный анализ при описании характеристик составляющих президентского дискурса.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие основные **положения, выносимые на защиту**:

1. Президентский дискурс является самостоятельной единицей, основы выделения которой были заложены в рамках исследования институционального дискурса и такой его разновидности, как политический дискурс.

2. Президентский дискурс содержит в себе черты институционального и личностного дискурса.

3. Знания о президентском дискурсе как разновидности институционального могут быть представлены в виде когнитивной матрицы, включающей следующие когнитивные контексты: **ВЛАСТЬ, ПУБЛИЧНОСТЬ, СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ**.

4. Знания о президентском дискурсе как разновидности личностного дискурса могут быть представлены в виде когнитивной матрицы, включающей

следующие когнитивные контексты: ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

Апробация работы проводилась в выступлениях и обсуждениях на заседаниях кафедры иностранного языка ТГТУ, в докладе на международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные вопросы науки и образования» (Тамбов, 2015); в докладе на международной научно-практической конференции «Язык. Коммуникация. Культура» (Москва, 2017); в докладе на международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований» (Белгород, 2017); в 8 научных публикациях (в том числе 5 статей в журналах, рекомендованных ВАК).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных источников фактического материала и списка словарей.

Во введении дается обоснование выбору темы работы, ставятся цели и задачи исследования, определяются его новизна, актуальность, раскрывается теоретическая и практическая значимость, использованный языковой материал, приемы и методы исследования.

В главе 1 «Теоретические предпосылки исследования президентского дискурса» рассматриваются основные подходы к определению дискурса, прослеживается путь выделения самостоятельного президентского дискурса из разновидности политического дискурса, раскрывается оппозиция «президентский дискурс vs дискурс президента», дается определение президентскому дискурсу как обладающему институциональной и личностной составляющими.

В главе 2 «Лингвокогнитивные характеристики президентского дискурса», основываясь на анализе фактического материала русского и французского языков, выделяются основные характеристики и лингвокогнитивные особенности, свойственные президентскому дискурсу конца XIX – начала XX вв. На основе когнитивно-матричного анализа описываются лингвокогнитивные особенности институциональной и личностной составляющих президентского дискурса,

рассматриваются общие и национально-культурные черты президентского дискурса на материале русского и французского языков.

В заключении обобщаются выводы, полученные в ходе исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки данного направления.

В работе содержатся 4 таблицы, 13 рисунков. Список литературы включает 302 работы, из них 91 на иностранном языке.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования президентского дискурса

1.1. Основные подходы к определению дискурса

Как известно, термин «дискурс» (фр. discours, англ. discourse) начинает широко употребляться в гуманитарных науках в 60–70-е гг. XX в., однако однозначного определения термина «дискурс» нет, в силу того, что данное понятие оказалось востребовано во многих науках: лингвистике, литературоведении, социологии, философии и т.д. На текущий момент можно говорить о том, что теория дискурса оформляется как отдельная междисциплинарная область, выражающая общую интегративную тенденцию в развитии современной науки. Что касается лингвистического определения данного понятия, тот и тут единой общепризнанной концепции нет, проблемы теории дискурса и методы его анализа по-разному освещаются в научных исследованиях, поэтому далее будут рассмотрены основные школы и подходы к определению дискурса.

1.1.1. Французская школа дискурса

Основы учения о дискурсе в современном его понимании восходят к французской школе дискурсивного анализа, объединившего в этом понятии исторические, философские, лингвистические и психоаналитические представления. Французская школа соединяет в себе несколько функциональных и формально-структурных лингвистических направлений дискурс-анализа. Среди основных представителей данной школы можно выделить: Л. Альтюсер

[Althusser, 1990; 1994], Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974], Э. Бьюиссанс [BuysSENS, 1943], А. Греймас и Ж. Курте [Греймас, Курте, 1983], Г. Парре [Parret, 1987], М. Пеше [Пеше, 1999₁; 1999₂], П. Серио [Sériot, 1985; 2008], М. Фуко [Фуко, 2004; 2006], З. Харрис [Harris, 1952] и др.

Одно из наиболее распространенных определений термина «дискурс» обязано своим появлением структуралистам и постструктуралистам, здесь можно выделить труды М. Фуко [Фуко, 2004; 2006]. В таком понимании прослеживается тенденция к уточнению понятий стиля и индивидуального языка. Рассматриваемый в таком ключе термин «дискурс» служит для описания способа говорения и обязательно имеет принадлежность, так как в рамках данной школы внимание исследователей приковано не к общему феномену дискурса, а к его отдельным видам, реализуемым посредством большого количества параметров: стилистической и тематической спецификой, системами убеждений, языковыми средствами выражения и т.д. Согласно Г. Парре, дискурс рассматривается как «конкретная манифестация устной и письменной речи, как конкретный, сложный и упорядоченный процесс или результат речепроизводства» [Parret, 1987, с. 169], т.е. в данном подходе подчеркивается, что дискурс не безличен, а имеет определенную принадлежность. С данной позиции дискурс можно рассматривать как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, причем этот субъект может быть конкретным (дискурс В.В. Путина), групповым (президентский дискурс) или даже абстрактным (дискурс борьбы).

В трудах Гюстава Гийома посвященных триаде “langue+parole=langage” термин “langage” становится комплексным и выражает рече-языковую деятельность, это понятие интерпретируется автором как «интеграл, объединяющий язык и речь с учётом последовательного характера перехода языка в речь» [Епифанцева, 2011, с. 212]. Э. Бьюиссанс выдвинул идею расширения оппозиции Фердинанда де Соссюра “langue – parole” [Соссюр, 1999, с. 21] до “langue – discours – parole”, добавив в нее новый член “discours”, под которым он понимал «комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, как функциональную часть, выделяемую из речи» [BuysSENS, 1943, с.

41]. Таким образом, по мнению Бьюисанса дискурс объединяет в себе и язык, и речь. Дискурс – это реализация языкового кода в речи. Он одновременно материален (определенный речевой акт) и идеален.

Теория дискурса М. Фуко [Фуко, 2006] и теория идеологии Л. Альтюсера [Althusser, 1990; 1994] явились основными отправными точками для исследований Мишеля Пеше [Pêcheux, 1990], который выдвинул теорию, согласно которой, дискурс является точкой пересечения языка и идеологии, он разграничивает понятия языка и дискурса: «дискурсные процессы лежат в основе порождения эффектов смысла, тогда как язык представляет собой материальную субстанцию, в которой этот смысл воплощается» [Пеше, 1999, с. 105]. В процессе изучения политического дискурса во Франции, М. Пеше отводил особое место идеологическому влиянию дискурсивных формаций на субъекты социальной среды. Вслед за Л. Альтюсером данный исследователь считает, что люди располагаются в так называемой дискурсивной реальности, являющейся следствием идеологического ориентирования, и испытывают его воздействие.

Научные изыскания Э. Бенвениста [Бенвенист, 1974] и отчасти Р. Якобсона [Якобсон, 1972] привели к возникновению теории высказывания, в дальнейшем ставшей основой теории дискурса. Э. Бенвенист понимает феномен дискурса «как функционирование языка в живом общении». Этот ученый одним из первых присвоил «дискурсу» терминологическое значение – «речь, присваиваемая говорящим». В дальнейшем термин был уточнен исследователем и определен как «любой акт высказывания, который объединяет в своих структурах говорящего и слушающего с желанием первого воздействовать на второго и характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру» [Бенвенист, 1974, с. 316]. На основе данного Бенвенистом уточнения понимание термина дискурса можно свести к самому процессу порождения текста говорящим. Своей теорией Э. Бенвенист противопоставляет дискурс объективному повествованию (*récit*), и благодаря этому термин «дискурс» включил в себя все виды прагматически обусловленной речи, отличающейся разными целеустановками.

А.Ж. Греймас и Ж. Курте в «Объяснительном словаре теории языка» привели наиболее теоретически обоснованную и подробную структурно-семиотическое трактовку понятия «дискурс». В соответствии с данным определением феномен дискурса понимается в качестве семиотического процесса, находящим выражение в широком спектре дискурсивных практик. Под термином «дискурс» в первую очередь понимают особый способ или особые правила построения речевой деятельности (письменной или устной) [Греймас, Курте, 1983, с. 488–493]. В связи с этим, данное понятие часто используют в дефиниции, близкой к стилю: например, «литературный дискурс», «научный дискурс». Из чего можно сделать вывод, что французские структуралисты выделяли и подчеркивали знаковую природу дискурса, определяя сам дискурс как процессуальную единицу, способную к видоизменению. Кроме того, данными исследователями дискурс связывался с речевой деятельностью, приближая этот феномен к понятию стиля. А. Греймас и Ж. Курте разделяли дискурсивную и фразовую лингвистики на две отдельные дисциплины, предлагая использовать два уровня анализа: поверхностных и глубинных структур [Греймас, Курте, 1983, с. 489–490]. Подобное разделение двух лингвистик свидетельствует о присутствии двух теоретических подходов к анализу дискурса. При рассмотрении фразы как базовой единицы высказывания, дискурс начинает определяться как результат связывания фраз. Если же принять дискурс в качестве исходной единицы, то фразы становятся, лишь составляющими сегментами дискурса-высказывания. В первом случае дискурс-анализ выступает как выявление и моделирование дискурсивных последовательностей, рассматриваемых как цепочки фраз-высказываний, с помощью различных приемов. Напротив, во втором случае анализ дискурса предусматривает его разделение на составляющие части – т.е. дискурс рассматривается как совокупность предложений, организованных по определенным правилам [Barthes, 1974, с. 239–241].

В дальнейшем представитель французской школы анализа дискурса Ролан Барт дал следующее определение понятию дискурс – «любой конечный отрезок

речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку (*langue*)» [Барт, 1978, с. 443–444]. Исходя из данного утверждения следует, что дискурс отделяется от языка (в том определении, которое дает Ф. де Соссюр) [Соссюр, 1977, с. 47–48], приближаясь к понятию «речь» и, по сути, становясь порождением речи.

Согласно Ж. Гийому и Д. Мальдидье, «дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [Гийому, Мальдидье, 1999, с. 124]. Данные исследователи полагают, что «во французской лингвистике главенствует концепция, восходящая к Э. Бенвенисту: дискурс не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка. Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом» [Там же].

Исходя из вышесказанного следует, что французские ученые сходятся во мнении, что дискурс имеет собственную грамматику, а соответственно, и присущие именно ему принципы и правила построения. Согласно им, дискурс существует отдельно от языка и является порождением речи. Вместе с тем, франко-швейцарский ученый Патрик Серио, несомненно, ставший последователем принципов анализа дискурса, разработанных М. Пеше, дискурс представляет как «особый способ оперирования языком» [Sériot, 1985, с. 38]. Таким образом, П. Серио сближает понятие «дискурс» и «язык», выдвигая следующую классификацию значений понятия «дискурс»:

- это единица по размерам большая, чем фраза;

- синоним термина «речь» (по Ф. Соссюру), иными словами, любое конкретное высказывание;
- степень воздействия высказывания на реципиента с учетом ситуации высказывания;
- беседа как основной тип высказывания;
- речь, рассматриваемая с позиций говорящего, и противопоставляемая понятию «повествование» (так как оно не учитывает данной позиции);
- употребление единиц языка, в качестве речевой актуализации;
- тип высказываний, ограниченный социальными или идеологическими рамками в каждой отдельно взятой ситуации;
- теоретический конструкт, который используется для исследований условий производства текста [Серио, 2002, с. 23].

Таким образом, можно заключить, что методической основой для многих исследовательских работ французской школы анализа дискурса является структурализм. Отличительной особенностью французской школы является понимание дискурса как явления, имеющего определенную индивидуальную или групповую принадлежность, т.е. в таком понимании дискурс субъективен. Французская школа анализа дискурса берет свое начало в лингвистике, в отличие, например, от англо-саксонской школы дискурса, которая исходит из антропологии и будет рассмотрена в следующем подпункте.

1.1.2. Англо-саксонская школа дискурса

Дискурс в изначальном понимании англосаксонских лингвистов трактовался как текст в его текстовой данности и со свойственными ему особенностями. Позднее англосаксонские лингвисты стали понимать под данным термином не только «данность текста», но и определенную формирующую эту «данностью» систему. Грамматика текста вместе с лингвистическим подходом к

исследованию дискурса образовали новую парадигму, которая в дальнейшем получила распространение в научном сообществе и была принята в США и Европе [Дейк, Кинч, 1988, с. 154]. Но стоит отметить, что в данном исследовании по-прежнему преобладал «текстовый» подход, при котором тексты понимались как «речевые произведения», таким образом, порождением речи считался текст, а не дискурс. «В Великобритании многие ученые проявляли интерес к структурам дискурса, особенно под влиянием, так называемой системной грамматики, развиваемой М. Хэллидеем» [Dijk, 1997₁, с. 118–119].

Англо-саксонская школа понимала под дискурсом связную речь, отождествляя дискурс с диалогом. Из этого следует, что анализ дискурса как «метода анализа связной речи», прежде всего, направлен на вербальную коммуникацию и интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего. Дискурсивные исследования отличаются особой практической направленностью. Основное понимание дискурса в англо-саксонской школе близко к термину «функциональный стиль», где особое внимание уделяется анализу языковых средств, формирующих дискурс. Для разграничения понятия дискурса и текста как статической структуры исследователями англо-саксонской школы подчеркивается динамический характер дискурса.

Среди наиболее известных представителей американской традиции исследования дискурса можно отметить: Дж. Брауна [Brown, Yule 1983], Т. Гивона [Givon, 1989], Дж. Граймса [Grimes, 1975], Дж. Дюбуа [Dubois, Crouch, 1985], Р. Лангакера [Langacker, 1991], У. Манна и С. Томсон [Mann, Thompson, 1988], Я. Ренкема [Renkema, 2004], З. Харриса [Harriz, 1952], У. Чейфа [Chafe, 1994], Д. Шиффрина [Schiffrin, 1994].

В англоязычной традиции исследования дискурса обычно выделяют несколько направлений:

- первое базируется на функциональном структурализме Дж.Р. Ферса и выражено в научных трудах М. Калтарда, М. Монтгомери и Дж. Синклера, данное

направление получило название «Бирмингемской школы» [Coulthard, Montgomery 1977; Coulthard 1981; Sinclair, 1992; Coulthard, Sinclair 1992];

- второе исследует политический дискурс и проблемы его метафоризации: П. Чилтон, К. Шаффнер [Chilton, Schaeffner, 1997];

- третье берет начало из постструктурализма М. Фуко и основано в основном на работах Н. Фэркло. Предметом изучения является язык власти и институциональный дискурс, особое внимание в работах акцентируется на исследованиях соотношений между изменениями в социокультурной среде и в дискурсе, вводится понятие коммерциализации или технологизации дискурса [Fairclough, 1995; 2006; Fairclough, Chouliaraki, 1999].

Из вышесказанного следует, что методологической основой для работ англо-саксонской школы служит интеракционизм, где лингвистика взаимодействует с психологией и социологией. Англо-саксонская традиция исследования дискурса сначала понимала данное понятие как текст, который в свою очередь мыслился как речевое произведение. В процессе развития дискурсивного анализа основное понимание дискурса в англо-саксонской школе стало схоже с понятием «функциональный стиль» (определенная система языка, использующаяся в той или иной сфере общения), которое широко использовалось в отечественной лингвистике и являлось, по сути, предшественником термина «дискурс»: «англо-саксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции — как к особенностям текстов. «Дискурс» в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [Степанов, 1995, с. 36].

1.1.3. Отечественная школа дискурса

В отличие от французской и англо-саксонской традиции анализа дискурса в отечественной лингвистике употреблялось понятие «функциональный стиль», что

нашло свое отражения, например, в исследовательских работах В.В. Виноградова [Виноградов, 1955] и Г.О. Винокура [Винокур, 1972]. С развитием теории дискурса в отечественном языкознании появляется и набирает популярность среди ученых термин «дискурс», который означал практически то же самое что и «функциональный стиль», Ю.С. Степанов полагает, что «причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой, «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. Ю.С. Степанов понимает дискурс как «язык в языке» в особой социальной данности, существующий, прежде всего в текстах, за которыми стоит особый лексикон, особая грамматика, семантика, синтаксис, словоупотребление; свои правила и свой этикет [Степанов, 1995, с. 44]. Данная трактовка очень близка к пониманию В.В. Виноградовым такого термина как функциональный стиль – «общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняющие функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1981, с. 73].

В.И. Карасик понимает дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [Карасик, 2000, с. 5–6]. Близка к данному пониманию и позиция Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Исходя из этого дискурс считается явлением, которое необходимо исследовать в режиме реального времени (в процессе его производства и развития), а также при его изучении требуется принять во внимание все социальные, культурологические и прагматические факторы. Е.Ф.

Киров во многом разделяет позицию Н.Д. Арутюновой и рассматривает дискурс как «совокупность письменных или устных текстов и ситуации их создания и актуализации» [Киров, 2004, с. 29].

Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова рассматривают дискурс как процесс когнитивный, тесно связанный с речепроизводством, а текст понимается ими как конечный результат речевой деятельности, обладающий определенной законченной и зафиксированной формой [Кубрякова, Александрова, 1997; 1999].

Е.И. Шейгал анализирует дискурс как целостное речевое действие с семиологических позиций. Данным исследователем предлагается понимание дискурса как системы коммуникации, обладающей реальным и потенциальным измерением. В потенциальном измерении дискурс можно рассматривать как семиотическое пространство, которое содержит в себе вербальные и невербальные знаки, обслуживающие конкретную коммуникативную сферу, а также соответствующий корпус прецедентных высказываний. В реальном измерении дискурс является совокупностью дискурсных событий: текущей речевой деятельности в социальном пространстве и речевых произведений во всей полноте паралингвистических, лингвистических и экстралингвистических факторов [Шейгал, 2000₁, с. 22].

Лингво-коммуникативный аспект дискурса нашел свое отражение в определении Г.А. Орлова. Исследователь понимает под дискурсом «категорию (естественной) речи, которая материализуется в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершенного в смысловом и структурном отношении, длина такого произведения вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания до содержательно законченного произведения (выступление, переговоры и т.п.)» [Орлов, 1991, с. 14]. При такой трактовке «дискурс» характеризуется завершенностью, цельностью, связностью и другими параметрами, одновременно включает в себя как процесс (с учетом воздействия экстралингвистических, социокультурных, и коммуникативно-ситуативных факторов), так и результат в виде фиксированного текстового произведения.

В словаре «Англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста» В.З. Демьянков интерпретирует термин «дискурс» следующим образом: «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [Демьянков, 1982, с. 7].

Исследователь рассматривает понятие «дискурс» в близком соотношении с понятием «текст», но при этом не с любым, а именно с тем, что «создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки» [Демьянков, 1982, с. 7], т.е. элементами экстралингвистического плана. Помимо этого, В.З. Демьянков также учитывает в дискурсе наличие опорного концепта (т.е. тематический критерий). Хотя это условие необязательно.

Также стоит обратить внимание на суждение Ю.С. Степанова. Ученый соотносил дискурс с понятиями альтернативного мира, факта и причинности. Также Ю.С. Степанов трактует дискурс как «языка в языке», представляющий собой особую социальную данность (если рассматривать с более широкого лингвофилософского угла). Вместе с тем дискурс нельзя свести к понятию стиля, грамматики или лексикона. Он «существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир» [Степанов, 1995, с. 36].

Субъективным мотивам в организации семантики дискурса посвящены исследования Е.В. Сидорова [Сидоров, 2015].

На основе обзора основных работ представителей отечественной школы дискурса можно сделать вывод, что понятие «дискурс» приближенно по смыслу к понятию «текст». При этом акцент делается на динамическом характере языкового общения. В отличие от дискурса текст в основном понимается как

объект статический — результат языковой деятельности. Рядом ученых дискурс понимается как двухкомпонентный термин, который обозначает и динамический процесс языковой деятельности, включенной в ее социальный контекст, и результат этой деятельности как законченное речевое произведение. Из представленного выше материала мы видим, что определение термина «дискурс» расширилось и включило в себя помимо основных параметров текста указания на условия его формирования — экстралингвистические факторы.

1.1.4. Современные представления о дискурсе: интердискурсивность и полидискурсивность

Развитие антропоцентрического направления в лингвистике совпало с тем, что отечественные и иностранные ученые именуют «дискурсивным переворотом в гуманитарных науках» [Макеева, 2012, с. 48]. Подытоживая информацию предыдущих подпунктов, можно сделать вывод, что на современном этапе с лингвистической точки зрения рассматриваются несколько классификаций существующих подходов к изучению дискурса, например:

- формально-структурный подход, под дискурсом здесь понимаются «тексты в их текстовой данности» [Степанов, 1998, с. 670];
- функционально-структурный подход, дискурс понимается как всякое употребление языка. «Изучение дискурса — изучение любого аспекта использования языка» [Fasold, 1990, с. 65];
- прагмалингвистический подход — модель дискурса, которая строится, исходя из понятия коммуникативной деятельности и противопоставляется структурной модели речевой деятельности [Сусов, 1988, с. 7–13].

С нашей точки зрения более подходящей является классификация, предложенная Т. ван Дейком:

– в широком смысле дискурс понимается исследователем как коммуникативное событие происходящее между говорящим/слушающим, пишущим/читающим или другими видами участников коммуникации в процессе коммуникативного действия и в определенном контексте (место, время и т.д.);

– в узком смысле дискурс обозначает уже завершенный или протекающий результат (письменный или устный) коммуникативного действия, который в дальнейшем интерпретируется реципиентами [Dijk, 1998₁, с. 193–194].

Похожей позиции в понимании дискурса придерживаются А.А. Кибрик и В.А. Плунгян, которые определяют дискурс как более широкое понятие, чем текст: под дискурсом можно понимать одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат [Кибрик, 2003, с. 10; Плунгян, 2008, с. 8].

Согласно такому представлению дискурс может быть рассмотрен с двух ракурсов:

– дискурс как явление, близкое к сверхфразовому единству и являющееся коммуникативно-целостным речевым произведением, а также характеризующееся коммуникативной адекватностью и смысловой законченностью;

– дискурс как явление, связанное с ментальными процессами участников коммуникации. Сюда могут быть включены следующие аспекты: социокультурные и психологические стереотипы, стратегии восприятия и порождения речи, приемы достижения конечной цели коммуникации и т.д. Поэтому дискурс можно рассматривать как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 1990, с. 136–137].

Таким образом, в данном подходе находят свое выражение ведущие современные исследовательские направления: коммуникативное и когнитивное.

По мнению М.Л. Макарова, одной из основных особенностей дискурс-анализа можно считать интерес к риторическим, аргументативным структурам во всех видах текста и жанрах речи: от бытового дискурса до политического [Макаров, 2003, с. 81].

Важными понятиями, получившими распространения вместе с развитием теории дискурса, являются интердискурсивность и полидискурсивность.

Исследователи давно отмечали, что разные виды дискурсов не изолированы друг от друга, а находятся во взаимодействии. Этот феномен нашел свое отражение в термине «интердискурс», который был предложен представителем французской школы дискурс-анализа М. Пеше, считавшим, что каждый дискурс создается с опорой на уже созданные дискурсы и что в каждом дискурсе можно обнаружить следы предшествующих дискурсов [Пеше, 1999, с. 225–290]. Данный термин служил для обозначения следующих понятий:

- в широком смысле слова – внешних (по отношению к дискурсивной практике) невербальных процессов. Они в свою очередь выступают как социокультурный и языковой контекст дискурсивных актов и обуславливают семантико-гештальтные характеристики последних [Грицанов, 2001, с. 330]. Дискурсивность в свою очередь, будучи погружена в контекст интердискурса, обретает «порядок дискурса» (согласно формулировке Фуко), другими словами – свою конкретно-историческую форму. Термин «интердискурс» широко употребляется М. Пеше. Исходя из этой позиции, дискурсивный процесс соотносится с интердискурсом «через отношения противоречия, подчинения или вторжения».

- в узком смысле слова данный термин фиксирует дискурсивно-лингвистические феномены, выступающие по отношению к дискурсивной целостности (последовательности) в качестве внешнего.

Следует отметить, что в своей основе интердискурсивность не новое явление и ранее уже вызывало интерес исследователей. Например, М.М. Бахтин, в процессе описания диалогического характера художественного текста, использует музыкальный термин «полифония» [Бахтин, 1994, с. 14]. Понятие интертекстуальность основывается именно на идеях этого выдающегося лингвиста и традиционно определяется как «межтекстовые связи, в результате которых формируются новые смыслы текста» [Филиппова, 2008, с. 9]. Французский ученый М. Пеше, являющийся одним из основоположников

дискурс-анализа, понимает дискурсивность как «упорядоченное пространство рассеянных высказываний», «встраивание явлений языковой природы в историю» [Пеше, 1999₃, с. 298–299].

На данный момент интердискурсивность активно изучается, но даже, несмотря на это, нельзя говорить о сложившейся прочной теоретической базе в исследованиях этой области научного знания. Говоря о явлениях, описываемых в качестве интердискурсивных, исследователи используют различные формулировки. Так, В.Д. Шевченко употребляет понятие «интерференция» дискурсов, подразумевая под этим термином «происходящий в сознании человека сложный ментальный процесс, состоящий во взаимодействии между дискурсами, репрезентируемыми включенным и принимающим текстами, а именно: между отраженными в этих текстах когнитивными моделями ситуаций и коммуникативно-прагматическими характеристиками этих текстов, обусловленными спецификой социокультурных ситуаций общения» [Шевченко, 2011, с. 3]. В.Д. Шевченко полагает, что «интерференция дискурсов происходит в результате включения интертекстуального фрагмента в принимающий текст» [Шевченко, 2011, с. 3]. Иначе говоря, понятие «интерференция дискурсов» (или интердискурсивность) в данном случае соотносится с интертекстуальностью. Однако, в соответствии с воззрениями В.Е. Чернявской, термин «интердискурсивность» не является синонимичным понятию «интертекстуальность». Напротив, отличительными особенностями того или иного дискурса могут являться «графические, просодические и иные средства, выступающие признаками того или иного дискурса и переключающие воспринимающее сознание с одного типа дискурса на другой» [Чернявская, 2007, с. 23].

Другими словами, интердискурс формируется на стыке двух и более дискурсов. Это означает, что он вбирает в себя информацию о дискурсах, а также о междискурсивных отношениях. Следовательно, интердискурс – это более широкое явление в сравнении с дискурсом. Основываясь на факте непрерывного взаимодействия дискурсов между собой, М. Пеше приходит к мнению, что

«дискурс всегда опирается на предшествующий дискурсный материал, играющий для него роль сырья, первичной материи» [Пеше, 1999, с. 317]. Поэтому исследователь вводит категорию интердискурсивности, которую можно охарактеризовать как «конститутивную способность любого дискурса, благодаря которой он находится в отношениях с ансамблем уже произведенных дискурсов» [Георгинова, 2014, с. 150].

Интердискурсивность в качестве нового лингвистического явления все чаще становится предметом пристального изучения отечественных лингвистов [Андреева, 2006; Белоглазова, 2010; Гордиевский, 2006; Мельникова, 2004; Олизко, 2007; Пелевина, 2008; Сургай, 2008; Чернявская, 2007; Шевченко, 2011 и др]. Возникновение и существование интердискурсивности неизбежно за счет обусловленности широким спектром причин. Это отмечают как основоположники, так и последователи явления. Например, Белоглазова Е.В. считает, что «одна сфера действительности может обслуживаться рядом конкурирующих между собой дискурсов» [Белоглазова, 2009, с. 159]. В данном случае речь идет о взаимодополнении или конфликте дискурсов, помимо этого, «метафоричность человеческого мышления обуславливает самые неожиданные параллели, приводящие к установлению субъективных междискурсивных отношений» [Белоглазова, 2009, с. 159].

Следовательно, можно сделать следующие выводы:

- любой заново возникший текст не может возникнуть на пустом месте. Так или иначе, он всегда связан с уже существующими текстами. Все, что было уже сказано и написано является базой, основанием, необходимой предпосылкой и условием для вновь создаваемых вербальных текстов, т.е. это – системообразующие факторы речетворческого произведения.

- интертекстуальность – это общее свойство текстов, которое обуславливает наличие между ними связей, из-за которых тексты (или их части) способны явно или скрыто ссылаться друг на друга [Арнольд, 1999; Кристева, 2000; Степанов, 2001; Genette, 1982; Riffaterre, 1984]. По мнению В.С. Григорьевой, такое свойство дискурса как интертекстуальность выражается в

наличии связей с предшествующими и последующими произведениями [Григорьева, 2007, с. 24].

Дискурс как результат языковой деятельности «выступает репрезентацией взаимодействия различных систем знания в сознании отправителя сообщения, в том числе взаимодействия различных дискурсов» [Георгинова, 2015, с. 75]. Наличие интердискурсивных включений, коррелирующих с соответствующими областями человеческого знания и практики, характеризует текст как полидискурсивное образование. Полидискурсивность – это, прежде всего, отражение сложной мыслительной деятельности автора. Полидискурсивность может соотноситься и исследоваться лишь в разрезе множества текстов, в отличие от интердискурсивности, которая описывает один текст, обладающий дискурсивной гетерогенностью. В основе полидискурсивности и интердискурсивности лежит тесная взаимосвязь различных видов дискурса, относящихся к определенным коммуникативным сферам, в рамках одного текста. Однако интердискурсивность представляет собой процесс взаимодействия дискурсов в конкретном дискурсивном акте. Сочетание специальных дискурсов будет индивидуальным в каждом отдельно рассматриваемом интердискурсе, таким образом, он индивидуален для каждого текста. Также интердискурс можно охарактеризовать как произвольный и спонтанный, поскольку он не ограничен какими-либо рамками, т.е. каждый автор творит его в рамках конкретной дискурсивной ситуации.

Но стоит выйти за пределы единичного текста, как сразу же перед нами предстает неупорядоченное открытое множество дискурсов, которое состоит из отдельных интердискурсов объединенных в абстрактный корпус текстов. Для структурирования этого открытого множества рационально будет применить полевой подход, т.е. вычленение дискурса-ядра и периферийных дискурсов, характеризующих данное множество текстов.

Вслед за Е.В. Белоглазовой можно утверждать, что интердискурс спонтанен, а полидискурс – устойчив. Интердискурс индивидуален для каждого отдельно взятого текста, а полидискурсу присуще открытое множество текстов.

«Интердискурс обусловлен конкретной коммуникативной ситуацией, а полидискурс обусловлен идеологией, объединяющей соответствующее множество текстов» [Белоглазова, 2009, с.70].

Общий вывод по параграфам:

Из вышесказанного, можно заключить, что методической основой для многих исследовательских работ французской школы анализа дискурса является структурализм, для работ англосаксонской школы – интеракционизм, отечественная теория дискурса изначально оперировала понятием «функциональный стиль».

Отличительной особенностью французской школы является понимание дискурса как субъективного явления, имеющего индивидуальную или групповую принадлежность, англо-саксонская понимание дискурса в процессе развития стало схоже с понятием «функциональный стиль», употреблявшемся отечественными лингвистами, которые мыслили дискурс как явление близкое по смыслу к понятию текста, однако подчеркивался разворачивающийся во времени, динамический характер дискурса. Многими учеными рассмотренных выше школ дискурса данное понятие мыслилось как двухкомпонентный феномен, включающий и динамический процесс языковой деятельности, в определенном социальном контексте, и результат этой деятельности как законченное речевое произведение (текст). Такая точка зрения развивается и многими современными лингвистами, в том числе и Т. ван Дейком [Dijk, 1998₁, с. 193–194]. **На современном этапе развития лингвистической науки дискурс мыслится многими исследователями как репрезентация знаний и рассматривается в рамках когнитивного подхода. Подобное понимание дискурса представляется нам одним из наиболее обоснованных и перспективных и будет использоваться в данной работе.** Помимо рассмотрения дискурса как

выражения знаний, современным дискурсивным исследованиям свойственен интерес к таким взаимосвязанным терминам, как интердискурсивность и полидискурсивность. Хотя данные явления не являются новыми и рассматривались ранее, но достаточно глубоко для создания прочной исследовательской базы эти феномены не изучались. Сейчас мы наблюдаем возрастание интереса лингвистов к этим явлениям, которое, вполне возможно, связано с развитием теории дискурс-анализа в общем.

1.2. Исследования президентского дискурса в рамках политического дискурса

В последнее время интерес исследователей к политической коммуникации возрастает, во многом благодаря насыщенности политической сферы событиями и ее важности в глобальных геополитических процессах. Изучением феноменов политической коммуникации и конкретно политического дискурса в зарубежной лингвистике занимались следующие ученые: Р. Андерсон [Андерсон, 2007; Anderson, 2001₁; 2001₂], В. Бенуа [Benoit, 1999], Р. Водак [Водак, 1997; 2000], Т.А. ван Дейк [Dijk, 1998₁; 2001; 2008], Дж. Лакофф [Lakoff, 2004], П. Серио [Sériot, 1985] и др.

В отечественной же лингвистике пристальное внимание феномену политического дискурса в своих работах уделяли следующие ученые-лингвисты: А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич [Баранов, Казакевич, 1991], Э.В. Будаев и А.П. Чудинов [Будаев, Чудинов, 2006_{1;2}; 2008_{1;2;3}; Чудинов, 2001; 2003; 2005], В.З. Демьянков [Демьянков, 2002], А.А. Романов [Романов, 2002], А.П. Седых [Седых, 2011; 2012], О.В. Спиридовский [Спиридовский, 2006], А.П. Чудинов [], Е.И. Шейгал [Шейгал, 1998; 1999; 2000; 2000₂; 2000₃; 2004] и др.

Понятие политического дискурса в свою очередь понимается исследователями в узком и в широком смыслах.

В широком смысле под политическим дискурсом понимается дискурсивная реализация политического дискурса в любом виде (например, политологические исследования также будут являться частью политического дискурса). Данную концепцию в своих исследованиях развивает Е.И. Шейгал и предлагая полевой подход к анализу политического дискурса, относит дискурс к политическому [Шейгал, 2000₁]. Как и в большинстве полевых научных теорий, в концепции Шейгал содержится «ядро» и «периферия». Применительно к политическому дискурсу данные понятия интерпретируются следующим образом:

- «ядро» состоит из первичных жанров (обращения, речи, заявления и т.д.)
- в них, как правило, хотя бы 2 из составляющих принадлежат политической сфере;
- «периферия» (статьи по политологии, очерки журналистов о политике и т.д.) – вторичные жанры, сочетающие в себе элементы политического и других видов дискурса, как правило, лишь 1 из составляющих принадлежит политической сфере.

В узком смысле под политическим дискурсом понимается институциональный дискурс (т.е. дискурс политического института). Данной концепции придерживается известный зарубежный лингвист Т.А. ванн Дейк, ограничивающий политический дискурс профессиональной деятельностью политиков, которая находит свое выражение в виде выступлений, дебатов, обращений к народу и т.д. [Dijk, 1998₁, с. 4, с. 26]. Данный подход кажется нам наиболее обоснованным, и мы будем придерживаться именно такого понимания политического дискурса в дальнейшем.

1.2.1. Взгляды отечественных ученых на политический дискурс

В соответствии со взглядами В.З. Демьянкова, политический дискурс можно исследовать как минимум с трех точек зрения:

- чисто филологической – как любой другой текст; при таком подходе также необходимо учесть «фон» дискурса – политические и идеологические концепции, доминирующие в мире интерпретатора;
- социопсихолингвистической – применим для замера эффективности достижения тех или иных политических целей говорящего;
- индивидуально-герменевтической – применим для раскрытия личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в рамках определенных обстоятельств [Демьянков, 2002, с. 34].

В.И. Карасик рассматривает политический дискурс как «институциональное общение, которое, в отличие от лично ориентированного, использует определенную систему профессионально ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией)» [Карасик, 2004, с. 281].

По мнению А.П. Чудинова, в понятие политического дискурса должны входить «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов, 2003, с. 18]. Рассматривая политический дискурс, А.П. Чудинов наделяет его следующими характеристиками: «ритуальность и информативность; институциональность и личностный характер; эзотеричность и общедоступность; редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте; авторство и анонимность политического текста; интертекстуальность и автономность политического текста; агрессивность и толерантность в политической коммуникации» [Чудинов, 2003, с. 42–56].

Е.А. Попова рассматривает политический дискурс как процесс завоевания и удержание власти, как всевозможное подавление политических противников, пояснение и оценка политической обстановки в обществе, формирование нужных мировоззрений и убеждений [Попова, 1995, с. 34]. Подобное определение политического дискурса представляется узким, не раскрывает в достаточной степени сферу воздействия и функционирования политики в жизни современного общества.

В соответствии с концепцией Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000₁, с. 35; 2004, с. 18–32], можно утверждать, что политический дискурс состоит из институциональных и неинституциональных форм общения. При этом, чтобы считать дискурс политическим, необходимо чтобы в нем либо субъект, либо адресат, либо содержание сообщения относились к политической сфере. Это значит, что в разрезе политической коммуникации речь может быть понята как борьба. Политика (если рассматривать ее как борьбу за завоевание и удержание власти) – это, однозначно, сфера агонального мышления, бытования агональных речевых идеалов. Следовательно, политический дискурс представляет собой демонстрацию борьбы, агона: «ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т.д.» [Шейгал, 1998, с. 24].

В соответствии с научными воззрениями А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6], подчеркивается его институциональность. Подобная узкая интерпретация политического дискурса ограничивает его только институциональными формами коммуникации. В рамках институционального дискурса происходит общение не между отдельными индивидами, здесь участником коммуникации с одной стороны является представитель/представители одного социального института (например, института президентства), с другой – представитель/представители иного социального института, либо же простые граждане.

По мнению А.А. Романова, политический дискурс – это, безусловно, предмет политической лингвистики, который являет собой «некоторую совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников определенного акта политической коммуникации». Далее А.А. Романов говорит о том, что эти практики «оказывают влияние на формирование представления об

объекте (факте, явлении, процессе), который они представляют. Таким образом, дискурсивная практика раскрывает существующие на данный момент тенденции использования сходных по функции альтернативных языковых средств для выражения определенного смысла и замысла» [Романов, 2002, с. 6].

Факт существования феномена политического дискурса некоторыми учеными подвергается сомнению. Считается, что языковые черты уникальности политического дискурса малочисленны и достаточно сложно поддаются идентификации, а обычные лексические и грамматические маркеры, определяющие политический дискурс как отдельный феномен, не выходят за границы соответствующих идиоэтнических языков. По мнению П.Б. Паршина, именно идиополитический дискурс является предметом политической лингвистики, т.е. «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [Паршин, 2001, с. 194].

1.2.2. Взгляды зарубежных ученых на политический дискурс

Вопрос определения и выделения политического дискурса находит также отражение в исследованиях Т.А. ван Дейка. Ученый анализировал политический дискурс и, по его мнению, создать типологию политического дискурса на основе только вербальных свойств крайне затруднительно, несмотря на присутствие стилистических, тематических и интеракциональных маркеров, способствующих выделению отличительных черт политического дискурса. Таким образом, Т.А. ван Дейк делает вывод, что основной категорией, позволяющей выделить политический дискурс является не сам текст, а контекст порождения и восприятия данного дискурса [Dijk, 2001₂, с. 21–22].

На основе этого Т.А. ван Дейк понимает политический дискурс как общность жанров социального домена политики и ставит его в оппозицию к образовательному, юридическому дискурсам, а также к дискурсу СМИ. При этом

следует отметить, что область политики не обладает четкими границами, во многом из-за того, что понятие «политика» имеет разные определения в различных источниках [Dijk, 2001₂, с. 19–20].

Дж. Лакофф и М. Джонсон, являясь одними из основателей когнитивно-лингвистической теории концептуальной метафоры, рассматривают политические споры (дискурс – А.Х.) как споры между метафорами [Johnson, Lakoff, 2003].

Существует точка зрения, согласно которой политический дискурс выделяется относительно других видов дискурсов именно особенностями содержания коммуникации, а не формой ее выражения. В формальном аспекте политический дискурс выделяется только благодаря небольшому количеству канонизированных конструкций и клише [Corcoran, 1979].

Д. Грейбер понимает политический дискурс более широко и полагает, что он определяется не используемой лексикой или особыми, свойственными ему знаками, а именно содержанием транслируемой информации, обстановкой, в рамках которой осуществляется трансляция сообщения и функции, которые при этом выполняются языком [Graber, 1981, с. 196]. Редуцировать наиболее трудные и неоднозначные вопросы, касающиеся грамматических и лексических характеристик политического дискурса, помогает, таким образом, контекстному ориентированию в определении политического дискурса.

Часть зарубежных лингвистов рассматривают содержание и цель коммуникации как ключевые критерии выделения политического дискурса [Denton, Woodward, 1985; Schudson, 1997].

В соответствии с взглядами Р. Водак политический дискурс существует между двумя полюсами – прагматически обусловленным особым языком и жаргоном конкретной группы с присущей ей идеологией. В связи с этим, политический дискурс «должен выполнять противоречивые функции: быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социальным причинам). Последнее часто противоречит доступности политического языка» [Водак, 1997, с. 24].

В качестве основных функций политического дискурса Р. Водак выделяет следующие: персуазивную, информативную, аргументативную, персуазивно-функциональную, делимитативную, групповыделительную [Водак, 1997, с. 51].

В исследованиях В. Бенуа и его коллег проработан колоссальный комплекс текстов избирательных кампаний кандидатов в США и многих других странах. Ряд коммуникативных тактик (таких, как «Восхваление», «Нападение», «Защита»), которые активно применяются различными кандидатами, были детально проанализированы В. Бенуа с использованием таких приемов, как контент-анализ и функциональная теория анализа политического дискурса [Benoit, 1999].

Несмотря на многообразие вариантов анализа политического дискурса, все они методологически берут свое начало в трех основных школах [Будаев, Чудинов, 2008₁, с. 83]:

- когнитивный анализ дискурса Т.А. ван Дейка [Dijk, 1981; 1983; 1997₂; 2001_{1;2}; 1998_{1;2;3;4}; 1999; 2008];
- дискурс-анализ Н. Фэрклау [Fairclough, 1989; 1992; 2003; Fairclough, Wodak, 1997];
- немецкая школа критического анализа дискурса: З. Егер [Jäger, Jäger, 2007; Jäger 2012], Ю. Линк [Link, 2008; Link, Link-Heer, 1990], У. Маас [Maas, 1984], можно также выделить социолингвистический дискурс-анализ Р. Водак [Wodak, Weiss, 2004] и представителей венской школы: Г. Байса [Weiss, Wodak, 2003], Х. Людвиг [Ludwig, Wodak, 1999], П. Новак и Й. Пеликан [Wodak, Nowak, Pelikan, 1990], М. Седлак [Sedlak, 2000].

Одно из важных мест в политической лингвистике занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время в гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах» [Серио, 2002, с. 16–17]. По мнению французских ученых, контент-анализ в США «предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и

исчисления» [Серио, 2002, с. 17]. Из этого следует, что основная задача исследователя – систематизация разных способов выражения сходного содержания и статистический анализ результатов исследования. Подобный анализ понимается французскими учеными как «совокупность второстепенных технических приемов» [Будаев, Чудинов, 2006₂, с. 84].

Также стоит обратить внимание на труды американского лингвиста Р.Д. Андерсона, которые включали исследования динамики политических метафор в период демократизации общества. Исследователь выдвинул предположение, что при замене авторитарного режима и авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в сознании людей разрушается стереотип о кастовом единстве политиков и их «оторванности» от народа. Таким образом, дискурс новой политической элиты исключает свойственное авторитарному дискурсу наделение института власти положительными чертами и сближается с «языком народа» [Андерсон, 2007; Anderson 2001_{1;2}]. При этом дискурс сохраняет и проявляет значительную вариативность, которая отражает разнообразие политических воззрений в обществе, построенном на демократических принципах. Любой текст, будь то авторитарный или демократический имеет информативное и соотносительное значение. Когда электорат воспринимает тексты новой политической элиты, люди не только получают информацию о ситуации в мире или экономике, но также о том, как элита соотносит себя с народом (отождествляет ли себя с населением или отдалятся) [Будаев, Чудинов, 2008₃, с. 12].

Таким образом, Р.Д. Андерсон совмещает дискурсивную теорию демократизации с анализом политической метафорики. Согласно дискурсивной теории демократизации, выраженной в научной статье “The Discursive Origins of Russian Democratic Politics” [Anderson, 2001₁], истоки демократических изменений в обществе нужно искать в дискурсивных инновациях, а не в реальных изменениях текущей социальной или экономической ситуации

1.2.3. Исследование президентского дискурса в отечественном языкознании

Именно в рамках политического дискурса начал исследоваться президентский дискурс (далее ПД), стали анализироваться его основные характеристики [Чудинов, 2001]. Долгое время президентский дискурс изучался как жанр или вид политического дискурса, не выделяясь из него. При этом очевидно, что уже исходя из полномочий президента (глава государства, главнокомандующий армией, гарант Конституции и т.д.), ПД охватывает гораздо больше областей жизни общества, чем дискурс политический. В ведении президента решение большого количества проблем и реагирование на современные вызовы, не относящиеся непосредственно к политической сфере [Кара-Мурза, 2013, с. 76].

Следует также признать, что хотя на данном этапе развития отечественной лингвистической науки самостоятельному анализу президентский дискурс не подвергался, появлялись работы, посвященные дискурсу того или иного президента [Гаврилова, 2012; Моргун, 2009; Седых, 2011 и др.].

В изучении политических текстов стоит обратить внимание на работу М.В. Гавриловой, в которой автор описывает необходимость разработки новой политической риторики в рамках исторического перехода России к президентской системе правления и развитию информационного общества. В данном случае М.В. Гаврилова изучает президентский дискурс, который обладает характерными чертами. В данной работе мы обратили внимание на следующие аспекты: 1) президентская речь интерпретируется как политическое действие; 2) выступление президента; 3) каждое выступление политического лидера характеризуется комплексным взаимовлиянием и взаимозависимостью между устной и письменной формами речи; 4) президентский текст в ряде случаев опосредован СМИ; 5) характерный тематический репертуар.

М.В. Гаврилова отмечает, что в выступлениях российских президентов мы можем наблюдать взаимодействие следующих признаков:

– по форме – устная (спонтанность, необратимость, многоканальность)/письменная речь (планирование текста, явственная структура содержания);

– по содержанию – книжный стиль (официальный характер, самостоятельность текста, тщательная и детализированная предварительная подготовка)/разговорная речь (ситуативная зависимость) [Гаврилова, 2012, с. 17].

Разговорная лексика, разрыв синтаксических связей в рамках строго построенного книжного текста воспринимаются как проявление личностного начала и усиливают речевое воздействие на реципиента [Гаврилова, 2013, с. 114]. М.В. Гаврилова указывает, что адекватное понимание выступлений главы государства должно способствовать глубокому изучению политических преобразований новой России. Здесь же дается определение президентскому дискурсу как сложному и многомерному речевому образованию.

Е.И. Шейгал, изучая политический дискурс, относит послания президента к жанру политической коммуникации, не рассматривая отдельно президентский дискурс [Шейгал, 2000₁, с. 11].

Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, проводя обзор и классификацию современных направлений исследований, относят президентский дискурс к «дискурсивным вариантам использования политического языка» [Будаев, Чудинов, 2008₂, с. 8] и также не выделяют президентский дискурс в качестве самостоятельного.

Н.Г. Бабич провела исследование президентского интервью и основных аспектов его лингвопрагматического анализа, рассматривая президентский дискурс как один из жанров дискурса политического [Бабич, 2015].

О.В. Спиридовский исследовал лингвокультурные характеристики американского президентского дискурса, рассматривая президентскую риторику в качестве вида политического дискурса [Спиридовский, 2006]. Исследователь придерживается мнения, что президентская риторика является неотъемлемой частью институционального дискурса, вместе с тем подчеркивается отражение в президентских выступлениях индивидуальных личностных характеристик.

Рассматривая личностные черты политического дискурса, О.В. Спиридовский выделяет следующие аспекты:

- ценностный – анализ зависимости ментальности президента от установленной системы ценностей в определенной социокультурной среде;
- поведенческий – изучение коммуникативного поведения президента;
- риторический – изучение интенга речей президента вместе с языковыми средствами его выражения;
- когнитивно-познавательный – исследование использования и функционирования ключевых концептов в ПД: универсальных и этноспецифичных [Спиридовский, 2006].

Атьман О.В., анализируя жанровую специфику президентского дискурса США, рассматривает президентский дискурс как разновидность дискурса политического, но, вместе с тем, выделяет внутри политического института институт президентства, что во многом приближает научные изыскания данного ученого к текущей работе [Атьман, 2009, с. 14–15].

Научные изыскания Нахимовой Е.А. посвящены изучению использования прецедентных имен в сфере массовой коммуникации и в частности их употребления в президентском дискурсе. Обращаясь к исследованию президентского дискурса, Е.А. Нахимова рассматривает его, однако, как «важную составную часть» дискурса политического [Нахимова 2007₁, с. 78].

А.П. Седых является автором ряда научных работ, посвященных непосредственно анализу дискурсивных особенностей конкретных президентов [Седых, 2011; 2012]. Особый интерес для данного исследования представляет рассмотрение влияния на президентский дискурс языковых личностей его носителей, а также условий, ведущих к изменению степени данного влияния.

Общий вывод по параграфам:

Рассмотрение проведенных исследований президентского дискурса свидетельствует о его близости к дискурсу политическому, в рамках которого он и изучается долгое время многими исследователями. В какой-то степени президентский дискурс является производным от дискурса политического и сочетает в себе наряду с собственными характеристиками видоизмененные черты политического дискурса: медийность, сверхметафоричность, прецедентность. Вместе с этим президентский дискурс подвержен сильному влиянию языковой личности президента, исключить которое не представляется возможным, и ряд ученых (о чем свидетельствует, в частности, диссертация О.В. Спиридовского [Спиридовский, 2006] и научные работы А.П. Седых [Седых, 2011;2012] отмечали наличие и влияние личностной составляющей ПД, хотя и не выделяли президентский дискурс в качестве отдельного типа институционального дискурса. Чтобы изучить феномен президентского дискурса во всей его полноте и с различных сторон, необходимо включить в исследования оба подхода к пониманию президентского дискурса и рассматривать как его институциональные черты, так и личностные. Более подробному рассмотрению данных черт будут посвящены следующие главы данного диссертационного изыскания.

1.3. Президентский дискурс vs дискурс президента

На текущий момент наиболее исследованными типами институционального дискурса считаются: медицинский, педагогический, религиозный, научный, экономический, рекламный, политический, управленческий и др. [Гуревич, 1990; Карасик, 1999; Каратанова, 2002; Коротеева, 1997; Кочетова, 1999; Милованова, 1997; Михайлова, 1997; Мороз, 2001; Олянич, 2001]. Конец XX – начало XXI вв.

характеризуется всплеском интереса к исследованию политического дискурса как типа дискурса институционального [Атьман, 2009; Бакумова, 2000; Водак, 2000; Дука, 1999; Желтухина, 1999; Кочкин, 1999; Нахимова, 2007₁; Новикова-Грунд, 2000; Попова, 1994; Попова, 2001; Шейгал, 2000₁; Joslyn, 1986], вместе с тем повышается интерес исследователей к дискурсу конкретных президентов [Гаврилова, 2012; Моргун, 2009; Седых, 2011].

Как было отмечено в предыдущем параграфе – хотя некоторые ученые и отмечали роль личности в формировании президентского дискурса, но рассматривали его исключительно как тип дискурса политического, а не как самостоятельную единицу. В данном диссертационном изыскании президентский дискурс (в соответствии с концепцией В.И. Карасика) понимается как самостоятельный тип институционального дискурса, как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [Карасик, 2000, с. 5], обладающий в то же время чертами личностного дискурса (имеется в виду влияние сильной личности – президента).

1.3.1. Президентский дискурс

ПД направлен на осуществление функций и выполнение обязанностей, возложенных на президента конституцией: политических (Constitution.kremlin.ru, ст. 5, 10, 11, Электронный ресурс; Constitution.kremlin.ru, ст. 10, 80, 86, Электронный ресурс), дипломатических (Constitution.kremlin.ru, ст. 86, Электронный ресурс; Conseil-constitutionnel.fr, art. 14, 16, Электронный ресурс), военных (Constitution.kremlin.ru, ст. 87, Электронный ресурс; Conseil-constitutionnel.fr, art. 15, Электронный ресурс) и т.д., соответственно ПД охватывает гораздо больше сфер, нежели политический дискурс, последний может быть рассмотрен в рамках интердискурсивного (полидискурсивного) характера ПД.

Согласно В.И. Карасику, модель институционального дискурса должна включать следующие типы признаков:

- 1) конститутивные признаки дискурса (условия, организация, тематика и т.д.);
- 2) признаки институциональности (участники и цели);
- 3) признаки типа институционального дискурса (наличие собственного института);
- 4) нейтральные признаки (присутствие черт других дискурсов) [Карасик, 2000, с. 8].

Исходя из данных, представленных в таблице ниже (Таблица 1), ПД обладает необходимыми, согласно концепции В.И. Карасика, признаками, присущими институциональному дискурсу.

Таблица 1 – Признаки ПД как типа институционального дискурса

Участники коммуникации	Цель	Условия, организация	Тематика	Проявление интердискурсивности (пересечения с другими дискурсами)
президент - народ	быть гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина	прямая линия, пресс-конференция, выступление	социально-политические, экономические, международные проблемы; широкий круг вопросов, относящихся к бизнесу, образованию, спорту и т.д.,	политический, экономический, медийный, административный, судебный, религиозный, деловой, спортивный, педагогический

Продолжение таблицы 1

Участники коммуникации	Цель	Условия, организация	Тематика	Проявление интердискурсивности (пересечения с другими дискурсами)
президент – представитель и власти	обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти	указы, послания президента, совещания	внутриполитические и внутриэкономические вопросы, вопросы внешней политики, социальные проблемы	административный*
президент - силовые структуры	охранять суверенитет и независимость государства	указы, обращения президента, совещания	военная доктрина, внутренняя стабильность государства	военный*
президент - президент	определять основные направления внешней политики; представлять страну в международных отношениях.	саммиты, встречи (в том числе встречи без галстуков)	глобальная политика, геополитика	дипломатический*
президент – команда (в том числе пресс- секретарь)	обеспечивать консолидацию и поддержку во всех вопросах	подготовка и организация любых мероприятий с участием президента	актуальные вопросы и события в России и в мире	медийный*

*Знаком * (Таблица 1) отмечен тот тип дискурса, который доминирует в указанном типе коммуникации.*

Участниками президентского дискурса является с одной стороны институт президентства – президент и его «команда» (советники, полномочные представители, пресс-секретарь, имиджмейкеры и т.д.) [Худяков, 2015, с. 207], с другой стороны – соответствующие клиенты. Целью ПД «является осуществление обязанностей, возложенных на президента Конституцией, а также обсуждение широкого круга проблем, не только политических, но и экономических, дипломатических, военных, образовательных и т.д.» [Худяков, 2016, с. 184]. Кроме того, президентский дискурс разворачивается в рамках института президентства, обладает собственными типичными формами организации, выделяется «ядро» обсуждаемых тематик и присутствуют вкрапления других институциональных дискурсов. Таким образом по всем параметрам президентский дискурс укладывается в модель типа институционального дискурса (по Карасику) и может рассматриваться как самостоятельный тип институционального дискурса, точнее представлять институциональную составляющую (далее ИС) ПД.

1.3.2. Дискурс президента

В предыдущем параграфе был сделан вывод, что президентский дискурс несомненно может считаться самостоятельным типом институционального дискурса, так как он обладает необходимыми чертами, присущими институциональным дискурсам. Вместе с тем, необходимо отметить, что в формировании ПД помимо институциональной составляющей участвует и сильная языковая личность – президент.

В лингвистической литературе накоплен опыт исследования языковых личностей политиков (М.В. Гаврилова [Гаврилова, 2012], О.С. Иссерс [Иссерс,

1996; 2008], Ю.А. Кричун [Кричун, 2011], Е.А. Нахимова [Нахимова, 2007₂], А.П. Седых [Седых, 2011; 2012], О.В.Спиридовский [Спиридовский, 2006] и т.д.) речевого портрета, коммуникативного имиджа, языковой личности и т.д. В последнее время все чаще исследователи обращаются к изучению политической коммуникации и в том числе языковых личностей конкретных президентов: Б.Н. Ельцина [Гаврилова, 2012], В.В. Путина [Нахимова, 2007₂], Д.А. Медведева [Кошкарлова, 2011], А. Меркель [Нехорошева, 2012], Б. Обамы [Липко, Антипьева, 2014] и т.д. Подобные работы, посвященные изучению индивидуальных дискурсивных особенностей конкретных президентов, мы относим к исследованиям личностной составляющей президентского дискурса («дискурсу президента» – ДП). Таким образом, мы считаем возможным и логичным разграничение понятий «президентский дискурс» и «дискурс президента», понимая под ПД преобладание институциональной составляющей президентской коммуникации, а под ДП – преобладание личностной составляющей.

О «дуализме» институциональных дискурсов говорит и В.И. Карасик. Согласно позиции лингвиста, каждому институциональному дискурсу свойственна своя степень соотношения институционального и личностного компонентов, полностью обезличенное общение в реальности встречается редко. Ученый полагает, что персональный (личностный) дискурс спонтанен, сильно зависим от ситуации, ярко субъективен, ему свойственны нарушения логики построения и структуры высказываний, использование сниженной и жаргонной лексики [Карасик, 2000, с. 5]. Из этого следует, что степень проявления личностных черт в дискурсе в значительной мере зависит от ситуации (условий, организации), которая определяет степень влияния статусно-ролевых отношений (регламентированности) и степень потенциально возможного проявления языковой личности (далее ЯЛ) президента. Можно утверждать, что в ПД имеет место как институциональная, так и личностная составляющие (далее ЛС), и степень их проявления зависит от ситуации и условий развертывания дискурса: чем сильнее проявляется одна составляющая, тем меньше возможности для проявления другой. Таким образом, в рамках ПД неразрывно существуют 2

взаимодополняющих типа дискурса: «президентский дискурс» как отражение институционального дискурса и «дискурс президента» как отражение личностного дискурса.

Новым и ярким способом проявления «дуализма» ПД является активное участие ряда политических лидеров в социальных сетях. Например, примечателен этим экс-президент России Дмитрий Медведев, имеющий профили в нескольких популярных соц. сетях. На данных страницах публикуются как «рабочие» заявления президента (Рисунок 1), которые можно отнести к институциональной составляющей ПД, так и подробности частной жизни (Рисунок 2), относящиеся непосредственно к личностной составляющей.

Рисунок 1 – Рабочее заявление Д.А. Медведева

Рисунок 2 – Частное заявление Д.А. Медведева

В то же время народ получил возможность реагировать на заявления политиков в социальных сетях в режиме реального времени: можно отметить понравившуюся запись или разместить ее на своей странице, отправить друзьям, добавить комментарий и т.д. Причем политический лидер и его команда, исходя из этих социальных метрик, могут оценить эффективность воздействия на аудиторию тех или иных заявлений, степень одобрения текущего политического курса, реакцию граждан на последние новости в стране и мире, косвенно узнать мнение общественности по тому или иному вопросу и т.д.

Общий вывод по параграфам:

Из данного параграфа следует, что ПД является типом институционального дискурса с присущими ему чертами дискурса личностного. Степень проявления личностной и институциональной составляющих напрямую зависит от ситуации общения (контекста), причем проявления одной из составляющих зачастую подавляет проявление другой в обратно пропорциональной зависимости, что позволяет говорить о целесообразности рассмотрения оппозиции «дискурс президента» – личностная составляющая и «президентский дискурс» – институциональная составляющая. Вместе с тем мы придерживаемся мнения В.И. Карасика о том, что противопоставление институционального и персонального дискурсов это чисто исследовательский прием. Схематично ПД может быть представлен следующим образом (Рисунок 3):

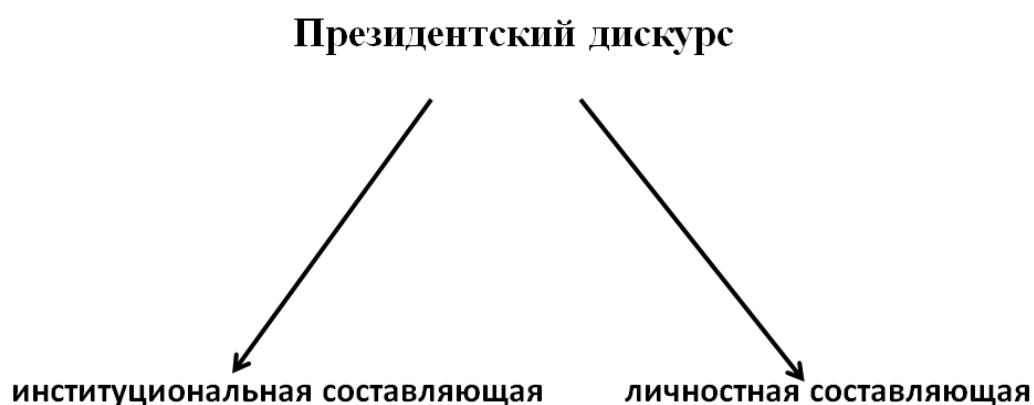

Рисунок 3 – Составляющие ПД

1.5. Когнитивно-матричный подход к исследованию президентского дискурса

Из приведенных в предыдущем параграфе материалов очевидно, что определяющую роль при проявлении обеих составляющих ПД играет контекст (по Т.А. ван Дейку – «контекстные модели»), а соответственно и стоящие за ним лингвистические и экстралингвистические знания, определяющие производство и понимание дискурса. Таким образом, знание контекста выступления коммуникантами определяет характер ПД: дискурс президента разворачивается в соответствии со знаниями президента и его команды о текущем коммуникативном контексте, а поведение реципиентов ПД зависит от представлений/знаний о контексте текущего выступления. Помимо контекста, нельзя не отметить, что ПД разворачивается в соответствии с ранее освоенными знаниями и опирается на них. В.Б. Гольдберг называет подобные знания «опорными» – «намек» на известную информацию, помогающую осмыслить нечто новое [Гольдберг, 2012, с. 151–173].

Таким образом, целесообразным представляется проведение исследования президентского дискурса в рамках когнитивного подхода: язык не только является средством формирования и выражения мыслей, но и системой

репрезентации знаний. Согласно Л.В. Бабиной, «в рамках когнитивной лингвистики анализ познавательной деятельности человека связывается, прежде всего, с языковыми проявлениями этой деятельности, поскольку язык – главная составляющая когнитивной системы, обеспечивающей осуществление процессов, направленных на получение и обработку, хранение и использование, организацию и накопление структур знания» [Бабина, 2003, с. 43].

На текущий момент когнитивная лингвистика является перспективным направлением с глубоко проработанной теоретической базой, в русле которого выполнены исследовательские работы многих видных отечественных и зарубежных ученых [Бабина, 2003; Беляевская, 1992; Беседина, 2006; Болдырев, 1995; 2007; 2014₂; Вежбицкая, 1993; Гольдберг, 2000; Гринев-Гриневич, Сорокина, Гринев-Гриневич, 2016; Жирова, 2016; Крюкова, 2009; Кубрякова, 2008; Кузьменко, 2010; 2011; Левченко, Руденко, 2017; Максименко, 2015; Ощепкова, 2017; Панасенко, 2014; Позднякова, 1999; Попова, 2006; Слышкин, 2004; 2005; Стернин, 2005; Фурс, 2004; Цурикова, 2007; Шарандин, 2011; Barsalou, 1992; Croft, Cruse, 2004; Jackendoff, 1995; Lakoff, 1990; Langacker, 1991; Rosch, 1976; 1983; Strauss, Quinn, 2001; Talmy, 2000; Taylor, 2002; Schmid, Ungerer, 2006; Zinken, 2002 и др.].

Дискурсивная активность индивида разворачивается в «сложной системе социально обусловленных и культурно значимых координат»; она «имеет социально-исторические корни и всегда связана с реальными потребностями и намерениями людей, всегда обусловлена конкретными условиями общения (участниками общения, его фоном, местом и временем общения, целями)» [Кубрякова, 2008, с. 44]. Дискурсивная деятельность «облигаторно связана с информацией – ее передачей от одного лица/коллектива другому лицу/коллективу, с запросом, ее обработкой и переработкой отдельной личностью или коллективом говорящих» [Кубрякова, 2009, с. 13–14]. Актуальность использования когнитивного подхода применительно к исследованию президентского дискурса также подтверждается все большим укреплением междисциплинарной когнитивно-дискурсивной парадигмы [Позднякова, 2013, с.

101]. Вместе с этим именно когнитивно-функциональное рассмотрение явления языка значительно глубже позволяет изучить суть феноменов в сравнении с формальным их описанием [Langacker, 1999, с. 14–18].

Знания о президентском дискурсе могут быть охарактеризованы как многоаспектные. Согласно теории Н.Н. Болдырева, когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление соответствующих языковых единиц, разноплановы и индивидуальны, а многоаспектные знания «не могут быть выявлены и описаны с помощью традиционных методов», их можно представить только «в виде отдельных компонентов единой матрицы, которые открывают потенциальный доступ к тем или иным областям осмысления – концептуальным областям» [Болдырев, 2009, с. 62].

Когнитивная матрица как особый формат знания дает возможность выявить различные связи концепта с концептуальными областями, являющимися источниками его содержания [Болдырев, Алпатов, 2008, с. 6]. Матрица объединяет знания о различных аспектах одного явления, она обращена к нескольким концептуальным областям [Болдырев, 2014₁, с. 60]. Для структуры когнитивной матрицы не характерна какая-либо иерархия, «компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной или доминирующей по отношению к другим» [Болдырев, 2009, с. 41].

Используя когнитивную матрицу как систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта, мы сможем «свести воедино знания о разных аспектах одного явления» [Куликов, 2008, с. 75], рассмотреть президентский дискурс в качестве знания матричного формата и выявить лингвокогнитивные характеристики, представляющие его как «многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов возможного их осмысления» [Болдырев, 2008, с. 52].

Опираясь на теорию, разработанную Н.Н. Болдыревым, президентский дискурс исследуется в данном диссертационном изыскании с применением когнитивно-матричного анализа, позволяющего выявить когнитивные контексты

как области осмысления президентского дискурса (в частности, его институциональной и личностной составляющих) и проанализировать свойственные данным контекстам концептуальные области различного уровня сложности [Болдырев, Алпатов, 2008, с. 6].

Вывод по параграфу:

Президентский дискурс, в частности каждая из его составляющих (институциональная и личностная), может быть проанализирован как система многоаспектных знаний, представленная в виде когнитивной матрицы, состоящей из когнитивных контекстов, дающих доступ к различным концептуальным областям (общая когнитивная матрица в терминах Н.Н. Болдырева).

Выводы по главе 1

1. Общепринятого и всеохватывающего определения термина «дискурс» на текущий момент нет, выделяются крупные школы, осуществляющие тот или иной подход к понятию дискурс. На современном этапе развития лингвистической науки дискурс мыслится многими исследователями как репрезентация знаний и рассматривается в рамках когнитивного подхода. Подобное понимание дискурса представляется наиболее обоснованным и перспективным, подтверждает необходимость рассмотрения президентского дискурса с точки зрения когнитивной лингвистики.

2. Изучение проведенных исследований президентского дискурса в рамках дискурса политического свидетельствует о близости данных понятий. В определенной степени ПД является производным от дискурса политического,

однако на современном этапе темы, обсуждаемые между коммуникантами (президент и его команда, с одной стороны, и народ, отдельные его представители, с другой), свидетельствуют о широком спектре вопросов: экономика, спорт, медицина, образование, культура и т.д. В этой связи представляется возможным выделение президентского дискурса в самостоятельный тип институционального дискурса (в соответствии с терминологией В.И. Карасика).

3. Президентский дискурс подвержен сильному влиянию языковой личности президента, исключить которое не представляется возможным (это показано в работах О.В. Спиридовского, А.П. Седых и др.). Таким образом, личностная составляющая является неотъемлемым компонентом ПД. Комплексное изучение феномена ПД во всей его полноте и с различных сторон предполагает его рассмотрение как включающего две составляющие: институциональную и личностную. Степень проявления каждой из составляющих зависит от ситуации общения (контекста).

4. Когнитивный подход к исследованию ПД позволяет рассматривать его составляющие как систему когнитивных контекстов и концептуальных областей. Представляя собой многоаспектные знания, ПД, в частности институциональная и личностная составляющие, могут быть проанализированы с использованием когнитивно-матричного метода, позволяющего выявить лингвокогнитивные характеристики, присущие каждой из составляющих ПД.

Основные выводы, сделанные в ходе анализа теоретического материала, дают возможность наметить дальнейшую перспективу исследования и являются теоретической базой анализа фактического материала в Главе 2.

Глава 2. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса

В данной главе на основе анализа собранного материала будут рассмотрены лингвокогнитивные характеристики президентского дискурса. Для раскрытия специфики ПД будут исследованы обе его составляющие, теоретическая основа выделения которых была обоснована и в первой главе.

Выводы первой главы сводились к целесообразности рассмотрения ПД в русле когнитивной лингвистики и применения метода когнитивно-матричного анализа для исследования особенностей ПД как многокомпонентного феномена. В задачи второй главы входит построение матричной модели для институциональной и для личностной составляющих ПД. В этих моделях (матрицах) будут отражены значимые для данного исследования когнитивные контексты, в которых наиболее ярко проявляется каждая из составляющих ПД. Для построения матричных моделей будет использована общая когнитивная матрица, содержащая наиболее релевантные когнитивные контексты. Внутри каждого когнитивного контекста будут выделены концептуальные области, раскрывающие содержание включающих их контекстов. Далее будут проанализирована каждая из выделенных концептуальных областей / концептов для каждого контекста с целью выявления лингвокогнитивных особенностей ПД.

2.1. Институциональная составляющая президентского дискурса

Институциональная составляющая президентского дискурса может быть показана как результат языковой деятельности, представляющей многоаспектные знания об институте президентства, его коммуникантах, целях и тематике коммуникации. Эти знания могут быть охарактеризованы как компоненты когнитивной матрицы, содержащей определенные когнитивные контексты.

Когнитивный контекст понимается когнитологами как контекст знаний, который отражает познавательный опыт человека как личности и социума в целом. В когнитивной матрице когнитивные контексты – это ячейки матрицы, «которые открывают потенциальный доступ к тем или иным областям осмысления – концептуальным областям» [Болдырев, 2014₁, с. 62]. Такое толкование перекликается с интерпретацией когнитивного контекста в дискурс-анализе как компонента дискурса, структуры характеристик, релевантных для производства и понимания дискурса [Дейк, 1989, с. 99; Dijk, 1998₂, с. 4–5; 2001₁, с. 11–15] и дает основания применить когнитивно-матричный подход для решения цели, поставленной в данном диссертационном исследовании – осуществить анализ лингвокогнитивных характеристик президентского дискурса.

Анализ ПД дискурса на примерах высказываний Ж. Ширака и В.В. Путина позволяет выделить когнитивные контексты, наиболее релевантные для данного типа дискурса: **ВЛАСТЬ**, **ПУБЛИЧНОСТЬ** и **СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ**. Выделение данных когнитивных контекстов соответствует следующим определениям общей когнитивной матрицы: 1) для ее структуры нехарактерна какая-либо иерархия, ни одна концептуальная область не является строго обязательной или доминирующей; 2) знания матричного формата являются многоаспектными; 3) содержание компонентов матрицы может варьировать; 4) интегративность; 5) опциональность компонентов: наличие того или иного компонента является факультативным (обязательным является наличие хотя бы двух компонентов). При этом слова «власть», «публичность» и «силовые структуры» сами по себе передают многоаспектное знание, соответствующее знаниям о ПД, который разворачивается в пространстве взаимоотношений президента (и его команды) как института государственной власти (**ВЛАСТЬ**), открытого для народа (**ПУБЛИЧНОСТЬ**) и обладающего возможностями силового воздействия (**СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ**). Так, в словаре Ожегова мы находим следующее определение слову «власть»:

«... 2. Политическое господство, **государственное управление и его органы**. В. народа или народная в. Верховная в. Прийти к власти. Быть у власти.

3. мн. **Лица, облеченные правительственными, административными полномочиями.** Местные власти. * Ваша власть (устар.) - как вам угодно, вам решать, дело ваше. Под властью чего, предлог с род. п. - под влиянием, под воздействием чего-н. Действовать под властью обстоятельств. II прил. властный, -ая, -ое (к 1 знач.). **Властные функции главы государства.** Властная элита» [Толковый словарь Ожегова: власть] (здесь и далее выделено нами – А.Х.). Во французском языке “Le pouvoir **c'est la capacité dévolue à une autorité ou à une personne**, d'utiliser les moyens propres à exercer la compétence qui lui **est attribuée soit par la Loi**, soit par un mandat dit aussi "procuration"” [Dictionnaire du droit privé français: pouvoir, Электронный ресурс].

В соответствии с толкованием БСЭ понятие «**публичная власть**» является одним из важнейших признаков государства [Большая советская энциклопедия: публичная власть, Электронный ресурс], соответственно президентской власти свойственна публичность. “L'expression "pouvoirs publics" désigne le gouvernement et l'ensemble des services chargés de l'administration d'un Etat ou d'une collectivité territoriale. Elle peut aussi désigner plus spécifiquement telle ou telle administration” [Dictionnaire politique: pouvoirs publics, Электронный ресурс].

И президент Российской Федерации, и президент Французской Республики являются Верховными Главнокомандующими [Constitution.kremlin.ru, ст. 87, Электронный ресурс; Conseil-constitutionnel.fr, art. 15, Электронный ресурс], что отражается в ПД. В Большом толковом словаре русского языка «главнокомандующий» определяется как «командующий **вооруженными силами** государства или группы государств на каком-л. фронте или стратегическом направлении...» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 206]. «Президент Российской Федерации: ж) формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом; з) утверждает военную доктрину Российской Федерации [Constitution.kremlin.ru, ст. 83, Электронный ресурс].

Таким образом, Совет Безопасности, возглавляемый президентом, подходит под определение **силовых структур** – «специально организуемые и содержимые

государством министерства, комитеты, службы с их центральными аппаратами и разветвленной системой объединений, учреждений, соединений, частей и подразделений вплоть до отдельно взятых лиц высокого ранга и положения, создаваемые в интересах защиты (охраны) (конституционного) строя и в необходимых покушения на них, отражения нападения, порой и их осуществления. К ним относятся армия, пограничная служба, органы внутренних дел, разведки и контрразведки...» [Власть. Политика. Государственная служба. Словарь, с. 110].

Обращаясь к конституции Французской Республики, мы находим практически аналогичные полномочия президента:

*“Le Président de la République est **le chef des armées**. Il préside **les conseils et comités supérieurs de la Défense nationale**”* [Conseil-constitutionnel.fr, art. 15, Электронный ресурс]. – *Президент Республики является главой вооруженных сил. Он председательствует в высших **советах и комитетах национальной обороны** (здесь и далее перевод наш – А.Х.).*

Таким образом, институциональную составляющую ПД можно представить в виде следующей когнитивной матрицы (Рисунок 4):

Рисунок 4 – Когнитивная матрица институциональной составляющей ПД

2.1.1. Когнитивный контекст ВЛАСТЬ

Когнитивный контекст ВЛАСТЬ очень важен для исследования институциональной составляющей ПД, так как президент – это, прежде всего, представитель власти. ПД контактирует большей частью с другими ветвями власти в соответствии с существующей в стране вертикалью власти. Президент издает указы и распоряжения, зачитывает послания (например, послание Федеральному собранию в РФ), контролирует работу нижестоящих властных структур и т.д.

Данный когнитивный контекст выводит на указанные ниже концептуальные области.

– РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ. В соответствии с концепцией Т.А. Ширяевой, регламентированность является особенностью институционального дискурса (неотъемлемой частью которого является дискурс власти – А.Х.) и понимается исследователем как «подчиненность коммуникативного поведения людей существующим общепринятым правилам, образцам и ограничениям» [Ширяева, 2014, с. 49].

– ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, которая понимается как «связь между явлениями в процессе развития, когда новое, снимая старое, сохраняет в себе некоторые его элементы» [Большая советская энциклопедия, Электронный ресурс]. Идея преемственности постоянно фигурирует в выступлениях анализируемых политических лидеров, кроме того преемственность президентской власти зафиксирована в Конституции РФ [Constitution.kremlin.ru, ст. 91, Электронный ресурс], а обеспечение преемственности государства является обязанностью президента Французской Республики – “*Il assure, par son arbitrage, le fonctionnement régulier des pouvoirs publics ainsi que la **continuité** de l'État*” [Conseil-constitutionnel.fr, art. 5, Электронный ресурс]. (Он обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование органов публичной власти, а

также *преемственность* государства [Conseil-constitutionnel.fr, art. 5, Электронный ресурс].).

Анализ выступлений рассматриваемых президентов, а также анализ словарных дефиниций и полномочий президентов дают основания выделить ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ в качестве концептуальной области когнитивного контекста ВЛАСТЬ.

– КЛИШИРОВАННОСТЬ как концептуальная область репрезентируется в использовании говорящим различного рода стилистических, лексических и синтаксических клише. По мнению Е.А. Земской, клишированность – характерная черта современного дискурса вообще, это широчайшее использование различного рода цитат и клише [Земская, 1996, с. 23]. На основе концепции В.Н. Телия, мы будем понимать клише как «отдельный класс устойчивых, грамматически неоднородных, регулярно воспроизводимых блочных, т.е. представляющих собой готовые составные блоки, стандартных фразеологических единиц в типовых речевых ситуациях, отражающих стереотипы мышления коммуникантов» [Цит. по: Стрибижев, 2005, с. 7].

2.1.1.1. Концептуальная область РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ

Под регламентированностью понимается подчинение ПД определенным рамкам, обусловленным коммуникативной ситуацией и целью. Обычно регламент фиксирует следующие элементы публичных выступлений: длительность, очередность, поведение оратора и аудитории, содержание выступления и т.д. Ярким и показательным примером регламентированности является церемония инаугурации президентов. В России присягу народу приносит каждый президент в рамках установленного регламента (место, время, текст присяги и т.д.), например:

1. «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу» [Kremlin.ru, 7.05.2012, Электронный ресурс].

Приведенный в примере (1) отрывок присяги произносили все президенты Российской Федерации. Используя регламентированный текст, они вступали в должность президента РФ, произносимые ими слова непосредственно меняли реальность, что является примером воплощения перформативной функции в ПД.

Во Франции президенты не произносят единый текст присяги при инаугурации, каждый президент готовит собственное выступление, однако, их речь не менее регламентирована:

- единое место произнесения речи – Елисейский дворец;
- инаугурационная речь президента занимает четко регламентированное место во всей церемонии инаугурации: произносится после вручения цепи магистра Ордена Почетного легиона, после выступления идет смотр гвардии и прослушивание гимна, «Марсельезы»;
- выступления президентов разворачиваются в соответствии с установленными традициями, зачастую используется много отсылок к прошлому, к предыдущим лидерам Франции. Ниже приведена цитата из инаугурационной речи Жака Ширака после его победы на выборах 1995 года:

2. *“Je ferai tout pour que notre démocratie soit affermie et mieux équilibrée, par un juste partage des compétences entre l'exécutif et le législatif, ainsi que l'avait voulu le **Général de Gaulle, fondateur de la Ve République**”* [Elysee.fr, 17.05.1995, Электронный ресурс]. – *Я сделаю все, чтобы наша демократия была укреплена и лучше сбалансирована путем справедливого раздела полномочий между исполнительной и законодательной властями, так, как этого хотел **Генерал де Голль основатель Пятой Республики**.*

В примере (2) мы видим, что, изменяя темпоральную направленность высказывания, Жак Ширак связывает себя с Шарлем де Голлем, представляя себя

продолжателем его свершений, что также репрезентирует такую концептуальную область ПД, как ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, речь о которой подробнее пойдет в следующем параграфе.

Говоря о регламентированности ПД и в общем деятельности президента на своем посту, нельзя не упомянуть о протокольной службе, существующей при большинстве лидеров стран, в том числе при президентах РФ и Франции. Основной функцией данных служб является соблюдение протокола президентами и в отношении президентов. Под протоколом обычно понимается совокупность правил поведения и традиций, соблюдаемые президентами, правительствами и другими должностными лицами в процессе общения (как внутри страны, так и международного). Дипломатический протокол состоит из:

- этикета (совокупность правил, регламентирующих поведение в ходе визитов, приемов, переговоров);
- церемониала (порядок проведения торжественного мероприятия, например, встречи глав государств).

Таким образом, основой регламентированности ПД является сам институт президентства, «налагающий на президента ряд полномочий и обязанностей, в рамках которых в дальнейшем и разворачиваются его выступления» [Худяков, 2016, с. 186]. Полномочия и обязанности президента закреплены в Конституции, например:

3. *“Le Président de la République veille au respect de la Constitution. Il assure, par son arbitrage, le fonctionnement régulier des pouvoirs publics ainsi que la continuité de l'État. Il est le garant de l'indépendance nationale, de l'intégrité du territoire et du respect des traités”* [Conseil-constitutionnel.fr, 23.07.2008, Электронный ресурс]. – Президент следит за соблюдением Конституции. Он обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование органов публичной власти, а также преемственность государства. Он является основным гарантом национальной независимости, целостности территории, соблюдения международных договоров.

Конституция и другие законные акты регламентируют подавляющую часть деятельности в рамках института президентства: срок полномочий, церемонию инаугурации, периодичность выступлений перед другими органами власти, порядок действий в той или иной политической ситуации и т.д. Регламентированность выражается в дискурсе как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровнях (место, церемониал и т.д.).

2.1.1.2. Концептуальная область ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Преемственность власти – одна из центральных концепций, положенная в основу стабильности стран. В государствах со стабильными политическими режимами, коими без сомнения являются Россия и Франция, власть не переходит стихийно из одних рук в другие, а планомерно передается путем выборов. Аналогичная ситуация обстоит и с институтом президентства: по истечению срока полномочий президента власть передается кандидату, победившему на выборах. Столь важный феномент преемственности, разумеется, нашел отражение как в политическом дискурсе, так и в дискурсе президентском.

В инаугурационной речи президентов Франции используется много отсылок к предыдущим лидерам Франции, репрезентируя тем самым в сознании слушателей преемственность власти и поколений:

4. “Le Président François MITTERRAND a marqué de son empreinte les quatorze ans qui viennent de s'écouler. Un nouveau septennat commence. Je voudrais qu'à l'issue de mon mandat, les Français constatent que le changement espéré a été réalisé” [Jacqueschirac-asso.fr, 17.05.1995, Электронный ресурс]. – **Президент Франсуа Миттерран оставил свой след в прошедших четырнадцати годах. Начинается новый семилетний президентский срок. Я бы хотел, чтобы по истечению моего мандата французы констатировали, что ожидаемое преобразование выполнено.**

В примере (4) помимо упоминания своего предшественника, Жак Ширак констатирует начало нового семилетнего срока президентства («*Un nouveau septennat commence*»), тем самым проводя линию преемственности власти от предшественника к началу своего правления.

Аналогичную линию преемственности проводит и В.В. Путин в своей первой инаугурационной речи:

5. «Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом – произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале: «Берегите Россию». Именно в этом я вижу главную президентскую обязанность» [Kremlin.ru, 7.05.2000, Электронный ресурс].

В приведенном примере (5) первое предложение является вводным, создает «интригу» и привлекает внимание аудитории, второе раскрывает «интригу», но именно третье является «кульминацией» и придает смысл всему высказыванию, которое в совокупности репрезентирует концептуальную область ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.

Помимо упоминания своих предшественников в президентском дискурсе широко распространено обращение к исторической перспективе, к славному прошлому, к далеким предкам, известным историческим фактам.

6. “Fidèle à l'idéal humaniste qui guide le peuple français depuis la proclamation des droits de l'homme et du citoyen, je veillerai à ce que les principes de liberté, d'égalité et de fraternité inspirent constamment l'action de son gouvernement” [Jacqueschirac-asso.fr, 16.05.2002, Электронный ресурс]. – *Верный идеалам гуманизма, которые ведут французский народ со времен провозглашения прав и свобод человека и гражданина, я буду заботиться о том, чтобы принципы свободы, равенства и братства постоянно вдохновляли деятельность его правительства.*

В примере (6) ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ репрезентируется в дискурсе через создание сопричастности автора высказывания к известному и близкому французам историческому событию (провозглашению прав человека и

гражданина), а также через высказывание-девиз Великой французской революции – «*Liberté, Égalité, Fraternité*».

7. «Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда **помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам**» [Kremlin.ru, 7.05.2000, Электронный ресурс].

В примере (7) мы видим, что помимо связи прошлого и настоящего президент «прокладывает» связь с будущими поколениями – «...все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам». В данном отрезке инаугурационной речи президент обращается к прошлому, настоящему и будущему. Примеры аналогичных темпоральных конструкций встречаются также в предвыборной речи Жака Ширака:

8. “*Les Françaises et les Français m'ont renouvelé leur confiance. Les devoirs que j'ai envers chacun d'eux seront constamment présents à mon esprit, aujourd'hui et pour les cinq années du mandat qu'ils m'ont donné*” [Jacqueschirac-asso.fr, 16.05.2002, Электронный ресурс]. – *Француженки и французы снова оказали мне свое доверие. Обязанности, которые есть у меня перед каждым из них, будут постоянно в моем сознании, сегодня и на пять лет мандата, который они мне выдали.*

В приведенном примере (8) тоже осуществляется переход от *прошлого* (*Les Françaises et les Français m'ont renouvelé leur confiance*) к настоящему (*Les devoirs que j'ai envers chacun d'eux*) и далее к будущему (*...seront constamment présents à mon esprit, aujourd'hui et pour les cinq années*). В конце речи мы снова видим отсылку к прошлому (*...du mandat qu'ils m'ont donné*), которая, по сути, повторяет смысл первой фразы и тем самым «закольцовывает» ее.

Изменение темпоральной направленности с целью реализации в сознании слушателей концепта ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ является широко используемым

приемом не только в инаугурационных речах, но и в президентском дискурсе в целом:

9. *«Гитлеровская авантюра стала ужасным уроком для всего мирового сообщества. Тогда, в 30-е годы прошлого века, просвещенная Европа не сразу увидела смертоносную угрозу в идеологии нацизма.*

И сейчас, спустя 70 лет, история вновь взывает к нашему разуму и к нашей бдительности. Мы не должны забывать, что идеи расового превосходства и исключительности привели к самой кровопролитной войне» [Kremlin.ru, 9.05.2015, Электронный ресурс].

В примере (9), меняя темпоральную направленность речи, В.В. Путин дает оценку прошлым событиям (Гитлеровская авантюра стала ужасным уроком), проводит параллель с текущей ситуацией (*сейчас, спустя 70 лет, история вновь взывает*) и дает установку на будущее (*не должны забывать*). Таким образом, с помощью изменения темпоральной направленности в дискурсе репрезентируется концептуальная область ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.

Идея преемственности поколений постоянно фигурирует в официальных выступлениях В.В. Путина и Ж. Ширака, часто употребляясь в патриотическом контексте верности Родине, национального единства, истории:

10. *«Мы неотделимы от своей Родины, от ее многовековой истории, духовных корней. И эта неразрывная связь времен и событий, преемственность поколений – наше бесценное достояние»* [Kremlin.ru, 12.06.2015, Электронный ресурс].

В примере (10) концептуальная область преемственности репрезентируется посредством концептов «родина», «история», «корни», «связь», «поколение». Президент дает характеристику анализируемому концепту: «преемственность поколений – наше бесценное достояние», в этой характеристике содержится самая высокая аксиологическая оценка.

11. *“Le Président de la République incarne la continuité du pays <...> Contrairement aux craintes qui se sont parfois manifestées, nos institutions ont fait la preuve qu'elles étaient à même d'assurer la continuité de l'action politique <...> Les*

*chefs d'Etat rassemblés pour les cérémonies du 8 mai ont eu sous les yeux la vivante illustration de notre **continuité républicaine***” [Jacqueschirac-asso.fr, 19.05.1995, Электронный ресурс]. – *Президент республики олицетворяет **преемственность страны** <...> Вопреки иногда появившимся опасениям, наши институты доказали, что они способны гарантировать **преемственность политического курса** <...> У глав государств, собравшихся для церемоний празднования 8 мая, была перед глазами живая иллюстрация нашей **республиканской преемственности**.*

В примере (11) президент использует повтор существительного «*continuité*», вербализующего концепт ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, помещая его в разные контексты: “*continuité du pays*”, “*continuité de l'action politique*”, “*continuité républicaine*”. Благодаря повтору, придающему экспрессивность высказыванию, очерчивается концептуальная область, в которой разворачивается содержание концепта, важного для ПД: это преемственность и внутри страны, и в политической деятельности, и в государственном управлении.

В представленных выше примерах мы видим, что концепт ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ может репрезентироваться в ПД посредством ряда лексических единиц с использованием такого способа, как повтор, а также путем манипулирования темпоральной направленностью высказывания. Для ПД свойственно проведение параллелей прошлого и настоящего, а также построение темпоральной «лестницы» «прошлое–настоящее–будущее».

2.1.1.3. Концептуальная область КЛИШИРОВАННОСТЬ

Институциональный дискурс – «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 194]. Институциональный дискурс реализуется в речи согласно нормам,

зафиксированным в устной и письменной традиции каждого отдельного института.

В данной работе мы рассматриваем объективацию данной концептуальной области через «использование автором типовых лексических и синтаксических конструкций, а также моделей коммуникативного поведения в конкретных ситуациях» [Худяков 2016: 186]. В ПД концептуальная область КЛИШИРОВАННОСТЬ чаще всего репрезентируется во вступительной части речи президента. С обращения к слушателям, начинается его выступление, оно задает общий тон всей речи.

В зависимости от статуса собеседников в президентском дискурсе распространены следующие обращения – клише:

- **«друзья»:** *«Уважаемые друзья!»*, *«Добрый день, дорогие друзья»*, *“Mes chers amis”*;
- **«соотечественники»:** *“Mes chers compatriotes”*, *«Уважаемые соотечественники!»*;
- **«дамы и господа»:** *«Дамы и господа!»*, *“Mesdames, Messieurs”*;
- **«обращение по должности»:** *«Уважаемый господин Премьер-министр!»*, *“Madame la présidente”*, *“Messieurs les ministres”*, *“Messieurs les ambassadeurs”*.

Стоит отметить, что использование клише свойственно не только вступительной части выступления, но может проявляться по ходу выступления и в конце речи. Так во французском ПД помимо клише-приветствия присутствует и клише завершающее речь – *“Vive”*, наиболее часто оно используется в следующей форме:

Vive la République!

Vive la France!

Данное клише встраивается в контекст выступления и может использоваться в различных ситуациях и при разной аудитории:

12. “Vive le Liban!”

Vive la France!

Vive l'amitié franco-libanaise” [Jacqueschirac-asso.fr, 4.04.1996, Электронный ресурс]!

13. ***“Vive la République,***

Vive l'Europe,

Vive la France” [Jacqueschirac-asso.fr, 26.05.2005, Электронный ресурс]!

14. ***“Vive l'Ecosse!***

Vive la Grande-Bretagne!

Vive la France!

Vive l'amitié franco-écossaise” [Jacqueschirac-asso.fr, 16.05.1996, Электронный ресурс]!

Как мы видим в примерах (12), (13), (14) клише «vive» является основой анафористических конструкций, которые, несмотря на значительную разницу в контексте выступлений, предельно клишированы. Так, в примере (12) используется *“Vive l'amitié franco-libanaise!”* и точно такую же конструкцию (заменена только страна) мы видим в примере (14) *“Vive l'amitié franco-écossaise!”*.

В ПД В.В. Путина можно встретить аналогичную по смыслу конструкцию, завершающую речь, но это скорее исключение из правил:

15. *«Да здравствует народ Российской Федерации! Да здравствует Великая Россия!»* [Kremlin.ru, 7.05.2000 – 00:04, Электронный ресурс].

16. *«Да здравствует Болгария!»* [Kremlin.ru, 3.03.2003, Электронный ресурс].

В примерах (15) и (16) использован аналог французского клише *“Vive”* – *«Да здравствует»*, при этом в (15) примере, как и во французских фразах (12), (13), (14), клише используется в составе анафоры. Пример (16) использования клише *«Да здравствует»* применительно к другим странам в ПД В.В. Путина является редкостью, что свидетельствует о меньшей распространенности данного клише в ПД русского президента.

Для ПД В.В. Путина более характерно использование клише в завершающем отрезке речи во время торжественных выступлений, обычно

посвященных какому-либо празднику. Подобные выступления часто завершаются повторным поздравлением с праздником: *«Я еще раз от души поздравляю вас с праздником», «Еще раз сердечно поздравляю с праздником всех граждан России», «С праздником вас! С новым, 2016 годом!», «С праздником!», «С праздником вас! Поздравляю!» и т.д.*

Клише в ПД часто используются для выражения определенных понятий, которые были введены в дискурс ранее и уже известны слушателям. Такие клише имеют в сознании реципиентов сложившееся и привычное значение, ассоциируется данное клише с конкретным концептом, например: *«гражданское общество», «европейские партнеры», «мировой финансовый кризис», “communauté internationale”, “société civile”, “terrorisme international”* и т.д.

Исходя из всего вышесказанного, можно закономерно утверждать, что президентскому дискурсу свойственно использование различных фраз-клише в качестве объективации концептуальной области КЛИШИРОВАННОСТЬ, наиболее часто клише используются в начале и конце выступления. Клише могут состоять как из нескольких слов, как в приведенных примерах, так и из одного слова, которое задействует в сознании слушателей определенный концепт, в данном случае важен контекст, в рамках которого употребляется клише и общий «информационный фон». Так, например, в русском политическом, президентском и многих других дискурсах на современном этапе развития получило широкое распространение клише «санкции». Упоминая в речи слово «санкции», президент вызывает в сознании слушателей определенные образы, сложившиеся в отношении данного клише. Широкую популярность данное клише приобрело во многом благодаря СМИ и такой черте ПД, как МЕДИЙНОСТЬ, которая будет подробнее рассмотрена в рамках следующего когнитивного контекста — ПУБЛИЧНОСТЬ.

Схематично когнитивный контекст ВЛАСТЬ может быть представлен следующим образом (Рисунок 5):

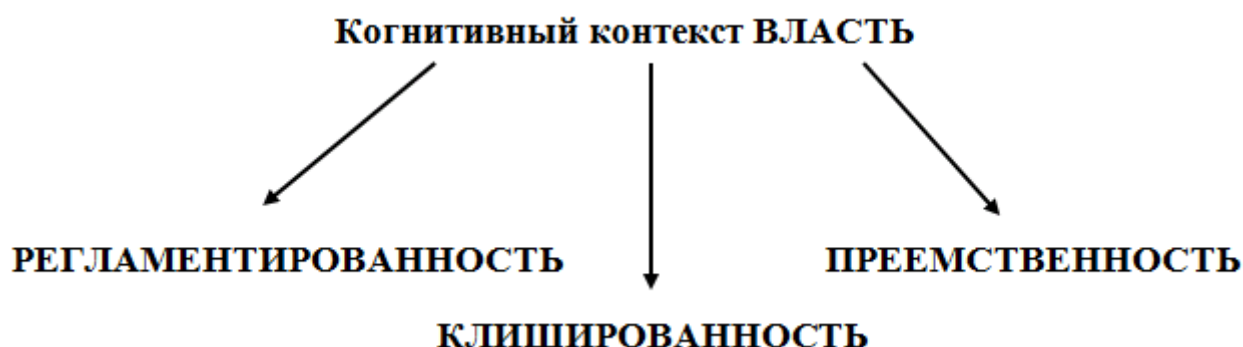

Рисунок 5 – Составляющие когнитивного контекста ВЛАСТЬ

2.1.2. Когнитивный контекст ПУБЛИЧНОСТЬ

В России и Франции президент избирается общенародным голосованием, является лидером нации и призван отстаивать интересы народа. Благодаря этому, большая часть президентского дискурса обращена к народу и в народ, дискурс, не обращенный напрямую в народ, обычно тем или иным способом доходит до него. Такая черта, как публичность института президентства делает практически все выступления лидера достоянием народа, что в свою очередь говорит об актуальности рассмотрения публичности как важного когнитивного контекста институциональной составляющей президентского дискурса. Когнитивный контекст ПУБЛИЧНОСТЬ дает возможность проанализировать лингвокогнитивные особенности президентского дискурса в его взаимоотношениях с гражданами и дает доступ к осмыслению следующих концептуальных областей:

– МЕДИЙНОСТЬ. При современном уровне развития общества процессы медиатизации не могли не затронуть столь значимый институт власти, как институт президентства. На данном этапе СМИ пронизывают и освещают практически все сферы жизни общества, оказывая живой интерес к президенту и сфере общественно-политической коммуникации. Все что говорит президент, все,

что он пытается донести до народа проходит через СМИ, по сути СМИ является связующим звеном между президентом и его аудиторией. На текущий момент общество настолько подвержено высокому воздействию СМИ, что «интерпретация транслируемых событий нередко приобретает большую значимость, чем само событие» [Gronbeck, 1996, с. 39]. Редкое выступление, речь, обращение президента обходится без участия СМИ, даже если изначально речь президента обращена к институтам власти или органам управления, то благодаря СМИ конечным получателем сообщения становится народ. Наличие подобного «канала» связи предоставляет президенту возможность общения с широкими слоями населения и то же время $\neq$ налагает определенные требования к дискурсу и имиджу президента, вынуждает постоянно учитывать участие СМИ в процессе коммуникации (непосредственное или опосредованное). Кроме того, основаниями для выделения медийности в качестве концептуальной области являются работы ряда отечественных ученых, в которых отмечается важная роль медийности в процессе порождения и восприятия как в политическом, так и в президентском дискурсах [Антонова, 2011; Иванова, 2008].

– ТЕАТРАЛЬНОСТЬ. Публичность президентской власти порождает необходимость воздействия на аудиторию с целью ее привлечения на свою сторону и завоевания симпатии (набор политических очков), для этих целей широко используются средства выразительности и различные экспрессивные приемы, придающие театральность политической коммуникации. Е.И. Шейгал очень точно описала театральность политической сферы: «Политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты»» [Шейгал, 2000₂, с. 92].

– ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ. Это понятие будет нами рассматриваться с когнитивной точки зрения как «взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий [Черняевская, 2007, с. 22]. Данная концептуальная область является производной от разнообразия полномочий и сфер деятельности президента, а также от публичности ПД, в рамках которой

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ является одной из репрезентаций использования средств воздействия и убеждения на аудиторию. Предпосылки интердискурсивности ПД изначально заложены полномочиями президентов, включающих в себя различные области общественной жизни: обеспечение соблюдения прав человека, охрана суверенитета государства, обеспечение взаимодействия других органов власти и т.д. [Constitution.kremlin.ru, ст. 80, Электронный ресурс; Conseil-constitutionnel.fr, art. 5, Электронный ресурс].

– МЫ-ДИСКУРС. Президенты постоянно сталкиваются с необходимостью получения поддержки электората и в течение всего срока президентства стараются заработать политические «очки» для себя, либо для выдвинувшей их партии, в том числе широко используя прием «присоединения к какой либо группе [Шейгал, 2000₁, с. 163], что порождает такую концептуальную область, как МЫ-ДИСКУРС, которая находит свое выражение в дискурсе в качестве использования определенных лексических единиц и стилистических приемов, направленных на интеграцию с разной публикой: согражданами, чиновниками, политиками, главами силовых ведомств и т.д.

2.1.2.1. Концептуальная область МЕДИЙНОСТЬ

Медиатизация ПД изменила модель института президентства, теперь президенту для осуществления эффективной коммуникации необходимо строить и поддерживать определенный имидж, прибегать к услугам спичрайтеров и имиджмейкеров, держать целый штат специалистов, в том числе и пресс-секретарей. Таким образом, личность президента настолько интересна и востребована в медийной сфере, что помимо необходимости в содержании штата специалистов по связям с общественности потребовалось создание отдельной должности «секретаря по общению с прессой», который озвучивает официальную позицию президента в СМИ практически по всем более-менее значимым

вопросам. Но пресс-секретарь – это лишь второе от президента звено коммуникативной цепи, третьим звеном являются непосредственно СМИ, транслирующие информацию народу. Таким образом, информация по пути от президента к массовому потребителю как минимум дважды пройдет процесс понимания и интерпретации, что может исказить исходное сообщение. Порой исходное сообщение может пройти и более 2 «фильтров», пока достигнет конечного реципиента. Ниже мы можем видеть пример прохождения подобных «фильтров», взятый из статьи в газете «Московский комсомолец»:

17. *«Разоткровенничался Дмитрий Песков в эфире шоу-программы «Международная пилорама» <...> Через два часа после того, как мероприятие завершилось, Путин позвонил своему пресс-секретарю и спросил, как прозвучали во время его речи определенные моменты и акценты.*

Песков ответил: «Владимир Владимирович, великолепно, мне кажется, это прямо в цель, это достигло аудитории».

Путин немного помолчал и спросил тихим вкрадчивым голосом: «А вы откуда знаете, Дмитрий Сергеевич? Вы же спали все время».

Песков признался, что в этот момент мог лишь нервно мычать и находился в «суицидальном» состоянии» [Мк.ру, 31.12.2016¹, Электронный ресурс].

В примере (17) приводится фраза, приписываемая Д.С. Песковым В.В. Путину «А вы откуда знаете, Дмитрий Сергеевич? Вы же спали все время». Данная фраза, прежде чем дойти до конечно реципиента, прошла 3 фильтра:

- 1) субъективное восприятие и интерпретация Д.С. Пескова;
- 2) контекст шоу-программы «Международная пилорама»;
- 3) публикация в газете «Московский комсомолец» на основе указанного выше шоу.

Одно и то же сообщение в разном контексте может быть интерпретировано по-разному, в данном случае название статьи «Путин довел Пескова до «суицидального» состояния» несет сильный экспрессивный оттенок, вырвано из

контекста и построено таким образом, чтобы максимально заинтересовать читателя.

Примечательно, что ниже мы видим другую статью в той же газете, описывающую эти же события, однако обе статьи значительно отличаются друг от друга, хотя построены на одном исходном материале.

18. *«Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков принял участие в телешоу Тиграна Кеосаяна «Международная пилорама» <...> Через два часа Путин позвонил и спросил, «вот эти моменты, акценты, как вы считаете, как они прозвучали?». Песков ответил, что «это прямо в цель», на что глава государства задал вопрос: «А вы откуда знаете, Дмитрий Сергеевич?», и тихим голосом добавил «Вы же спали все время, Дмитрий Сергеевич».*

Прессек Путина отметил, что не знал, что ответить, «мычал в трубку». Состояние в этот момент было «суицидальное», добавил Песков» [Мк.ру, 31.12.2016₂, Электронный ресурс].

Как мы видим в примере (18) прямая речь В.В. Путина и Д.С. Пескова отличается от первого варианта, помимо этого появляется еще и экстралингвистическая характеристика, которой у предыдущего автора не было – «и тихим голосом добавил». Таким образом, мы видим, как один и тот же факт по-разному освещается в рамках одной и той же газеты (что говорить о том, как освещают один и тот же факт СМИ разных стран), в этом проявилась как раз такая черта президентского дискурса, как медийность.

Порой даже прямые цитаты президентов могут быть изменены или даже искажены прессой. Так звучала фраза Жака Ширака во время телевизионного эфира:

19. *“Ce que vous voulez me faire dire si je comprends bien c’est si je suis pour plus de flexibilité, lâchons le mot, puisqu’il est derrière votre phrase. Je n’aime pas ce mot. Je ne l’aime pas. Je ne l’aime pas tout simplement parce qu’il a, à tort ou à raison, une connotation antisociale” [Discours.vie-publique.fr, 12.12.1996, Электронный ресурс]. – Если я правильно понимаю, то вы хотите заставить меня сказать, за большую ли я гибкость, скажем прямо, это стоит за вашей фразой. Я не люблю*

это слово. Я не люблю его просто потому, что, справедливо или нет, оно имеет антисоциальную коннотацию.

Ниже приведены примеры ее «цитирования» разными газетами:

20. *“Vous voulez me faire dire si je suis pour plus de flexibilité. Lâchons le mot, puisqu’il est derrière votre phrase! Je n’aime pas ce mot. Je ne l’aime pas tout simplement parce qu’il a une connotation antisociale”* [Le Monde, 14.12.1996, Электронный ресурс]. – *Вы хотите заставить меня сказать, что я за большую гибкость. Скажем прямо, это стоит за вашей фразой! Я не люблю это слово. Я не люблю его просто потому, что, справедливо или нет, оно имеет антисоциальную коннотацию.*

21. *“La question que vous me posez, en fait, c’est de savoir si je suis pour la flexibilité. Lâchons le mot. Je ne l’aime pas car il a une connotation antisociale”* [Le Figaro, 13.12.1996, Электронный ресурс]. – *Вопрос, который вы мне фактически задаете, состоит в том, чтобы узнать за гибкость ли я. Скажем прямо. Я его не люблю, так как оно имеет антисоциальную коннотацию.*

На основе приведенных выше примеров (20) и (21) мы видим, что исходная фраза, сказанная Жаком Шираком, значительно изменилась в обоих случаях. В первом случае появились экстралингвистические средства, выражающие повышение тона – «!», во втором само высказывание стало более резким. Таким образом дискурс президента снова прошел через «фильтр» медийности, и как мы видим, преломился, причем в разных СМИ по-разному, и до конечной аудитории дошло уже не высказывание Жака Ширака, а его интерпретированная СМИ версия, в данном случае можно говорить о дискурсной интерпретации [Беляевская, 2015].

Приведенные и проанализированные нами примеры «преломления» исходных сообщений президентов при прохождении через СМИ говорят о справедливости утверждения, согласно которому СМИ сочетают в себе элементы сообщения (транслируют информацию) и воздействия (выражают прямую или скрытую оценку передаваемой информации) [Выгузова, Дорохова, 2016, с. 210].

Помимо ставших уже традиционными газет, радио, телевидения стремительно развились информационные интернет-ресурсы, где информация циркулирует практически в режиме реального времени. Интернет как инструмент контакта с аудиторией не мог остаться незамеченным для политиков и общественных деятелей, на текущий момент многие из них имеют официальные сайты, страницы в соц. сетях и т.д.

Сегодня единой точки зрения на роль СМИ в президентском дискурсе нет: ряд ученых полагает, что СМИ делают президентскую коммуникацию более прозрачной и доступной для народных масс, другие – отмечают явную тенденцию к театральности, усиления роли СМИ как пропагандистского инструмента, оказывающим манипулятивное влияние на общественное мнение и сознание. Мы в рамках данного исследования пришли к мнению, что медийность президентского дискурса проявляется как во влиянии СМИ на конечный продукт президентского дискурса, доходящий до слушателей, так и в «адаптации» института президентства к современной медийной среде и ее использование в своих интересах (проведение PR компаний, проверка мнения общества по тем или иным вопросам, повышения популярности президента через СМИ и т.д.).

2.1.2.2. Концептуальная область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ

Согласно Е.И. Шейгал, театральность политического дискурса является следствием того, что народ в политической коммуникации зачастую является не прямым адресатом, а адресатом-наблюдателем для которого политические события являются разыгрываемым для него действием [Шейгал, 2000₂, с. 92]. Так, А.П. Чудинов применительно к политическому дискурсу называет театральную метафору интернациональной [Чудинов, 2005, с. 199], что подтверждается исследованиями многих отечественных и зарубежных ученых [Баранов, Караулов,

1991; Григорьева, 2001; Кара-Мурза, 2000; Иссерс, 1999; Шейгал, 2000₂; Voje, 2003; Combs, 1981; Czarniawska-Joerges, Jacobsson, 1995; Manning, 1996].

Е.И. Шейгал очень точно описала театральность политической сферы: «Политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты»» [Шейгал, 2000₂, с. 92].

Мы считаем возможным (в связи с близостью ПД и политического дискурсов) на основе разработанной Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000₁, с. 86] таблицы продемонстрировать параллели между театральной коммуникацией (дискурсом) и ПД (Таблица 2).

Таблица 2 – Сопоставление концептов театрального и президентского дискурсов

Театральный дискурс	Президентский дискурс
пьеса, сценарий, сюжет, драма, трагедия, фарс, комедия, мистерия	политические события, геополитические игры
спектакли	встречи, выступления, конференции
автор текста	спичрайтеры, президентская команда, сами президенты
режиссер, сценарист	президентская команда, политическая партия президента, лоббисты, агенты влияния
актеры первого состава	президенты
актеры второго состава	пресс-секретари
роли	роль получает президент в соответствии с конституцией
образ	политический имидж президента
зрители	народ, власть, силовые структуры

Продолжение таблицы 2

Театральный дискурс	Президентский дискурс
реакция зрителей: аплодисменты, свист	голосование за/против, акции поддержки/протеста
зрительный зал, сцена, экран	трибуна, сцена, экран, зал заседаний, студия
кулисы	тайная политика, подковерная борьба
декораторы, гримеры и пр.	имиджмейкеры и те же самые гримеры

Помимо схожести обстановки и принципов построения театрального и президентского дискурсов ПД заимствует довольно много слов и выражений, репрезентирующих концептуальную область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ. Они представляют собой стертые метафоры (перенос значения не воспринимается нашим сознанием), которые стали значимы как концепты, фигурирующие в ПД.

Концепт «роль»

22. «Страны – участницы объединения играют важную **роль** в мировой экономике» [Kremlin.ru, 9.07.2015, Электронный ресурс].

23. “*Aidons les Nations Unies à s'adapter à ce monde nouveau et à y jouer efficacement leur **rôle***” [Jacqueschirac-asso.fr, 23.10.1995, Электронный ресурс]. – *Давайте поможем Организации Объединенных Наций приспособиться к новому миру и играть в нем эффективно свою **роль**.*

В примерах (22) и (23) фигурирует концепт «роль», в (22), он имеет значение «занимать место», в (23) «выполнять функции», таким образом репрезентация одного и того же концепта может иметь различный смысловой оттенок в зависимости от контекста.

Концепт «занавес» (кулисы)

24. *«Вы знаете, я сейчас думал, сказать или нет. Приоткрою все-таки немножко **завесу** наших переговоров с Президентом Асадом»* [Kremlin.ru, 22.10.2015, Электронный ресурс].

25. *“Monsieur Jarrige, Messieurs les architectes, en concevant ce qui est aujourd'hui le nouveau musée Guimet, vous allez plus loin encore: vous levez **le rideau**”* [Jacqueschirac-asso.fr, 15.01.2001, Электронный ресурс]. – *Господин Жарриж, Господа архитекторы, задумывая то, что сегодня является новым музеем Гиме вы идете еще дальше: вы поднимаете **занавес**.*

В примерах (24) и (25) использование концепта «занавес» также имеет различные смысловые оттенки в определенных контекстах. В примере (24) смысловой оттенок – «приоткрыть тайну», в примере (25) – «открыть новый объект».

Концепт «сценарий»

26. *«Следуя этому **сценарию**, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан»* [Kremlin.ru, 08.02.2008, Электронный ресурс].

27. *“Mais les institutions internationales nous font part de leur inquiétude: dans l'état actuel des choses, la réalisation de nombreux objectifs est compromise, principalement en Afrique subsaharienne, ceci même dans un **scénario** de croissance très favorable”* [Jacqueschirac-asso.fr, 03.06.2004, Электронный ресурс]. – *Но международные организации нам сообщают о своем беспокойстве: при текущем положении вещей, достижение многочисленных целей под угрозой, главным образом в Африке находящейся южнее Сахары, даже при очень благоприятном **сценарии**.*

В примерах (26) и (27) использование концепта «сценарий» репрезентирует в обоих случаях развитие действий / событий согласно какому-либо плану (равно «сценарию»).

Концепт «автор»

28. «Я понимаю логику **авторов** этого законопроекта» [Kremlin.ru, 08.11.2016, Электронный ресурс].

29. “*Pour ne plus laisser l'auteur d'une agression fanfaronner sur les lieux d'une mauvaise action quelques heures seulement après l'avoir commise, comme on le voit hélas!*” [Jacqueschirac-asso.fr, 25.01.2001, Электронный ресурс]. – *Чтобы больше не позволить виновнику агрессии хвастаться на местах злодейства всего несколько часов спустя совершенного, как мы это к сожалению видим!*

В обоих примерах концепт используется понятие *автор/auteur*, но благодаря контексту репрезентируются совершенно разные смысловые оттенки: (28) – автор, как создатель/инициатор чего-либо; (29) – автор, как виновник чего-либо, зачинщик.

Концепт «фарс»

30. «ОБСЕ будет контролировать эти выборы с территории Иордании. Это просто **фарс** какой-то!» [Kremlin.ru, 23.12.2004, Электронный ресурс].

31. “*Je me souviens encore de toutes les appréciations des observateurs médiatiques ou politiques disant: c'est une farce, jamais cela ne donnera lieu à une réalisation*” [Jacqueschirac-asso.fr, 29.04.2003, Электронный ресурс]. – *Я еще помню обо всех оценках медийных или политических наблюдателей говорящих: это фарс, никогда это не приведет к реализации.*

В примерах (30) и (31) концепт фарс не имеет отличительных смысловых оттенков, несмотря на то, что контекст, окружающий концепт, разный. Это связано с тем, что концепт «фарс» имеет более узкое когнитивное поле для вторичной репрезентации.

Концепт «сцена»

32. «И не нужно иллюзий, уважаемые друзья! Все эти люди не сошли с политической **сцены**» [Kremlin.ru, 21.11.2007, Электронный ресурс].

33. “*En cette Inde qui s'affirme sur la scène internationale*” [Jacqueschirac-asso.fr, 25.01.1998, Электронный ресурс]. – *В этой Индии, которая заявляет о себе на международной сцене.*

Концепт «сцена» свидетельствует об интернациональном характере театральности ПД и репрезентирует место, где присутствует то или иное явление, разворачивается то или иное событие.

Концепт «театр»

34. *“L'Europe a été le théâtre principal des bouleversements qui ont suivi la chute du mur de Berlin et la levée du “rideau de fer””* [Jacqueschirac-asso.fr, 08.06.1996, Электронный ресурс]. – *Европа была основным театром потрясений, последовавших за падением Берлинской стены и поднятием «железного занавеса».*

В данном примере концепт «театр» близок по смыслу концепту «сцена», репрезентирующему место, область развертывания действия, кроме того употребляется метафора-клише «*rideau de fer*», «*rideau*» также является термином, пришедшим в политику из театра.

35. *«Реализована инициатива по сотрудничеству в области воздушного пространства, а также проект по ПРО ТВД»* [театр военных действий – А.Х.] [Kremlin.ru, 04.04.2008, Электронный ресурс].

В приведенном примере метафора театра настолько стерлась, что использована в образовании аббревиатуры, относящиеся в данном контексте к военному дискурсу.

В точной интерпретации и переводе многозначных понятий «автор»/«*auteur*», «театр»/«*théâtre*», «сценарий»/«*scénario*» крайне важную роль играет контекст их употребления, именно он детерминирует смысл употребленного термина как при ручном, так и при машинном переводе [Марчук, 2016, 30].

На основе представленной в параграфе информации можно утверждать, что концептуальная область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ присутствует в президентском дискурсе и выражается посредством лингвистических (объективации концептов, входящих в область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ) и экстралингвистических (обстановка, зрители и т.д.) средств. Концептуальная область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ широко представлена в ПД во многом благодаря публичности данного вида дискурса, ввиду чего ПД по многим параметрам сближается с театральным дискурсом и

может эффективно заимствовать его концепты. Проанализировав приведенные примеры, можно сделать вывод, что репрезентация одного и того же концепта имеет близкие по значению оттенки в зависимости от контекста употребления, либо репрезентируют одинаковые явления, присущие ПД, что подтверждает интернациональный характер исследуемой концептуальной области. Кроме того, возможности репрезентации концептов области «театр» расширяются благодаря такой черте ПД, как интердискурсивность, которая выражается в использовании вкраплений других видов дискурса, о чем свидетельствует пример (35). Подробнее средства объективации в ПД концептуальной области ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ будут рассмотрена в следующем параграфе.

2.1.2.3. Концептуальная область ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

Вслед за В.Е. Чернявской, мы будем связывать интердискурсивность с открытостью любого дискурса и наличием в общем когнитивном пространстве возможных отношений между дискурсами; интердискурсивность предполагает «переключение» на иную систему знания или мышления реципиента, цель «переключения» – произвести сильный воздействующий эффект, когда воспринимающее сознание «переключается» в иное ментальное пространство и «работает» с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации содержания [Чернявская, 2007, с. 18–24]. Примером тому может служить «переключение» ПД в ментальное пространство песенного дискурса (со ссылкой на исполнителя песни), к которому обращается российский президент, раскрывая результаты «неформальных переговоров» глав делегаций России и Украины в Давосе, и критикуя поведение одного из политиков:

36. *«Обнажил я бицепс ненароком, даже снял для верности пиджак – это Высоцкий не про Вас пел, нет?»* [Kremlin.ru, 27.01.2016, Электронный ресурс].

37. “*Le combat pour la sécurité routière est en vérité un combat pour la vie*” [Jacqueschirac-asso.fr, 23.11.2006, Электронный ресурс]. – *Битва за безопасность дорожного движения – это в действительности битва за жизнь.*

В примере (37), говоря о безопасности дорожного движения, Жак Ширак использует вкрапления военного дискурса: “*Le combat pour la sécurité*” («битва за безопасность») и “*un combat pour la vie*” («битва за жизнь»).

По словам В.Е. Чернявской, возможна как естественная, коммуникативно обусловленная смена дискурса, так и «инсценируемая» [Чернявская, 2007, с. 24]. В первом случае один специальный дискурс обнаруживает в себе языковые элементы других. Во втором случае проявляется особая стратегия автора, целенаправленно решающего задачу формирования своего дискурса.

На наш взгляд, число интердискурсивных вкраплений в рамках одного предложения зависит от языковой личности автора и дискурсивного контекста, а учитывая бесконечную возможность их комбинирования – не поддается определению.

38. “*Et l'Etat joue ici pleinement son rôle en conduisant ou en soutenant les projets de développement économique, d'amélioration des réseaux de communication et de transport*” [Jacqueschirac-asso.fr, 04.05.2000, Электронный ресурс]. – *И государство здесь в полной мере играет свою роль, проводя и поддерживая проекты экономического развития, улучшения коммуникационных и транспортных сетей.*

В примере (38) мы видим три интердискурсивных вкрапления, объединивших в одном предложении элементы трех разных дискурсов:

- “*joue son rôle*” – театральный дискурс;
- “*développement économique*” – экономический дискурс;
- “*des réseaux de communication et de transport*” – транспортный дискурс.

Но как мы сказали ранее, определить возможный предел использования интердискурсивных вкраплений в рамках одного предложения невозможно.

39. «Потому, что в результате «шоковой терапии» середины 90-х, финансового кризиса 1998 года, трагических событий на Кавказе – экономика,

социальная сфера страны находились в депрессивном состоянии» [Kremlin.ru, 01.11.2007, Электронный ресурс].

- «шоковой терапии» – экономический дискурс**;
- «финансового кризиса» – экономический дискурс;
- «трагических» – литературный дискурс;
- «экономика» – экономический дискурс;
- «социальная сфера» – социологический дискурс;
- «в депрессивном состоянии» – медицинский дискурс.

В примере (39) мы выделяем 6 интердискурсивных вкраплений, в частности в одном предложении представлены элементы следующих дискурсов: экономического, поэтического, социологического, медицинского.

****Отметим, что метафору «шоковая терапия» мы определили как вкрапление дискурса экономического, а не медицинского, основываясь на том, что она изначально «пришла» из медицины в экономический дискурс (как метафора) и стала так называемой «устоявшейся метафорой», которую наше сознание уже перестало воспринимать как метафору [Бородулина, Макеева, 2016₂, с. 44]. Благодаря частому употреблению и феномену интердискурсивности данная метафора нашла свое выражение в дискурсе политическом и президентском. В данном же примере президент использовал слова «шоковая терапия» как известное устойчивое экономическое выражение, а не как медицинский термин, соответственно логично говорить о вкраплении не медицинского, а именно экономического дискурса.**

Из материалов данного параграфа можно заключить, что в ПД правомерно выделение концептуальной области ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ, которая широко объективируется в дискурсе лидеров путем использования вкраплений различных дискурсов, что во многом обусловлено широким кругом вопросов, решаемых президентом и входящих в его компетенцию. Область заимствования интердискурсивных вкраплений зависит от тематики выступления, а учитывая широту полномочий президента, может охватывать практически все сферы жизни общества. Использование интердискурсивных конструкций повышают

выразительность ПД и являются маркерами, вызывающими в сознании слушателей концепты, ранее репрезентированные в рамках других видов дискурса, тем самым в какой-то степени детерминируя текущий контекст речи президента (слыша термин «финансовый кризис», мы понимаем, что президент говорит об экономике). Помимо этого, использование интердискурса способствует интеграции президента с какой-либо социальной или государственной группой, например, прибегая к выражениям из молодежного дискурса, президент сближает себя с молодежью. Прием интеграции с группой часто используется политическими лидерами, одним из таких приемов является мы-дискурс, который будет рассмотрен в следующем параграфе.

2.1.2.4. Концептуальная область МЫ-ДИСКУРС

Концептуальная область МЫ-ДИСКУРС репрезентируется в интеграции говорящего с какой-либо социальной группой или общностью, когда оратор ассоциирует и объединяет себя с реципиентами. Подобный прием относится к знакам интеграции, которые в свою очередь являются средством манипулятивного воздействия на аудиторию и обычно используются для завоевания и удержания поддержки аудитории.

В дискурсе концептуальная область МЫ-ДИСКУРС может объективироваться посредством рассмотренных ниже приемов.

40. *«Мы не хотим раздела Украины.... Крым – это **наше** общее достояние и важнейший фактор стабильности в регионе»* [Kremlin.ru, 18.03.2014, Электронный ресурс].

В примере (40) мы видим использование личных и притяжательных местоимений (мы, наше) посредством которых репрезентируется концептуальная область МЫ-ДИСКУРС.

41. “*Chers amis de Bordeaux, d'Aquitaine et de Midi-Pyrénées <...> Mes chers Amis, j'ai confiance dans notre avenir, j'ai confiance en la Nation, je reconnais en elle le souffle qui nous porte, j'ai éprouvé sa puissance et son ambition, je sais sa volonté d'être, de vivre et d'agir*” [Jacqueschirac-asso.fr, 03.04.2002, Электронный ресурс]. – *Дорогие друзья из Бордо, Аквитании и Южных Пиренеев <...> Мои дорогие друзья, я верю в наше будущее, я верю в народ, я узнаю в нем дыхание, которое направляет нас, я испытал его силу и стремление, я знаю его желание к бытию, к жизни и действию.*

В примере (41) МЫ-ДИСКУРС выражается посредством использования собирательных лексем (*chers amis*), топонимов (*Bordeaux, Aquitaine, Midi-Pyrénées*). Их употребление способствует выделению группы-адресата по локальному признаку. Наиболее часто данные лексические средства употребляются в обращениях политических лидеров.

42. “*Je veux que la France reste un pays capable de construire un avion de combat, des lanceurs, des sous-marins et des bateaux de surface, des chars, des systèmes modernes d'information et de communication, et tout ce qui conditionne notre sécurité*” [Jacqueschirac-asso.fr, 11.10.1996, Электронный ресурс]. – *Я хочу, чтобы Франция оставалась страной способной создавать боевые самолеты, пусковые установки, подводные лодки и корабли, танки, современные системы разведки и связи, и все то, что гарантирует нашу безопасность.*

В примере (42) также можно наблюдать использование топонима («France») для интеграции с целевой аудиторией.

43. «*Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию*» [Ng.ru, 23.01.2012, Электронный ресурс].

В примере (43) мы видим репрезентацию концептуальной области МЫ-ДИСКУРС с помощью использования этнонимов («Русский», «русских»). Употребление этнонимов позволяет выделить группу-адресат по национальному признаку.

44. *“Pour moi comme pour chacun d'entre vous, je le sais, nos rendez-vous sont autant de moments précieux, des moments de joie qui nous permettent de nous retrouver”* [Jacqueschirac-asso.fr, 25.11.2004, Электронный ресурс]. – *Для меня, как и для каждого из вас, я уверен, наши встречи – это настолько ценные и радостные моменты, которые позволяют нам видеться.*

В данном примере (44) в качестве репрезентации МЫ-ДИСКУРСА выступает сравнительный оборот со значением сопричастности («*Pour moi comme pour chacun d'entre vous*»).

45. *“Unissons nos efforts dans les domaines de la santé, de l'éducation, de la recherche”* [Jacqueschirac-asso.fr, 24.02.2004, Электронный ресурс]. – *Объединим наши усилия в областях здравоохранения, образования и науки.*

В примере (45) для репрезентации МЫ-ДИСКУРСА используется не прямой императив со значением включения в сферу его действия говорящего (*Unissons nos efforts*).

46. *«Граждане объединились – и мы это видим, надо сказать спасибо за это нашим гражданам – вокруг патриотических ценностей не потому, что всем довольны, что все их устраивает»* [Kremlin.ru, 01.12.2016, Электронный ресурс].

В примере (46) рассматриваемая концептуальная область выражается посредством маркера групповой отнесенности («Граждане», «гражданам», «патриотических»). Выражение «патриотические ценности», является одним из политических аффективов, которые способствуют идентификации политического агента, обеспечивает его приверженность определенной группе [Шейгал, 2000₁, с. 163].

47. *“Aujourd'hui, il faut franchir une étape décisive: placer les partenaires sociaux au cœur de l'élaboration des normes et des réformes sociales”* [Jacqueschirac-asso.fr, 10.10.2006, Электронный ресурс]. – *Сегодня нужно предпринять решительный шаг: поместить социальных партнеров в сердце разработки социальных норм и реформ.*

В примере (47) используется безагенсная конструкция («*il faut*»), которая обезличивает президента и интегрируют его в группу целевой аудитории.

48. *«Борьба с террором требует кардинального обновления всей нашей политики в этом регионе»* [Kremlin.ru, 13.09.2004, Электронный ресурс].

В примере (48) используются псевдоагенсная конструкция («*Борьба с террором требует*»), позволяющая исключить из высказывания личность президента, таким образом показать требуемое действие «*кардинальное обновление политики*» с позиции необходимости для достижения общей цели – борьбы с террором.

49. *«Они, наши предки, завещали нам быть патриотами своей Родины и не раз на деле доказывали, что именно любовь к Отечеству помогала им сплотиться и с честью пройти через любые испытания»* [Kremlin.ru, 12.06.2014, Электронный ресурс].

В примере (49) для интеграции с аудиторией применяется преувеличенное обобщение («*наши предки*»).

50. *“D'Anne de Kiev, Reine de France, à Catherine II; de Voltaire et Diderot à Tourgueniev et Tolstoï; de l'épopée napoléonienne à l'alliance franco-russe; de l'arrivée de milliers de réfugiés russes en France au combat commun de la Seconde Guerre mondiale; de l'escadre Normandie-Niemen à l'envol commun de nos spationautes, les fils de nos histoires nationales n'ont jamais cessé de se croiser”* [Jacqueschirac-asso.fr, 30.10.2000, Электронный ресурс]. – *От Анны Киевской, королевы Франции, до Екатерины II; от Вольтера и Дидро до Тургенева и Толстого; от наполеоновской эпопеи до франко-русского союза; от прибытия тысяч русских эмигрантов во Францию до совместной борьбы во Второй мировой войне; от эскадры Нормандия-Неман до совместного полета наших космонавтов, нити наших национальных историй никогда не прекращали перескаться.*

В данном примере (50) для создания чувства общности с аудиторией широко используются прецедентные имена (*Anne de Kiev, Reine de France, Catherine II, Voltaire, Diderot, Tourgueniev, Tolstoï, Normandie-Niemen*). Они

хорошо известны как слушателям, так и говорящему и свидетельствуют о наличии у них общих ценностных установок [Бакумова, 2001].

Ряд лингвистов [Романов, 2000; Шейгал, 1999] выделяют следующие основные функции, присущие «мы-дискурсу» (риторический прием, объективирующий концептуальную область МЫ-ДИСКУРС – А.Х.):

1) манипулятивная функция – часто используется для переноса ответственности с индивида на группу – примеры: 40,49;

2) интегративная функция – для включения лидера в группу и чувства причастности группы решениям и поступкам президента – примеры: 40,41,43,50;

3) функция противопоставления и отчуждения – сплочение группы путем противопоставления **мы-они**;

51. *«Нам нужно понять, что мы получим взамен. Это легко очень понять, если вспомнить наше детство. Во двор вышел, конфетку держишь — тебе говорят: дай конфетку. В потный кулачок зажал: а ты мне что? **Мы** хотим знать: а **они** нам что?»* [Russian.rt.com, 03.12.2015, Электронный ресурс].

4) заклинательная функция – мы в значении гиперболической множественности) – пример (40);

5) имперское МЫ – используется для повышения статуса президента как лидера.

52. *«Руководство США говорило об этом неоднократно, и такой шаг не явился для нас неожиданностью. Однако **мы** считаем данное решение ошибочным»* [Kremlin.ru, 13.12.2001, Электронный ресурс].

6) фасцинативная функция (воодушевление, создание чувства сопричастности) – пример (45).

Из представленных материалов мы можем сделать вывод, что ПД включается в себя концептуальную область МЫ-ДИСКУРС, объективация в дискурсе которой служит для реализации обозначенных выше функций. Как мы видим, один и тот же прием может выполнять сразу несколько функций, в качестве доминирующей справедливо отметить интегративную функцию, позволяющую лидеру ассоциировать себя с той или иной группой, повысив тем

самым ее лояльность к нему и его высказываниям. С какой именно группой президент будет интегрироваться посредством репрезентации в языке области МЫ-ДИСКУРС, зависит от аудитории, перед которой он выступает: политики, военные, чиновники и т.д.

Схематично когнитивный контекст ПУБЛИЧНОСТЬ может быть представлен следующим образом (Рисунок 6):

Рисунок 6 – Составляющие когнитивного контекста ПУБЛИЧНОСТЬ

2.1.3. Когнитивный контекст СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ

Помимо общения с народом, представителями власти и международного сообщества президент, в процессе исполнения своих обязанностей, непосредственно общается с представителями силовых структур. Более того, во многих странах президент является главой вооруженных сил, в том числе во Франции и России. Кроме того, президенты РФ и Франции в соответствии с Конституцией обязаны обеспечивать нормальное функционирование властей и преемственность государства, а соответственно и контролировать деятельность других силовых структур внутри страны. Возложенные на президентов обязанности непосредственно отражаются и в ПД. Таким образом, когнитивный контекст СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ накладывает определенный отпечаток на ПД.

Данный когнитивный контекст позволяют осмыслить две основные концептуальные области:

– **БОРЬБА.** Президенту подчиняется (напрямую или косвенно) целый спектр силовых структур государства, деятельность которых направлена на борьбу с теми или иными негативными явлениями в государстве. Например, президент РФ осуществляет руководство деятельностью Федеральной службы безопасности, ключевыми направлениями которой являются борьба с преступностью и борьба с терроризмом [Rg.ru, 07.05.2004, Электронный ресурс]. Президент Франции является главой CDSN (Conseil de Défense et de Sécurité nationale – А.Х.), в полномочия которого помимо всего прочего входит борьба с терроризмом [Legifrance.gouv.fr, art.R*1122-1, Электронный ресурс] и борьба с распространением оружия массового уничтожения [Sgdsn.gouv.fr, Электронный ресурс]. Таким образом, область **БОРЬБА** является неотъемлемой частью когнитивного контекста ПД **СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ** и выявляется в результате анализа фактического материала исследования и полномочий президентов.

– **СВОИ-ЧУЖИЕ.** Когнитивный контекст **СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ** подразумевает наличие образа врага, которым может выступать явление, группа, конкретная личность. Ведь в полномочия силовых структур входит как защита от чего-либо или кого-либо: «министерства, комитеты, службы... создаваемые в интересах защиты (охраны) (конституционного) строя <...>, отражения нападения, порой и их осуществления» [Власть. Политика. Государственная служба. Словарь, Электронный ресурс]. Специфика деятельности силовых структур позволяет выделить в качестве концептуальной области оппозицию **СВОИ-ЧУЖИЕ**. Под «своими» в данном случае понимаются члены определенных групп/ведомств, граждане своей страны и т.д., а под «чужими» граждане других стран, члены противостоящих групп/ведомств и т.д.

2.1.3.1. Концептуальная область БОРЬБА

Осуществление президентских полномочий помимо всего прочего неразрывно связано с концептуальной областью БОРЬБА. В свете последних политических событий (санкции, террористические угрозы и т.п.) репрезентация области БОРЬБА усиливается в дискурсе В.В. Путина. В свою очередь Ж. Ширак всегда боролся за повышение профессионализма армии, ратовал за переход к профессиональной службе. Постоянное соперничество и борьба (как за, так и против) проявляется в нижеприведенных примерах:

53. *«Актуальность и важность решения всех этих проблем приобретает особую значимость, если учесть ту быстроменяющуюся ситуацию, рост геополитического противостояния, геоконфликтов, продолжающийся глобальный финансово-экономический кризис, опаснейшее распространение угрозы вызовов в окружающем нас близком и дальнем окружении»* [Kremlin.ru, 26.04.2016, Электронный ресурс].

В данном случае (53) концептуальная область БОРЬБА репрезентируется в смысле противостояние/соперничество.

54. *«Мы пытаемся сформировать альянсы, найти точки соприкосновения, мы пытаемся вместе бороться с терроризмом»* [Kremlin.ru, 21.11.2001, Электронный ресурс].

55. *“Les Armées et la Gendarmerie ont pleinement tenu leur rôle dans la lutte contre les réseaux du terrorisme international”* [Jacqueschirac-asso.fr, 13.07.2002, Электронный ресурс]. – *Вооруженные силы и жандармерия в полной мере выполнили свою роль в борьбе международными террористическими сетями.*

В примерах (54) и (55) концептуальная область БОРЬБА выражается в дискурсе со смыслом «вооруженная борьба».

56. *«Еще одно важное направление – это борьба с коррупцией»* [Kremlin.ru, 30.01.2004, Электронный ресурс].

57. “*Je pense à la lutte contre le tabagisme, pour laquelle il est essentiel, afin de combattre la contrebande et les trafics, d'harmoniser par le haut les prix au plan européen*” [Jacqueschirac-asso.fr, 23.03.2007, Электронный ресурс]. – *Я думаю в борьбе с курением важно бороться с контрабандой и спекуляцией путем повышения цен до европейского уровня.*

В примерах (56), (57) концепт БОРЬБА употребляется со смыслом «борьба против» – попытка прекратить/остановить.

58. «*В мире вообще идет борьба за рынки вооружений, и Россия сегодня неплохо смотрится на этих рынках*» [Kremlin.ru, 18.12.2003, Электронный ресурс].

59. “*Et c'est en s'inspirant à leur tour des idéaux de liberté répandus en Europe par la Révolution française, que vos patriotes vont lutter pour l'indépendance*” [Jacqueschirac-asso.fr, 03.04.1997, Электронный ресурс]. – *И вдохновляясь в свою очередь идеалами свободы, распространенными в Европе французской Революцией, ваши патриоты будут бороться за независимость.*

В примерах (58), (59) рассматриваемая концептуальная область выражается как «борьба за» – для достижения чего-либо/во имя чего-то.

В то же время нельзя не отметить, что концептуальная область БОРЬБА характерна не только когнитивному контексту СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, но и ПД в целом. Так, например, в XX–XXI вв. в медицине большое внимание уделяется борьбе с тяжелыми заболеваниями, в частности с раком, и данная проблема также находит свое отражение в ПД:

60. “*En donnant une absolue priorité à la lutte contre le cancer, nous ne voulons pas susciter d'espoirs irraisonnés. Le cancer ne sera pas vaincu en un jour*” [Jacqueschirac-asso.fr, 24.03.2003, Электронный ресурс]. – *Отдавая абсолютный приоритет борьбе с раком, мы не хотим порождать необоснованных надежд. Рак не будет побежден за день.*

На основе материала данного параграфа можно утверждать, что в президентском дискурсе концептуальная область БОРЬБА является неотъемлемой частью контекста СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ и репрезентирует часть ПД

посвященную силовым структурам и выражающуюся в противостоянии/борьбе с чем-либо, либо во имя чего-то. Одной из основ концептуальной области БОРЬБА является агональность ПД в целом и в частности при обращении к силовым структурам, либо к темам, затрагивающим их деятельность. Борьба подразумевает наличие оппонента (конкретного/абстрактного, одушевленного/неодушевленного), даже «борьба за», например, за мир, подразумевает оппонента – в данном случае идет противостояние силам/факторам, способствующим развязыванию войны. Таким образом, в процессе борьбы идет условное подразделение на «своих» (поддерживающих и сочувствующих нашей «стороне») и «чужих» (поддерживающих и сочувствующих другой «стороне»). Репрезентация концептуальной области СВОИ-ЧУЖИЕ будет рассмотрена нами в следующем параграфе.

2.1.3.2. Концептуальная область СВОИ-ЧУЖИЕ

В предыдущем параграфе нами была рассмотрена концептуальная область БОРЬБА, которая не могла бы полноценно репрезентироваться в ПД без наличия образа «врага» в сознании участников ПД. Осуществление борьбы, в том числе и политической, требует условное разделение на «своих» и «чужих», подобный прием выполняет функцию сплочения со «своими» и интеграции президента с нужной ему аудиторией.

В противопоставлении «своих» и «чужих», согласно Ю.С. Степанову, можно выделить следующие элементы [Степанов, 1997, с. 473–493]:

- этнический компонент: разделение на этносы, соответствующее языковым группам (славяне, германцы, кельты, итальянцы и т.д.).
- национальный компонент: общность языка, территории, вероисповедания, культуры и т.д. Подобное деление уместно, говоря о народе как совокупности граждан одного государства.

– политический компонент: является доминирующим в выделении «своих» и «чужих», когда говорят о противопоставлении различно настроенных групп граждан внутри отдельного государства.

Стоит отметить, что ПД, прежде всего, отличается патриотизмом, для В.В. Путина любовь к Отечеству – это сверхзадача для государства, не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. О недопустимости переписывать историю родной страны не раз говорил российский президент, и эта особенность ПД ярко отмечена в следующей карикатуре (Рисунок 7):

Рисунок 7 – Карикатура от Виталия Подвицкого [Cartoonmaster.livejournal.com, Электронный ресурс]

Для Жака Ширака Родина – это Франция: *il faut croire en la France*. Думается, именно на образе патриотизма, свойственного любому французу, основан шарж шведского карикатуриста Рибера Ханссона с использованием цветов французского флага (Рисунок 8):

Рисунок 8 – Карикатура от Riber Hansson [Spletnik.ru, Электронный ресурс]

Представление о «своих» и «чужих» можно рассмотреть на следующих примерах:

61. *“Et comme j'entends par ailleurs - **nous** en reparlerons - être en mesure de signer, dès qu'il sera prêt, le traité interdisant, dans l'avenir, tout essai nucléaire et comme de surcroît, **contrairement à d'autres Nations...**”* [Jacqueschirac-asso.fr, 10.09.1995, Электронный ресурс]. – *Как я и намереваюсь – **мы** снова это обсудим – как только договор, запрещающий в будущем все атомные испытания и наращивание атомного потенциала будет готов, мы сможем его подписать, в отличие от других стран.*

62. *«Хватит кормить **чужие страны**, вынуждая **наших людей** хранить заработанные средства на зарубежных счетах»* [Kremlin.ru, 25.02.2000, Электронный ресурс].

63. *“<...> les **Français** ou les **étrangers** qui sont ici soumis aux contraintes du contrôle, accepte ce contrôle avec beaucoup de simplicité et sans aucune protestation”* [Jacqueschirac-asso.fr, 02.11.1996, Электронный ресурс]. – *<...> **французы** или **иностранцы**, которые подвержены здесь ограничениям и контролю, принимают этот контроль с большой простотой и без всяких протестов.*

В примерах (61), (62) и (63) используется внешнеполитический принцип территориального деления государств: свои – граждане одного государства, чужие – иностранцы.

64. *«Те, кто противостоит нам, не хотят осуществления нашего плана. Потому что у них совсем другие задачи и другие виды на Россию [Kremlin.ru, 21.11.2007, Электронный ресурс].*

В примере (63) репрезентируется внутривластный принцип разделения: свои – те, кто поддерживает власть (представители власти, элита силовые структуры, определенная часть народа и т.д.), чужие – те, кто находятся в оппозиции к власти.

Проанализировав соответствующий параграфу фактический материал, можно утверждать, что репрезентация концептуальной области СВОИ-ЧУЖИЕ в президентском дискурсе выполняет интегративную функцию президента с соответствующей аудиторией, а также функцию сплочения аудитории вокруг лидера путем создания образа «врага». Разделение на «своих» и «чужих» возможно по этническому, национальному и политическому компоненту, политический компонент в свою очередь подразделяется на внешнеполитический и внутривластный принципы.

Проанализировав составляющие когнитивного контекста СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ можно его представить в виде следующей схемы (Рисунок 9):

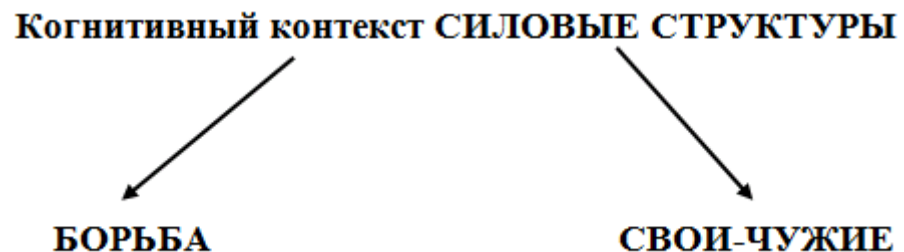

Рисунок 9 – Составляющие когнитивного контекста СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ

Общий вывод по пункту 2.1.

В первой части практического исследования мы проанализировали институциональную составляющую президентского дискурса на основе примеров дискурса Ж. Ширака и В.В. Путина и рассмотрели 3 наиболее важных с нашей точки зрения когнитивных контекста, входящих в состав ПД: ВЛАСТЬ, ПУБЛИЧНОСТЬ, СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ. В каждом контексте нами были выделены значимые для данного исследования концептуальные области, раскрывающие соответствующие контексты (Таблица 3).

Таблица 3 – Когнитивные контексты и концептуальные области ИС

Когнитивный контекст	Концептуальные области
ВЛАСТЬ	РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, КЛИШИРОВАННОСТЬ
ПУБЛИЧНОСТЬ	МЕДИЙНОСТЬ, ТЕАТРАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ, МЫ-ДИСКУРС
СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ	БОРЬБА, СВОИ-ЧУЖИЕ

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам:

– **концептуальная область РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ** является отражением самого института президентства, где политический лидер обладает рядом полномочий и обязанностей, в соответствии с которыми и разворачиваются его выступления.

– **концептуальная область ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ** может репрезентироваться в ПД как посредством лексических средств, так и путем манипулирования темпоральной направленностью высказывания;

- **концептуальная область КЛИШИРОВАННОСТЬ** присутствует в ПД как виде институциональной коммуникации, клише могут состоять из одного или нескольких слов, при этом важен контекст, в рамках которого используются клише;
- **концептуальная область МЕДИЙНОСТЬ** заключается как во влиянии СМИ на конечный продукт ПД, так и в адаптации президентского института к медийной среде и ее использования в своих интересах;
- **концептуальная область ТЕАТРАЛЬНОСТЬ** репрезентируется в ПД посредством лингвистических и экстралингвистических факторов, публичность сближает театральный и президентский дискурс, приводя к вторичной репрезентации концептов театрального дискурса в ПД;
- **концептуальная область ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ** в основном обусловлена широким кругом полномочий, возложенных на президента, область интердискурсивных заимствований зависит от темы выступления и может затрагивать практически все сферы жизни общества;
- **концептуальная область МЫ-ДИСКУРС** выполняет в ПД несколько функций, наиболее часто реализуемой из которых в рамках ПД мы считаем интегративную. Рассмотрев приемы реализации «мы-дискурса», мы пришли к выводу о том, что одно языковое средство может выполняться сразу несколько функций;
- **концептуальная область БОРЬБА** репрезентируется в противостоянии/борьбе с чем-либо, либо во имя чего-то, основой концептуальной области «борьба» является агональность ПД;
- **концептуальная область СВОИ-ЧУЖИЕ** – выполняет интегративную функцию президента с аудиторией, а также позволяет сплотить аудиторию вокруг лидера с помощью создания общего образа «врага».

2.2. Личностная составляющая президентского дискурса

Среди участников президентского дискурса всегда есть яркая языковая личность – сам президент, и конечно его знания, образ мышления, интеллект, воспитание и т.п. не могут не проявиться в ПД, они представляют основу его второй составляющей – личностной. Актуальность исследования языковой личности президента подтверждается наличием зависимости между используемыми языковыми средствами и прагматическим аспектом: опытом, образованием, личными качествами, устоявшимися в обществе нормами и т.д. [Бурдые, 1994; Bonhomme, 2005].

Концептуальная система ЯЛ, находящая свое отражение в языковой картине мира и выражающаяся в дискурсе, напрямую зависит от культурного и физического опыта индивида [Маслова, 2001, с. 48]. В данной работе мы будем понимать под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [Караулов, Красильникова, 1989, с. 3] и рассматривать ЯЛ как центральное понятие личностной составляющей президентской коммуникации.

В стилистическом энциклопедическом словаре понятие ЯЛ наделяется следующими характеристиками: «...личность не только социальна, но и **индивидуальна**, при переходе к ее прагматическому уровню необходима психологическая составляющая, а именно **эмоциональная**, характеризующая ее специфику в коммуникативно-деятельностной сфере» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, Электронный ресурс]. Во французской лингвистике также существует понятие “personnalité linguistique”, но оно скорее является результатом анализа трудов русских лингвистов (Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика и т.д.) и в качестве его толкования даются перевод русских первоисточников [Sériot, 2008]. Само же понятие “personnalité” во французском толковом словаре Larousse определяется как “**Individualité** psychologique de la personne telle qu'elle se manifeste dans ses comportements”

[Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс]. Во французском толковом словаре психологических терминов “personnalité” – “Ensemble des comportements et attitudes qui caractérisent un individu. Sous couvert de ce terme, on parle avant tout des **sentiments...**” [Французский толковый словарь психологических терминов, Электронный ресурс].

Исходя из анализа словарных дефиниций понятий «языковая личность» и “personnalité”, а также на основе изучения толкования “personnalité linguistique” во французском языке, можно выделить в качестве когнитивных контекстов личностной составляющей ПД ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ.

Исходя из структуры ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым, «когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает **интеллектуальную сферу** личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека» [Караулов, 1987, с. 5]. В соответствии с взглядами В.И. Карасика, «...языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями **культуры** в языке» [Карасик, 2004, с. 8], это говорит о том, что языковая личность, в том числе является и носителем культурного кода, усвоенного в процессе социализации. Важность социального аспекта и лингвистической картины мира для языковой личности отмечает и П. Серио, анализируя значение термина “personnalité linguistique” в работах русских лингвистов: “La personnalité linguistique est bien ainsi un ensemble de traits propres à un individu, elle se caractérise «non seulement par la maîtrise de la langue, mais aussi par le choix (**social**, personnel, des moyens linguistiques des différents niveaux, ainsi que par la vision du monde déterminée par son **image linguistique du monde**” [Sériot, 2008]. С опорой на указанных выше русских лингвистов и их интерпретацию П. Серио можно выделить в рамках личностной составляющей ПД когнитивный контекст ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, в качестве понятия, отражающего как

интеллектуальный, так и культурный аспект личности, что подтверждается анализом словарных дефиниций в русском и французском языках:

1. Интеллигентность – «свойство личности, выражающееся в настроенности на культуру, на **разум**, на понимание и ощущение ценности произведений культуры. Интеллигентность проявляется во всех сферах деятельности человека – интеллектуальной, творческой бытовой». [Педагогический энциклопедический словарь, с. 107, Электронный ресурс], «высокий уровень развития интеллекта, **образованность**, высокая культура поведения» [Новый словарь иностранных слов, Электронный ресурс].

2. Intelligence – “personne considérée dans ses aptitudes intellectuelles, en tant qu'être **pensant**», «ensemble des **fonctions mentales** ayant pour objet la connaissance conceptuelle et rationnelle” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс].

Таким образом, личностную составляющую ПД можно представить в виде следующей когнитивной матрицы (Рисунок 10):

Рисунок 10 – Когнитивная матрица личностной составляющей ПД

2.2.1. Когнитивный контекст ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ

В предыдущем параграфе отмечено, что понятие ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ в том числе интерпретируется как «высокий уровень развития интеллекта, **образованность**, высокая культура поведения» [Новый словарь иностранных слов, Электронный ресурс], такое определение является предпосылкой для выделения концептуальной области ОБРАЗОВАННОСТЬ в рамках данного когнитивного контекста в русском ПД. Во французском же языке аналогом образованности является понятие “instruction” [Новый французско-русский словарь, Электронный ресурс], его толкование в словаре Larousse следующее: “ensemble des connaissances, en particulier des connaissances d'ordre général **qu'on acquiert par l'école, les cours, etc**” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс], помимо этого синонимами к понятию указаны “érudition, culture, connaissances” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс]. Таким образом, толкование и синонимы понятия “instruction” соотносится с интеллектуальным аспектом контекста ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ (на основе разбора словарных дефиниций в предыдущем параграфе) и подтверждает возможность выделения внутри него концептуальной области ОБРАЗОВАННОСТЬ для французской ментальности.

Исходя из ранее проведенного анализа работ Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987, с. 5] и В.И. Карасика [Карасик, 2004, с. 8], выявлено, что языковая личность содержит в себе как интеллектуальные характеристики, так и социокультурные характеристики, усвоенные в процессе социализации. В качестве включающего оба этих аспекта понятия был введен когнитивный контекст ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, соответственно в рамках него можно выделить концептуальные области, репрезентирующие как интеллектуальный (например, образованность), так и культурный аспект ЯЛ. С этой точки зрения правомерно рассмотрение в рамках контекста ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ концептуальных областей, репрезентирующих в дискурсе социокультурные знания ЯЛ.

В качестве значимой концептуальной области, в рамках которой выражаются социокультурные знания ЯЛ, рассмотрим ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ. Данная область объективируется в дискурсе через использование фразеологических оборотов и конструкций. Основываясь на концепции В.Н. Телия, фразеологизмы являются экспонентами культурных знаков и способны передавать фрагменты национального миропонимания от поколения к поколению [Телия, 1996, с. 215]. При этом фразеологическая картина мира является частью языковой картины мира, выраженной фразеологизмами [Хайрулина, 2008, с. 13], за которыми стоят определенные ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ. В итоге «концепт выступает как лингвоментальная единица языка, как определенный знак культуры» [Кузьменко, 2011, с. 58]. По Ю.Н. Караулову, когнитивный уровень ЯЛ «единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражает иерархию ценностей» [Караулов, 1987, с. 5]. Согласно А.Е. Гусевой, фразеологические единицы являются одним из важнейших языковых средств, формирующих языковую картину мира [Гусева, 2014, с. 2]. Таким образом, посредством репрезентации (через употребление фразеологизмов) в дискурсе концептуальной области ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ выражаются социокультурные знания и опыт, усвоенные личностью и сложившаяся в ее ментальности картина мира (относятся к когнитивному уровню языковой личности), что дает основания для рассмотрения указанной области в рамках когнитивного контекста ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.

В качестве концептуальной области, также выражающей социокультурные знания ЯЛ, рассмотрим ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, объективирующуюся в дискурсе через использование прецедентных высказываний и имен. В лингвистике прецедентность понимается как процесс отражения в тексте национальной культурной традиции, феномен прецедентности базируется на общности фоновых знаний адресата и адресанта (языковых, культурных, социальных). Согласно Ю.Н. Караулову, прецедентными считаются тексты «значимые для той или иной

личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая предшественников и современников» [Караулов, 1987, с. 216], «знание прецедентных текстов – это показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, а их незнание, напротив, – предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов, 1987, с. 105–106]. Исходя из этой концепции, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ безусловно является производным и в то же время выразителем социокультурного опыта и знаний индивида и может быть рассмотрена в качестве концептуальной области когнитивного контекста ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.

2.2.1.1. Концептуальная область ОБРАЗОВАННОСТЬ

В рамках данной работы мы придерживаемся концепции, согласно которой образованность – это не только наличие академических знаний в какой-то конкретной области, но и совокупность знаний мировоззренческих, нравственных, культурных, духовно-ценностных и т.д. Показательны синонимы прилагательного «образованный», приводимые в словаре синонимов под редакцией Н.А. Абрамова, далее приводятся некоторые из них: просвещенный, интеллигентный, культурный, цивилизованный, воспитанный, развитый, начитанный, энциклопедический, много знающий и т.д. [Абрамов, 1999, с. 284]. Также стоит отметить, что культура «присваивается» человеком в ходе первичной и вторичной социализации [Гришаева, Цурикова, 2007, с. 11], соответственно процесс накопления лингвокультурных знаний длится всю жизнь.

В.В. Путин и Ж. Ширак – высокообразованные личности, при этом первый – выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета, в совершенстве владеет немецким языком; второй получил образование в престижнейших учебных заведениях Франции, Институте

политических исследований и Национальной школе администрации, любит и владеет русским языком, ему принадлежит перевод пушкинского «Евгения Онегина». В то же время, согласно принятой нами точки зрения, образованность не ограничивается только «университетскими» знаниями, образование человека проходит постоянно, все происходящие в жизни индивида события (учеба, работа, интересы и т.д.) так или иначе пополняют его запас знаний, которые в свою очередь отражаются в дискурсе языковой личности.

Жак Ширак имеет иной профессиональный опыт и иной путь во власть, образно выражаясь, Жак Ширак окончил «политические университеты» с отличием, пройдя путь от муниципального советника до президента. Его можно назвать профессиональным политиком, занимавшим в процессе своего восхождения на Олимп политической жизни страны видные посты, к которым он порой производит отсылку в своих речах.

65. *“Pour moi, c'est l'aboutissement d'une idée née il y a bientôt vingt ans, idée qui me tenait profondément à coeur, et aussi le résultat d'un chantier lancé en 1986, lorsque j'étais Maire de Paris”* [Jacqueschirac-asso.fr, 30.11.1998, Электронный ресурс]. – *Для меня это кульминация идеи, родившейся почти двадцать лет тому назад, идеи, которая глубоко волновала мое сердце, а также результат стройки, начатой в 1986 году, когда я был мэром Парижа.*

66. *“J'ajoute que j'ai été personnellement particulièrement impressionné par les contacts que j'ai eus depuis 1975 alors que j'étais Premier ministre avec M. DENG Xiaoping qui est l'homme qui à mes yeux incarne le redressement et le renouvellement de la Chine moderne”* [Jacqueschirac-asso.fr, 28.09.2004, Электронный ресурс]. – *Я хотел бы добавить, что на меня лично особенное впечатление произвели контакты, которые у меня были с 1975 года, когда я был премьер-министром, с господином Дэн Сяопином, человеком, который в моих глазах олицетворяет восстановление и обновление современного Китая.*

Как хорошо образованные личности, президенты обладают широким кругозором, позволяющим проявлять компетенцию во многих сферах

общественной и культурной жизни, часто напрямую не связанных с занимаемым им постом.

В.В. Путин часто в своих речах цитирует или упоминает философов, писателей, политиков и других известных личностей.

67. *«Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от ее внутренней энергии; как говорил Лев Гумилев, от пассионарности, от способности к движению вперед и к переменам»* [Kremlin.ru, 12.12.2012, Электронный ресурс].

68. *«В этом году исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны. На полях ее сражений русские офицеры покрыли себя неувядаемой славой, а имена легендарных военачальников, таких как Брусилов, Алексеев, Корнилов, Деникин, заняли достойное место в летописи отечественного воинского искусства»* [Kremlin.ru, 26.06.2014, Электронный ресурс].

Как мы отмечали ранее, Ж. Шираку принадлежит перевод отрезка «Евгения Онегина», и в целом, по утверждению президента, он хорошо знаком с русской культурой, что подтверждается и находит выражение в его дискурсе. Если говорить о Пушкине, то знания Жака Ширака не ограничивались только одним произведением по его собственному утверждению:

69. *“«Evgueni Oneguine» n'était pas ce que j'ai préféré dans POUCHKINE, encore que je l'aimais beaucoup. Mais j'étais à l'époque l'élève d'un vieux monsieur qui était Russe et qui s'appelait M. BELANOVITCH, que j'aimais beaucoup et qui m'a obligé à lire la totalité de POUCHKINE”* [Jacqueschirac-asso.fr, 30.06.2001, Электронный ресурс]. – *«Евгений Онегин» не был моим любимым произведением у Пушкина, хотя оно мне очень нравилось. В то время я учился у пожилого русского господина по фамилии Беланович, которого я очень любил, и который меня заставил прочесть всего Пушкина.*

Помимо А.С. Пушкина Ж. Ширак цитирует в своих выступлениях и других русских писателей, например, Достоевского:

70. “Au fronton du musée du CICR à Genève est inscrite cette **maxime de Dostoïevski** “**Nous sommes responsables de tout devant tous**”” [Jacqueschirac-asso.fr, 08.01.2004, Электронный ресурс]. - На фронте музея МККК в Женеве начертано следующая максима Достоевского «**Мы ответственны за все перед всеми**».

Зачастую имена русских деятелей культуры и искусства упоминаются Жаком Шираком совместно с другими известными деятелями:

71. “*Nous sommes ravis de constater que parmi les savants, hommes politiques, écrivains, poètes connus dans le monde entier et qui ont été faits docteur honoris causa de l'Université de Moscou, tels que **Goethe, Gogol, Gandhi**, ainsi que vos compatriotes **Louis Pasteur**, le mathématicien **Charles Hermite** ou l'écrivain **Romain Rolland**, eh bien, votre nom va figurer aussi parmi ceux qui ont été promus docteur honoris causa*” [Jacqueschirac-asso.fr, 02.07.2001, Электронный ресурс]. - Мы с удовольствием отмечаем, что среди ученых, политиков, писателей, поэтов известных во всем мире и получивших степень почетного доктора наук в Московском университете, таких как **Гете, Гоголь, Ганди**, есть и ваши соотечественники: **Луи Пастер**, математик **Шарль Эрмит**, писатель **Ромен Роллан** и, конечно, ваше имя тоже будет среди тех, кто получил степень почетного доктора наук.

Перечисленные примеры (67–71) свидетельствуют также о сближении и пересечениях с концептуальной областью ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, что представляется логичным, поскольку сложно провести четкую границу между понятиями образованности и обладанием знаниями культурного фона.

Как мы отметили ранее, в концептуальную область ОБРАЗОВАННОСТЬ включаются такие понятия, как: интеллигентный, культурный, цивилизованный, воспитанный. Ввиду чего в ПД «образованность» может репрезентироваться в том числе путем использования лидерами эвфемизмов. Сам прием эвфемизации подробно рассматривался в ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов [Крысин, 1996; Москвин, 1998; Allan, Burrige, 1991; Neaman, Silver, 1995; Warren, 1996].

72. «Знаете, я с трудом могу себе представить, что он побежал в отель встречаться с нашими девушками с пониженной социальной ответственностью» [Kremlin.ru, 17.01.2017, Электронный ресурс].

В примере (72) мы видим использование В.В. Путиным эвфемистического высказывания «девушки с пониженной социальной ответственностью». Исходя из контекста всего выступления, можно утверждать, что эвфемизм имеет юмористический оттенок и был применен скорее для стилистического усиления высказывания, а не для его смягчения, так как президент не стесняется называть вещи своими именами по ходу выступления, и использовал данный эвфемизм лишь однажды.

73. “C'est l'aboutissement d'une politique délibérée d'oppression, de **nettoyage ethnique** et de violence conduite par le régime de Belgrade sous la direction du président Milosevic” [Jacqueschirac-asso.fr, 23.04.1999, Электронный ресурс]. - Это кульминация политики намеренного притеснения, **этнических чисток** и насилия, проводимой белградским режимом под управлением президента Милошевича.

В примере (73) Ж. Ширак говорит о трагических событиях в Сербии, прибегая к эвфемистическому выражению, по сути метафоре (а метафора может выполнять эвфемистическую функцию в языке [Бородулина, 2007, с. 154]), “*nettoyage ethnique*”. Воздействие данного эвфемизма на сознание слушателей не будет столь же негативным, как при использовании слов “*holocauste*” или “*meurtre*”, так как существительное “*nettoyage*” обычно ассоциируется с положительным процессом, в результате которого удаляется что-то лишнее.

Концептуальная область ОБРАЗОВАННОСТЬ не ограничивается только академическим образованием, но включает в себя и весь предыдущий опыт президента как личности: культурный, опыт предыдущей работы, воспитанность и т.д., ведь личность постоянно учится и приобретает новые знания и образование личности не заканчивается после завершения ВУЗа. Как мы видим из проведенного исследования, президенты являются безусловно личностями образованными во всех смыслах, причем каждый – уникальная комбинация полученных в течение жизни знаний и опыта, что приводит зачастую к

использованию в речах президентов прецедентных имен/высказываний, подробно концептуальная область ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ будет рассмотрена в следующем параграфе.

2.2.1.2. Концептуальная область ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ

Ознакомление с текстами стенограмм выступлений В.В. Путина и Ж. Ширака подтверждает наличие в их речах большого количества разнородных цитат и аллюзий (об этом упоминалось в предыдущем параграфе). Однако для тщательного анализа данной особенности речевой деятельности подходит используемый в лингвистике термин «прецедентность». Ю.Н. Караулов называет прецедентными такие феномены / явления, которые являются значимыми для личности в эмоциональном и познавательном отношениях, хорошо известны ее окружению. Обращение к ним в дискурсе ЯЛ неоднократно возобновляется [Караулов, 1987, с. 216].

Согласно традиционному подходу, сложившемуся в отечественной лингвистике, утверждается, что прецедентные феномены реализуются в форме прецедентных текстов, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций и прецедентных имен [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997, с. 64].

В качестве источников прецедентных высказываний разных времен В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова приводят былины, сказки, песни, религиозные тексты, тексты латинских авторов, художественные произведения, рекламу, фильмы [Костомаров, Бурвикова, 1994, с. 76].

Проведенное исследование президентского дискурса выявило многообразие источников заимствования **прецедентных текстов** в речах В.В. Путина и Ж. Ширака. Разумеется, российский и французский президенты в своих выступлениях обращались к известным фрагментам из национальных и

зарубежных литературных и философских произведений, трудам ученых различных областей знания:

74. *“C’est le combat pour la justice, celui de Voltaire dans l’affaire Callas, celui de Zola quand il accuse les calomnieurs du Capitaine Dreyfus”* [Jacqueschirac-asso.fr, 23.11.1996, Электронный ресурс]. – *Это борьба за справедливость, как у Вольтера в деле Калласа, как у Золя, когда он обличает клеветников капитана Дрейфуса.*

В указанном примере (74) Жак Ширак производит отсылку к битвам в защиту справедливости, известным в прошлом в лингвокультурной традиции Франции, приводит имена французских писателя и философа, выступавших в защиту французского офицера, приговоренного к пожизненной ссылке на основе фальшивых доказательств и на волне сильных антисемитских настроений.

75. *«В этом году мы все, а у нас Год культуры – 2014-й, отмечали юбилей Михаил Юрьевича Лермонтова, нашего гениального поэта <...> «И вы не смоее всей вашей черной кровью поэта праведную кровь». Он, конечно, был оппозиционер к власти. Но я считаю, что он был патриотом»* [Kremlin.ru, 18.12.2014, Электронный ресурс].

В примере (75) В.В. Путин обращается к творчеству Ю.Л. Лермонтова. Следует отметить, что российский президент в публичных выступлениях часто цитирует стихи. На встрече с учителями он признался, что у него на столе постоянно лежит книга Ю.Л. Лермонтова, к ней он обращается, чтобы отвлечься от рутины. Похоже, Ю.Л. Лермонтов действительно любимый поэт В.В. Путина. При посещении музея-заповедника «Тарханы» в год чествования 200-летия Ю.Л. Лермонтова В.В. Путин цитировал лермонтовское «Бородино»: *«Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали! И умереть мы обещали, и клятву верности сдержали мы в Бородинский бой»* [Там же].

76. *«Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего, свободы для самой России, ее международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех*

нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности» [Kremlin.ru, 04.12.2014, Электронный ресурс].

Подчеркивая патриотизм русского народа, в 2014 году в своем ежегодном декабрьском послании российский президент зачитывает фрагмент из книги философа Ивана Ильина «Наши задачи».

Ряд феноменов реализован в форме **прецедентных ситуаций**. Президенты обращаются к реальным ситуациям, имеющим исторический характер. Так, в контексте высказываний Путина прецедентным характером обладают события отечественной войны, к ее лозунгам он обращается, например, в выступлении в честь 23 февраля:

77. *«Битва за Россию продолжается, **победа будет за нами!**»* [Кр.ру, 23.02.2012, Электронный ресурс].

78. *«И, наконец, средний класс – это люди, которые могут выбирать политику. У них, как правило, уровень образования такой, что позволяет осознанно относиться к кандидатам, а не **«голосовать сердцем»**»* [Ег.ру, 16.01.2012, Электронный ресурс].

В указанном примере (78) используется выражение *«голосовать сердцем»*, использовавшееся как главный лозунг избирательной компании Бориса Николаевича Ельцина в 1996 году. В.В. Путин употребляет этот лозунг с явно уничижительным оттенком, тем самым выгодно выделяя среди электората средний класс и показывая разницу между текущей избирательной компанией и компанией Ельцина. Примечательно, что Жак Ширак, еще будучи мэром Парижа, употребил в своем дискурсе практически идентичное по смыслу выражение *“voter avec ses tripes”*, широко используемое во французской реальности:

79. *“Il faut voter avec son intelligence et non avec ses tripes”* [Lefigaro.fr, цитаты, Электронный ресурс]. – *Нужно голосовать умом, а не животом.*

Следует отметить, что понять отсылку выражения *«голосовать сердцем»* к Ельцинской эпохе могут люди, жившие в определенный период и в определенной стране – России. Французский обыватель эту конструкцию никак не свяжет с Ельциным, так как является представителем другой лингвокультурной общности

и вряд ли знает реалии недавнего прошлого России, как и не проникнут в прецедентную составляющую фразы молодые люди, не заставшие данный исторический период. Из этого можно сделать вывод, что одно и то же прецедентное высказывание может быть адекватно интерпретировано не всеми слушателями, что ставит эффект прецедентности в зависимость от лингвокультурного опыта и знаний аудитории, а также еще раз подчеркивает важность учета специфики социокультурного контекста дискурса [Болдырев, Дубровская, 2015].

80. *«Помните, в советское время была песенка такая: «Никто нам не поможет – ни бог, ни царь и ни герой»»* [Kremlin.ru, 14.04.2016, Электронный ресурс].

В данном примере (80) В.В. Путин цитирует международный пролетарский гимн «Интернационал».

Наконец, в выступлениях президентов отмечаются **прецедентные имена**, которые чаще всего связаны с общеизвестными историческими ситуациями, и сегодня рассматриваются как прецедентные. По мнению Д.Б. Гудкова, использование прецедентных имен выполняет следующие функции:

- выражение не прямой оценки;
- участие в признаковом дейксисе;
- «мы-дискурс» также выражается посредством общей тональности речетворчества политиков;
- создание экспрессивного эффекта, выражение эмотивной оценки;
- «овеществление» и конкретизацию абстрактных понятий;
- реализацию функции «пароля» для своих [Гудков, 2000, с. 47].

Феномен прецедентности по своей сути обращен в прошлое, соответственно и употребляемые прецедентные имена уже по определению являются достоянием культуры прошлого, иногда недавнего прошлого, иногда далекого, но всегда идет обращение к ярким, известным большинству аудитории личностям, причем когнитивные картины мира русской и французской лингвокультурных общностей значительно отличаются [Гачев, 1986], что в отношении прецедентности

выражается в использовании президентами России и Франции отличных прецедентных текстов, ситуаций, имен и т.д.

81. *«Мало кто помнит сегодня, что усилиями **Петра I** прокуратура создавалась не в последнюю очередь для противодействия мздоимству»* [Kremlin.ru, 30.01.2004, Электронный ресурс].

В примере (81) используется прецедентное имя – «*Петр I*», которое является частью русской истории и культуры и является близким для целевой аудитории, посредством чего и репрезентируется концепт «прецедентность».

82. *“A partir de là, vous nous dites, en prenant l'histoire: le continent et le grand large. Je n'ai pas besoin de vous dire le respect que je porte à **Winston Churchill**”* [Jacqueschirac-asso.fr, 29.11.2001, Электронный ресурс]. – *С того времени, вы нам говорите, опираясь на историю: континент и открытое море. Мне не нужно вам гооврить об уважении, которое я испытываю к **Уинстону Черчиллю**.*

В примере (82) используется прецедентное имя – «*Winston Churchill*», данная личность не связана напрямую с историей Франции, но, тем не менее является общеизвестным и прецедентным для аудитории выступления.

83. *«Как **Владимир Ильич Ленин** в свое время говорил, «по форме – правильно, по сути – издевательство»* [Kremlin.ru, 14.04.2016, Электронный ресурс].

В примере (83) президент обращается к советской эпохе, хорошо знакомой жителям России, а именно к прецедентному имени вождя мирового пролетариата. В указанном ниже примере, мы также видим «отголосок» советской эпохи, однако используется не непосредственно имя исторической личности (И.В. Сталин – А.Х.), а его общеизвестный антропоним – отец народов:

84. *«Это вот **отец народов** когда-то говорил, что не важно, кто и как голосует – важно, кто и как считает»* [Там же].

Прецедентное воздействие одной фразы на разную аудиторию может существенно отличаться, либо сводиться к нулю, находясь в зависимости от лингвокультурного опыта и знаний слушателей. Сам феномен прецедентности по своей сути обращен в прошлое и значительную долю прецедентных конструкций

в ПД занимают прецедентные имена. Мы видим, что для ПД характерна прецедентность, и можно утверждать, что для полноценной репрезентации концептуальной области ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ президенту необходимо обладать достаточными лингвокультурными знаниями и что крайне важно, учитывать наличие соответствующих знаний у аудитории. Учет лингвокогнитивных особенностей аудитории особенно актуален при использовании устоявшихся в рамках узкой лингвокультурной общности фразеологических конструкций, например, (*fermer le parapluie*, валять дурака и т.д.), подробно концептуальная область ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ будет рассмотрена в следующем параграфе.

2.2.1.3. Концептуальная область ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ

Согласно А.В. Малюгиной, фразеологические концепты – это «мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии», стоящие за устойчивыми образными выражениями, т.е. фразеологизмами [Малюгина, 2007, с. 3]. Фразеологические концепты могут рассматриваться как «ключевые слова культуры», которые исследуются на стыке разных, но смежных областей знания (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии) [Абишева, 2012, с. 34]. Именно принадлежность к культуре и обладание культурологической значимостью и ценностной ориентацией позволяет говорить о наличии в концептуальной картине мира фразеологических концептов, репрезентируемых в языке соответствующими лексическими единицами.

Исходя из данного подхода, мы будем относить крылатые выражения, пословицы и поговорки к фразеологическим единицам или фразеологизмам.

Под фразеологизмом, в след за В.Н. Телия, мы понимаем «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые <...>

воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Телия, 1990, с. 559].

Языковая личность президента формируется в течение всей жизни под воздействием различных факторов, важное место среди которых занимает лингвокультурная среда, традиции, уже накопленные и заложенные в языковую культуру знания народа. К подобным лингвокультурным знаниям относятся и фразеологизмы, использование которых в рамках данной общности характеризуется повышенным экспрессивным эффектом благодаря возможности вторичной репрезентации (зачастую подобные идиомы образные) в сознании конкретных индивидов. Ж. Ширак и В.В. Путин, используя фразеологизмы, демонстрируют, с одной стороны, свои знания культурного фонда и свою включенность в историческую память народа [Телия, 1996, с. 226], а с другой, привлекают внимание к обсуждаемым темам за счет образности и эмоциональности, что является эффективным риторическим приемом.

Приведем в качестве примеров высказывания В.В. Путина во время прямой линии, которые президент обильно «сдабривает» известными и понятными народу фразеологизмами. Говоря о внешней политике, примеры (85), (86), В.В. Путин прибегает к фразеологизмам, истоки которых лежат в фольклоре народа:

85. *«А реагировать обязательно надо, иначе на шею сядут, значит, и погонять будут»* [Kremlin.ru, 14.04.2016, Электронный ресурс].

86. *«Как у нас говорят: «Муж и жена – одна сатана», – то есть они там и будут, значит, руковОдить, как у нас в народе говорят иногда»* [Там же].

Используемые В.В. Путиным фразеологизмы основаны на известных литературных, религиозных и античных произведениях:

87. *«Конечно, **благими намерениями**, как известно, **вымощена дорога в ад**, так у нас говорят»* [Там же].

При этом президент часто использует фразеологизмы с положительной коннотацией, отождествляет себя с народом:

88. *«Мы с вами на одной волне работаем и думаем»* [Там же].

Жак Ширак также обращается к фразеологизмам. В следующих примерах в основе фразеологизмов лежат образы из истории религии и древнегреческой мифологии:

89. “...un dispositif équilibré qui ne risque pas d’ouvrir la boîte de Pandore dans laquelle tous les extrémismes pourraient s’engouffrer” [Liberation.fr, 15.12.2003, Электронный ресурс]. – ...сбалансированное устройство, которое не рискует открыть **Ящик Пандоры**, в который могут устремиться все экстремисты.

Стоит отметить, что приведенный пример (89) показывает, что фразеологизация пересекается с другой концептуальной областью ПД – ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, репрезентируемой метафорой: “la boîte de Pandore”. Данная метафора является «универсальной», и используется во многих сферах помимо политики, так, она получила широкое распространение в европейском экономическом дискурсе [Бородулина, 2013, с. 208]. Широкое распространение подобных выражений во многих языках, является следствием многочисленных переводов библейского текста на национальные языки [Валуйцева, Осипова, Хухуни, 2014]. Само появление этого выражение в текущем виде стало возможным из-за ошибки при переводе с греческого [Лебедева, 2017, с. 88].

90. “Il y a à cela un certain nombre de raisons, la crise en est une et quand il y a crise on cherche **un bouc émissaire**” [Jacqueschirac-asso.fr, 16.12.1995, Электронный ресурс]. – Этому есть несколько причин, кризис – одна из них, в кризис всегда ищут **козла отпущения**.

В примере (90) мы видим обращение к религиозным мотивам (в частности к Ветхому Завету), данный пласт фразеологизмов, наряду с обращением к мифологии, плотно вошел в обиход и представлен во многих видах дискурса (за счет своей универсальности и вечности затрагиваемых тем). Подобные конструкции универсальны для многих языков за счет общеизвестного культурного наследия, однако большинство фразеологических единиц обладает культурно-национальным своеобразием [Телия, 1999, с. 14].

Итак, источники фразеологизмов, посредством использования которых репрезентируется область ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ, связаны с

лингвокультурными особенностями и историческими традициями народа, оценочными и риторическими посылками, передаваемыми за счет фразеологизация, и участвующими наряду с другими лингвокогнитивными средствами в обеспечении эффективного воздействия на аудиторию, установления располагающего контакта с ней.

Схематично когнитивный контекст ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ может быть представлен следующим образом (Рисунок 11):

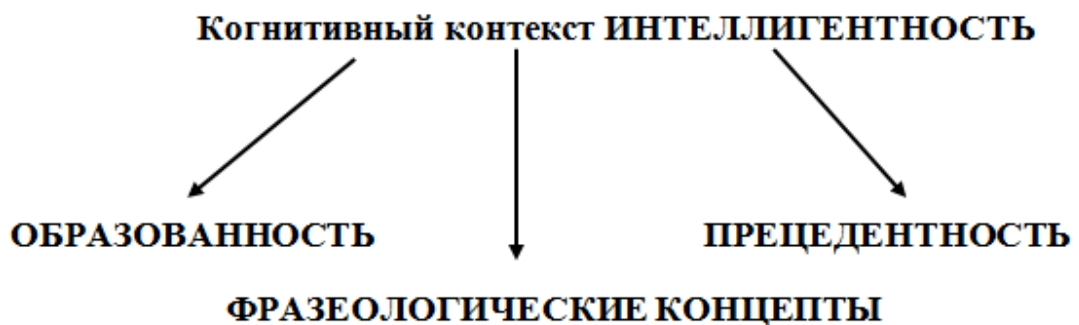

Рисунок 11 – Составляющие когнитивного контекста ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ

2.2.2. Когнитивный контекст ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

Эмоциональные концепты понимаются отечественными когнитологами как отмеченные культурно вербализованным смыслом, которым наделяет носитель языка свои эмоции, они обладают не только понятийным, образным, но ценностным аспектами. Так, Н.А. Красавский утверждает, что эмоциональный концепт – это этнически, культурно обусловленное, структурно-смысловое, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, опирающееся на понятийную основу, содержащее в себе помимо самого понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие предвзятое отношение к ним человека [Красавский, 2001, с. 60].

Лингвистами было доказано, что «все лексиконы языков содержат специальные эмотивы и что вся остальная лексика потенциально тоже эмотивна» [Шаховский, 1998, с. 80]. Любая личность подтверждена в той или иной степени эмоциональным переживанием, наличие и характер которых отражается в ее дискурсе.

Эмоциональность – «свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств. Содержательные аспекты эмоциональности отражают явления и ситуации, имеющие особую значимость для субъекта. Они неразрывно связаны со стержневыми особенностями личности, ее нравственным потенциалом: направленностью мотивационной сферы, мировоззрением, ценностными ориентациями и проч. Качественные свойства эмоциональности характеризуют отношение индивида к явлениям окружающего мира и находят свое выражение в знаке и модальности доминирующих эмоций» [Краткий психологический словарь, 1985, с. 409].

Исходя из данного толкования понятия, в рамках когнитивного контекста ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ возможно рассмотрение концептуальных областей, связанных с выражением или переживанием индивидом разного рода эмоций и чувств.

Обратившись к словарю синонимов можно выделить АФФЕКТАЦИЮ как понятие, близкое по смыслу к понятию эмоциональности [Полный онлайн словарь синонимов русского языка, Электронный ресурс], основными вариантами перевода термина «эмоциональность» на французский язык являются: *émotivité*, *affectivité* [Франко-русский и русско-французский словарь Мультитран, Электронный ресурс; Новый французско-русский словарь, Электронный ресурс]. Подобное толкование позволяет рассмотреть АФФЕКТАЦИЮ в качестве потенциальной концептуальной области когнитивного контекста ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ. Обратившись к толковым словарям русского и французского языков для более точного определения понятия «аффекация», получаем следующие результаты:

– *аффектация* – «преувеличенное и подчеркнутое **выражение** **какого-н. чувства, настроения**, проявляющееся в неестественных жестах, чрезмерной приподнятости речи и т.п.» [Толковый словарь иностранных слов, 2006, с. 103];

– *affectivité* – “**ensemble des sentiments**, par opposition à ce qui relève du *raisonnement*” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс].

На основе указанных выше дефиниций АФФЕКТАЦИЮ можно выделить в качестве концептуальной области, входящей в когнитивный контекст ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ.

Обратившись к списку эмоций и чувств, мы находим понятие ЮМОР, которое часто репрезентируется в дискурсе политических лидеров через употребление различного рода шуток для достижения комического эффекта [Желтухина, 2000].

Р.А. Мартин, автор фундаментального труда о психологии юмора [Мартин, 2008], среди основных компонентов, входящих в это понятие выделяет:

– юмор как эмоциональную реакцию – «юмор – это, по существу, эмоция, которую вызывают конкретные типы когнитивных процессов» [Мартин, 2008, с. 27];

– юмор как совокупность когнитивно-перцептивных процессов, участвующих в порождении и восприятии смешного (т.е. эмоций – А.Х.) [Мартин, 2008, с. 26–27].

Данные тезисы подтверждают правомерность рассмотрение концептуальной области ЮМОР как составляющей когнитивного контекста ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ личностной составляющей ПД.

В качестве третьей концептуальной области рассматриваемого когнитивного контекста можно выделить ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, так как это понятие близко связано «с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 591]. И.В. Арнольд понимает экспрессивность как «свойство текста которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим

результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным» [Арнольд, 2002, с. 100]. Исходя из такой трактовки понятия, номинанты концептуальной области ЭКСПРЕССИВНОСТЬ выражают следующие концептуальные признаки: «*свойство текста*»; «*передача смысла с увеличенной интенсивностью*»; «*эмоциональное / логическое усиление*».

Во французском языке термин “*expressivité*” имеет следующее толкование “*Qualité de ce qui est expressif*” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс], для уточнения его смыслового содержания, обратимся к анализу прилагательного “*expressif*”, имеющего следующие дефиниции:

- “qui exprime énergiquement ce qu'on veut dire; suggestif, démonstratif, parlant;
- qui manifeste vivement le sentiment, l'intention; significatif, éloquent;
- se dit d'une composition ou d'une interprétation musicale capables d'évoquer des sentiments” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс].

В результате анализа словарных дефиниций понятия “*expressivité*” и ключевого для его толкования понятия “*expressif*” можно выделить следующие номинанты концептуальной области ЭКСПРЕССИВНОСТЬ: “*qualité de ce qui est expressif*”, “*manifeste vivement le sentiment*”, “*exprime énergiquement*”, “*capables d'évoquer des sentiments*”.

В.Н. Телия рассматривает экспрессивность как семантическую категорию, придающую речи выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта речи к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире [Телия, 1997, с. 637–638].

В результате анализа словарных дефиниций и с опорой на приведенные выше труды ученых правомерно выделить концептуальной области ЭКСПРЕССИВНОСТЬ в ПД и ее рассмотрение как составляющей когнитивного контекста ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ.

Схематично когнитивный контекст ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ может быть представлен следующим образом (Рисунок 12):

Рисунок 12 – Составляющие когнитивного контекста ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

2.2.2.1. Концептуальная область АФФЕКТАЦИЯ

Президент, являясь ключевой фигурой в стране и представляя интересы страны на мировой арене, в соответствии с занимаемым постом обязан придерживаться определенных социальных и статусных рамок, регламентирующих и «фильтрующих» его речь. Как явление диаметрально противоположное регламентированности ПД можно представить некоторую размытость границ, нивелировку официальной речи, когда в ход идут разного качества и приличия словесные игры, а в пылу изобретательства снимаются этические и эстетические табу. Такие приемы характеризуются В.Г. Костомаровым как относящиеся к стилю «гранж» – желание пофрондировать, соригинальничать, как-то «переставить мебель», чтобы изменить приевшуюся обстановку, просто даже «похулиганить» [Костомаров, 1999, с. 41]. Однако именно отход от этих рамок делает «прорвавшееся» сквозь регламент и устоявшиеся нормы высказывание яркими и запоминающимися. Яркие примеры выражения языковой личности президентов проявляются благодаря аффектации речи, которая в ПД чаще всего выражается через широкое употребление сниженной лексики, иногда даже той, что свойственна для деклассированных элементов общества, например:

91. *«Но пока все санкции сводятся к тому, чтобы выбрать из моего личного окружения каких-то близких мне людей, моих друзей, и их, как у нас в*

кругах интеллигенции говорят, *уконтропупить...*» [Kremlin.ru, 23.05.2014, Электронный ресурс].

В примере (91) В.В. Путин использовал сниженную лексику («уконтропупить»), чтобы охарактеризовать санкционные меры в отношении его приближенных, тем самым показывая презрение к подобным методам.

92. *“Il n'y a pas que **les imbéciles** qui ne changent pas d'avis, je l'ai toujours dit”* [Topito.com, 29.11.2015, Электронный ресурс]. – *Только **дебилы** не меняют мнение, я это всегда.*

В примере (92) Жак Ширак, используя сниженную лексику, смог ловко увернуться от неудобного вопроса о частой смене своих взглядов. Что примечательно, грамотное использование данного приема, кроме всего прочего, позволило ему представить свое непостоянство как достоинство и попутно «отбить подачу» в сторону политических противников.

Зачастую использование президентом сниженной лексики значительно повышает шанс того, что отдельные отрезки его речи будут фразеологизированы и уйдут в народ:

93. *«Если человека все устраивает, то он **полный идиот**. Здорового человека, в нормальной памяти не может всегда и все устраивать* [Kremlin.ru, 25.12.2000, Электронный ресурс].

Жак Ширак не отстает от своего русского коллеги в плане использования сниженной лексики, однако видимо в силу отличного от путинского политического имиджа и влияния иной социокультурной общности, он более «мягок» в сравнении с В.В. Путиным. Но в контексте французской когнитивной картины мира его «красное словцо» по воздействию на аудиторию не менее остро и провокационно. В какой-то мере языковой образ Жака Ширака для французов похож на образ В.В. Путина для русских: хороший оратор, не стесняющийся «сильных» выражений. Стоит отметить, что порой использование сниженной лексики происходит президентами ненамеренно (по крайней мере, так это представлено), и одной из наиболее частых «ошибок» лидеров является

невыключенный микрофон. Именно он, по мнению большинства СМИ, сделал достоянием широкой аудитории следующее высказывание Ж. Ширака:

94. *“Mais qu’est-ce qu’elle veut de plus, cette ménagère? Mes couilles sur un plateau?”* [Liberation.fr, 09.05.1995, Электронный ресурс]. – *Ну чего еще хочет эта домохозяйка? Мои яйца на подносе?*

В примере (94) Жак Ширак резко отреагировал на постоянно возрастающие требования уступок для Великобритании, которые предъявляла Маргарет Тэтчер (названа в примере уничижительно “*ménagère*” – А.Х.) зарождающемуся тогда Европейскому Союзу. И если верить источникам, то сделано это было ненамеренно, и фраза не предназначалась широкой аудитории – такая версия вполне правдоподобна, учитывая, что на тот момент велись важные переговоры с Великобританией, а подобная «шутка», став достоянием общественности, вполне могла усложнить и без того не простой процесс достижения консенсуса.

Как мы видим, Жак Ширак в примере выше обращается к физиологии, эту же область заимствования использует и В.В. Путин в своих высказываниях:

95. *«Все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам»* [Kremlin.ru, 14.02.2008, Электронный ресурс].

Порой сниженная лексика заменяется в высказывании эвфемизмом, однако использование эвфемизма для замены сниженной лексики в общеизвестном выражении ничуть не снижает экспрессивного эффекта, а иногда и усиливает его за счет необычности конструкции:

96. *«Если бы у бабушки были определенные половые признаки, она была бы дедушкой»* [Kremlin.ru, 02.06.2006, Электронный ресурс].

С лексической точки зрения сниженная лексика в (100) примере явно не присутствует, однако в сознании людей, знающих исходное выражение, концепт «сниженная лексика» репрезентируется. Как это происходит и в приведенном ниже выражении Ж. Ширака:

97. *“Ça m’en touche une sans faire bouger l’autre”* [Topito.com, 29.11.2015, Электронный ресурс]. – *Это меня трогает за одно, не трогая за другое.*

Приведенное в примере (97) выражение также не содержит сниженных лексических единиц, однако производит эффект отсылки к половым органам, что воздействует на сознание слушателей аналогично сниженной лексике.

Помимо достижения экспрессивного эффекта, использование сниженной лексики служит для интеграции говорящего с большинством [Карасик, 2002, с. 268–269], поэтому важно учитывать общность лингвокультурного и когнитивного опыта аудитории и оратора, иначе концептуальная область «сниженная лексика» не будет в должной мере осознана слушателями. Так в речах В.В. Путина присутствует пласт сниженной лексики, заимствованный из «лихих» 90-ых, что является следствием социокультурных условий, сложившихся на рубеже XX–XXI вв. России:

98. *«Берут под свою «крышу» тех, кто никак не может добиться защиты от государства»* [Kremlin.ru, 25.02.2000, Электронный ресурс].

99. *«Вы правильно инициировали вопрос, что не надо **кошмарить** бизнес»* [Kremlin.ru, 26.08.2013, Электронный ресурс].

В примерах (98) и (99) мы видим «грубые» метафоры:

- **«брать под крышу»** – заниматься рэкетом, вымогательством;
- **«кошмарить»** – запугивать, оказывать давление.

В то же время подобные выражения были бы непонятны представителям другой лингвокультурной общности, не имеющих соответствующего когнитивного опыта. Что примечательно, в речах Ж. Ширака подобная лексика практически не встречается, так как социокультурные реалии России и Франции на рубеже XX–XXI вв. значительно отличались.

Исходя из проанализированного в рамках тематики данного параграфа материала, можно заключить, что концептуальная область АФФЕКТАЦИЯ является составляющей ПД и способы ее объективации в дискурсе зависят от лингвокогнитивного и социокультурного опыта лидера (как порождающего высказывания) и аудитории (как реципиентов дискурса). АФФЕКТАЦИЯ может репрезентироваться в сознании аудитории не только через прямое употребление

сниженных лексических единиц, но и за счет лингвокогнитивного опыта слушателей, без непосредственного включения в высказывания сниженной лексики. Отметим, что в части приведенных примерах сниженная лексика употреблялась для более полного выражения эмоций, испытываемых лидером в момент высказывания, что говорит о способности сниженной лексики порой репрезентировать концептуальную область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ. Подобный факт еще раз говорит о наличии интерференции между концептуальными областями и когнитивными контекстами ПД, подтверждает многоаспектность данного явления.

2.2.2.2. Концептуальная область ЮМОР

Концептуальная область ЮМОР репрезентируется в ПД через шутки и комичные ситуации в ходе выступлений, дискуссий, ответов на вопросы. Использование юмора является эффективным средством для завоевания симпатий аудитории, разрядки атмосферы, понижения статуса оппонента, «красивого» ухода от острого вопроса и т.д. Стоит отметить, что положительный эффект от использования юмора (т.е. вызов смеха, положительных эмоций, симпатии к говорящему) достигается в случае его уместности, в связи с чем юмор не используется повсеместно в ПД, и есть определенные границы и рамки его «уместности». Данная концептуальная область ярко репрезентируется в минимально регламентированной обстановке (встречи с журналистами, прямые линии, встречи без галстуков и т.д.). Так, например, когда Жаку Шираку задали вопрос, придерживается ли он левых политических взглядов, он отшутился:

100. *“Bien sûr que je suis de gauche! Je mange de la choucroute, je bois de la bière...”* [Le Figaro, 19.03.2015, Электронный ресурс]. – *Конечно я левый! Я ем кислую капусту, я пью пиво.*

В примере (100) Ж. Ширак в шутку соглашается с приписываемыми ему политическими предпочтениями, в качестве «доказательства» приводит свои гастрономические пристрастия – *“Je mange de la choucroute, je bois de la bière...”*.

Для президента России Владимира Путина также свойственно использование юмора в своих высказываниях для ухода от провокационного вопроса:

101. *«Меня спрашивали, когда я начал заниматься сексом. Не помню. А помню точно, когда это делал в последний раз. Могу определить с точностью до минуты»* [Ria.ru, 06.07.2006, Электронный ресурс].

Как мы видим из примеров выше (100) и (101), президенты отшучиваются, переводя острые и провокационные вопросы в шутку, отвечая и в тоже время, уклоняясь от ответа.

Стоит отметить, что концептуальная область ЮМОР, хотя и слабее репрезентируется в рамках официальных регламентированных мероприятий, все же проявляется в моменты, когда лидеры позволяют себе выйти за рамки установленного регламента.

102. *«Знаете, как в шутку спрашивали и отвечали, чем ЦК, видимо, отличается от ЧК: ЦК цыкает, а ЧК чикает»* [Forbes.ru, 20.04.2011, Электронный ресурс].

В данном высказывании (102) В.В. Путин не только привел известную ранее шутку, но и намекнул на свое профессиональное прошлое, что тоже усилило юмористический эффект.

Как мы уже отметили, для более регламентированной обстановки свойственна меньшая степень репрезентации области «юмор», во многом из-за меньшего количества возможностей уместного употребления и большего риска обратной реакции в случае «провала» – неуместного употребления шутки, вызвавшей обратную от желаемой реакцию, чаще всего негативную. Так, например, Ж. Ширак, неудачно пошутив, стер улыбку с лица английского премьера Тони Блэра (очевидцы отметили, что наблюдали такую реакцию у министра впервые):

103. *“La cuisine anglaise au début, on croit que c’est de la merde et après, on regrette que ça n’en soit pas”* [Gala.fr, 12.12.2016, Электронный ресурс]. – *Сначала думаешь, что английская кухня – дерьмо, а потом сожалеешь, что это было не оно.*

В примере (103) первая часть высказывания выступает в роли «завязки» – употреблена конструкция *“au début”/“après”*, при использовании которой сказанное в первой части высказывания обычно опровергается во второй. Но в данном примере происходит разрыв шаблона – вторая часть является усиленным подтверждением выдвинутого в первой части утверждения – *“après, on regrette que ça n’en soit pas”*.

104. *«Много всяких анекдотов можно привести на этот счет: как бы ни действовать во время первой брачной ночи – результат должен быть один и тот же»* [Rg.ru, 26.06.2013, Электронный ресурс].

Приведенная в примере (104) шутка В.В. Путина в беседе с Ангелой Меркель, вызвала определенную одобрительную реакцию в зале, однако канцлер Германии явно не относилась к числу одобрявших шутку. Исходя из анализа экстралингвистических факторов, Ангела Меркель либо не поняла шутку (что возможно вследствие перевода), либо не посчитала ее уместной.

В то же время, использование юмористических вкраплений позволяет президентам мягко «уколоть» оппонента, политического и геополитического соперника и т.п., ведь публичная насмешка понижает статус оппонента, выбивает из колеи и таким конечном итоге дает преимущество использовавшему данный прием. Причем благодаря высокой медиатизации президентского дискурса «укол» может быть личным (например, при личной встрече) или опосредованным (когда объект шутки узнает об этом из СМИ или других источников). Так, например, Владимир Путин прокомментировал журналистам свое видение встречи Михаила Саакашвили и Виктора Ющенко:

105. *«Я думаю, что двум президентам есть о чем поговорить, что обсудить, что вспомнить. Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, что вместе продули они»* [Vedomosti.ru, 24.11.2009, Электронный ресурс].

Приведенный пример (105) шутки В.В. Путина – это опосредованный медийностью юмор, т.е. президент «уколол» геополитических оппонентов через СМИ, но подобный прием используется лидерами стран и при личном контакте.

Сильная медиатизация института президентства привела к тому, что участники данного института порой вынуждены играть по правилам СМИ: публичное оскорбление/резкая шутка/клевета и т.д. требует от «пострадавшего» также публичного ответа, иначе аудитория не услышит иного мнения и внемлет оппоненту. И на данное высказывание В.В. Путина в общении с Юлией Тимошенко также последовала официальная реакция главы секретариата В.А. Ющенко: *«Это недопустимо, когда премьер-министр независимого государства, кандидат в президенты демонстрирует такое пренебрежение к своей стране»* [Там же].

Жак Ширак использовал юмор в личном общении с Елизаветой II. Однажды они ехали в повозке, запряженной лошадьми, одна из лошадей издала непристойный звук, за что королева Англии поспешила извиниться, на это президент Франции ответил:

106. *“C'est pas grave, je croyais que c'était le cheval”* [Planet.fr, 10.09.2015, Электронный ресурс]. - *Ничего страшного, я думаю это была лошадь.*

В примере (106) приведена ситуативная шутка Ж. Ширика, использование которой помогло разрядить обстановку и «обыграть» неудобную сцену.

На основе проведенного в параграфе исследования можно утверждать, что концептуальная область ЮМОР полноценно репрезентируется в ПД и является частью когнитивного контекста ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, который в свою очередь представляет личностную составляющую ПД. Юмористический эффект достигается только при «уместности» шутки, в противном случае можно спровоцировать обратный эффект. Концептуальная область ЮМОР широко репрезентируется в менее регламентированном дискурсе: чем более регламентирован дискурс, тем меньше возможностей для репрезентации этой области (сложно представить уместную шутку во время принятия присяги президентом).

2.2.2.3. Концептуальная область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ

И.В. Арнольд рассматривает экспрессивность как свойство текста, «которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным» [Арнольд, 2002, с. 100]. Из этого следует, что номинанты концепта ЭКСПРЕССИВНОСТЬ репрезентируют такие концептуальные признаки, как «передача мысли с увеличенной интенсивностью»; «эмоциональное / логическое ударение». Экспрессивность лингвист связывает также с коннотацией, «куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения» [Там же, с. 153]. Наличие одного из компонентов не говорит об обязательном наличии остальных, они могут встречаться в разных комбинациях [Там же, с. 160]. Таким образом, можно заключить, что в концептуальную область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, прежде всего, входят эмоции. Среди средств языковой репрезентации могут быть также выделены выразительные (образные) средства языка.

Одной из основных целей президентского дискурса является борьба за власть, а завоевание симпатий аудитории, как отмечают исследователи языка в парадигматическом аспекте, часто осуществляется через обращение к эмоциям [Шаховский, 2007, с. 29]. В своих речах лидеры стран используют эмоционально-экспрессивную лексику, оценочные суждения, метафоры, которые повышают экспрессивность их дискурса и объективируют концептуальную область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ.

Под эмоционально-экспрессивными единицами мы понимаем лексические единицы, в которых эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не сводится к нему. Обладая яркой авторской индивидуальностью, президенты не могут полностью исключить проявление эмоций в своем дискурсе, особенно в менее регламентированной обстановке. Номинативная функция неизбежно добавляется оценочной, которая либо

заклучена в данной лексической единице, либо проявляется в определенном контексте [Голуб, 1997, с. 59]. Проиллюстрируем это некоторыми примерами.

107. *“Si vous ajoutez à cela **le bruit et l'odeur** eh bien le travailleur français sur le palier **devient fou**”* (говорит о некоторых мигрантах – А.Х.) [Le Figaro, 14.01.2016, Электронный ресурс]. - *Если вы добавляете к этому **шум и вонь**, то французский рабочий на лестничной площадке **сойдет с ума**.*

108. *«Кстати говоря, все разгоняются какие-то **дурацкие** слухи о деноминации национальной валюты – **чушь** это полная»* [Kremlin.ru, 08.02.2008, Электронный ресурс].

Из приведенных выше примеров (107) и (108) видно, что в рамках одного высказывания может употребляться сразу несколько эмоционально-окрашенных лексических единиц, либо как в примере (107) – используются не только отдельные эмоционально-окрашенные лексические единицы, но и фразеологический оборот (*devient fou*).

Широкое использование эмоционально-окрашенных оборотов в речах президентом объясняется высокой эффективностью влияния подобных конструкций на аудиторию для привлечения внимания и повышения ее лояльности. В какой-то степени политическая борьба – это борьба за эмоции, как выразился однажды В.В. Путин:

109. *«Я самый богатый человек не только в Европе, но и в мире: я собираю эмоции...»* [Kremlin.ru, 14.02.2008, Электронный ресурс].

Приведем еще примеры использования эмоционально-окрашенной лексики в речах президентов:

110. *«Я не побоюсь и не постесняюсь в этой аудитории сказать, иногда кажется, что **своими бы руками их задушил** (говорит о преступниках – А.Х.). Но это, конечно, все только эмоции»* [Kremlin.ru, 09.06.2001, Электронный ресурс].

В примере (110) мы видим выражение крайне негативных эмоций по отношению к некоторым преступникам, что достигается использованием эмоционально окрашенного фразеологизма «задушить своими руками».

111. “*La France, mes chers compatriotes, je l'aime passionnément. J'ai mis tout mon cœur, toute mon énergie, toute ma force, à son service, à votre service. Servir la France, servir la paix, c'est l'engagement de toute ma vie*” [Jacqueschirac-asso.fr, 11.03.2007, Электронный ресурс]. – *Франция, мои дорогие соотечественники, горячо мной любима. Я отдаю все свое сердце, всю свою энергию, все свои силы на служение ей, на служение вам. Служить Франции, служить делу мира, это призвание всей моей жизни.*

В примере (111) Ж. Шираком используется сразу два эмоционально окрашенных оборота “*aimer passionnément*” и “*mettre tout cœur*” для выражения своего патриотизма и любви к Родине – Франции.

Помимо описанных выше способов репрезентации эмоций в дискурсе президента (которые можно отнести к стилистическим) разумеется нельзя не упомянуть прямое выражение эмоций политическими лидерами через использование прилагательных, наречий, непосредственно выражающих эмоции:

112. “*Je suis choqué par le fait que les sanctions économiques pénalisent toujours les populations les plus faibles, les plus démunies*” [Jacqueschirac-asso.fr, 23.02.1998, Электронный ресурс]. – *Я шокирован фактом, что экономические санкции всегда негативно сказываются на наиболее слабой и обездоленной части населения.*

В примере (112) концептуальная область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ репрезентируется путем прямого выражения эмоций “*Je suis choqué*”.

113. «*Я всегда отрицательно относился к тем, кто с каким-то гриппозным носом и со своими эротическими фантазиями лезет в чужую жизнь* [Kremlin.ru, 18.04.2008, Электронный ресурс].

В примере (113) из дискурса В.В. Путина мы помимо прямого выражения эмоций снова видим совместное употребление в рамках одного высказывания нескольких способов репрезентации эмоций:

- «*отрицательно относился*» – наречие, выражающее эмоции + глагол;
- «*лезет гриппозным носом*» – фразеологический оборот;

– «фантазиями» – в данном контексте приобретает уничижительный оттенок.

В дискурсе В.В. Путина и Ж. Ширака помимо использования эмоционально-экспрессивной лексики часто встречаются и метафорические конструкции, повышающие экспрессивность речи лидеров и также репрезентирующих концептуальную область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ. Сверхметафоричность дискурсов лидеров государств отмечает и О.В. Спиридовский, метафора понимается им в когнитивном аспекте как когнитивный процесс сопоставления разных понятийных сфер [Спиридовский, 2006]. Дж. Лакофф, М. Джонсон утверждают, что «концепты, которые управляют нашим мышлением, – не просто порождения ума. Они структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям». Другими словами, «бóльшая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25].

Президентский дискурс, безусловно, сверхметафоричен, поскольку для повышения его экспрессивности и эффективности воздействия на аудиторию, президент прибегает к ярким и неординарным метафорам. Процесс порождения когнитивных (концептуальных) метафор неизбежно связан с обращением к так называемому человеческому фактору, репрезентации сложных языковых категорий через знания, хранящиеся в индивидуальной и коллективной памяти, статусностью языковой личности, аксиологическим и эмоциональным аспектами речи [Болдырев, 2006; Борисова, 2016; Бородулина, 2014_{1,2}; 2015; Бородулина, Гуляева, 2014; Складневская, 1993; Телегин, Телегина 2017; Чудинов, 2007; Black, 1955; Cassirer, 1990; Coulson, Oakley, 2000; Davidson, 1978; Fauconnier, 1994; Johnson, Lakoff, 2003; Lakoff, 1990; Musolff, 2001; Zinken, 2002]. Термин «сверхметафоричность» перешел в лингвистику из сюрреалистической поэтики, а в конце XX века был использован применительно к политическому дискурсу.

Метафоры, используемые в дискурсе и выступлениях русского и французского президентов, выражают наиболее важные для соответствующих

эпох и для проявления их характеров как языковых личностей темы (концептуальные области):

- патриотизм и любовь к Родине;
- политическая обстановка в мире;
- экономические потрясения и финансовый кризис;
- проблемы внутренней и внешней безопасности;
- борьба с безработицей.

Процесс метафоризации «активирует уже имеющееся знание о мире, сопоставляя «готовые» значения при расшифровывании культурного кода и вызываемые ими ассоциативные представления» [Зубкова, 2011, с. 98]. В рамках данного научного изыскания мы понимаем метафору как когнитивную операцию и полагаем, что метафорическому переносу подвержено не изолированное имя с прямым номинативным значением, а комплексная концептуальная структура, погруженная в когнитивный контекст и активизирующаяся в сознании носителей языка (в данном случае президента и аудитории) [Воякина, 2011, с. 11].

Метафоры, раскрывающие указанные концептуальные области, рассматриваемые исходя из концепции Лакоффа и Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004] как область цели, могут быть отнесены по определению источника к одной метафорической модели. В качестве примеров рассмотрим метафоры В.В. Путина, которые касаются финансового кризиса: «*Россия справится с кризисом, и у нее имеются «подушки безопасности»*» (артефактная модель); «*кризис не достиг еще даже дна*» (ориентационная модель), а также антропоцентрическую и механическую метафоры Ж. Ширака, в которых Франция становится обладательницей характеристик, присущих механизму или человеку: “*La “machine France” ne fonctionne plus. Elle ne fonctionne plus pour tous les Français*”; “*La France est un vieux pays, mais elle est aussi une Nation jeune, enthousiaste*”. Патриотические убеждения Ж. Ширака и В.В. Путина можно проследить в их обращении к образу родного дома как к источнику заимствования метафорической модели: «*мы с вами должны строить свой дом, свой собственный дом — крепким, надежным*»; «*мы против того, чтобы военная*

организация хозяйничала возле нашего забора»; “*notre maison brûle et nous regardons ailleurs*”; “*Il y a péril en la demeure*”.

Продовольственный кризис, к которому привел резкий и неожиданный рост цен на продовольственные товары, получил в речах Жака Ширака метафорическую характеристику “*tsunamis silencieux*”. В.В. Путин говоря о финансовом кризисе, использует метафору «*идеальный шторм*» – данное явление обозначает момент, когда разыгравшиеся природные стихии сходятся в одной точке и кратно умножают свою разрушительную силу. Из данных примеров мы видим, что оба президента прибегают к природоморфной метафоре для описания кризисной ситуации в экономике. Широкое использование метафорических моделей в целом характерно для экономического дискурса [Бородулина, 2014₂; 2015; Бородулина, Гливенкова, Гуляева, Макеева, 2015].

Как мы видим из приведенных выше примеров, многие из метафор относятся к кризисным временам (в основном к финансовому кризису), в течение которых метафоризация дискурса возрастает, что подтверждает рассуждения ученых о наличии «метафорических бурь» и «метафорического затишья» [Бородулина, Макеева, 2016₁, с. 49].

Образными, яркими, действительно авторскими, являются зоометафоры В.В. Путина. Так, на одной из ежегодных пресс-конференций российский президент показал, как надо себя вести России в сложной экономической ситуации, используя символ «русского медведя»:

114. «...*может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания*» [Kremlin.ru, 18.12.2014, Электронный ресурс].

В примере (114) образ русского медведя не единственная когнитивная метафора, в данном высказывании мы видим полноценный метафорический

дискурс: «мишка», «посидеть спокойно», «питаться ягодами», «посадить его на цепь», «вырвут и зубы, и когти».

Рассуждая о государственном контроле над частью секторов российской экономики, В.В. Путин обращается к следующему образу:

115. «Курица может осуществлять владение яйцом, и пока она сидит на яйцах, ее даже будут кормить, но на самом деле яйца принадлежат не курам» [Russian.rt.com, 29.12.2014, Электронный ресурс].

В примере (115) мы также наблюдаем использование целого ряда зоометафор, которые складываются в полноценный концептуальный метафорический образ, который выражает не одно понятие, а целую когнитивную картину, с помощью которой президент описывает положение дел в экономической сфере.

Дискурсу Ж. Ширака характерен разнообразный репертуар метафорических моделей. Предпочтения Ж. Ширака в выборе источника модели часто определяются его сложившимся в политической среде образом как «ветерана» и «аристократа». Так, военные метафоры изначально фигурируют в дискурсе Жака Ширака, ввиду чего в качестве источника задействованы концепты “*citadelle*” / «крепость», «бастيون»; “*lute*”, “*bataille*” / «борьба», «бумба», а также изысканные выражения типа “*nos frontières ne soient pas ouvertes à tous les vents*” (о защищенности границ Франции «от всех ветров»); “*La France ne doit être ni un moulin ni une citadelle*” (о том, что Франция для иммигрантов не должна стать ни страной, «перемалывающей», смешивающий все народы, ни цитаделью).

В речах, посвященных мигрантам и угрозе беспорядков во Франции, исходящей от них, Ж. Ширак прибегает к сквозным метафорам, которые пронизывают все выступление, а порой и переходят в следующие контексты. Это концептуальные образы мигрантов как “*fracture sociale*”, “*une cassure*” / «трещина», перелом, номинации передают чувства боли и страдания, которые следует “*réduire*” / «уменьшить», “*guérir*” / «вылечить» и даже прибегнуть к помощи «доктора» = политика, который сможет найти выход в сложной ситуации (“*le médecin compétent qui entend mener le pays*”). Другая метафора – это “*les*

“*exclus*” de la population” / отверженные, те, которые через “*fracture sociale*” оказались за чертой бедности и пополняют ряды безработных. При этом говоря о борьбе с безработицей, Ж. Ширак прибегает к метафоре “*travail clandestin, cette forme moderne de l'esclavage*” / подпольная работа, рабство, с чем Франции и ее президенту предстоит бороться.

Использование метафор в ПД характерно и для социальной тематики выступлений лидеров, например, когда речь идет о безработице:

116. *«И конечно, в этом случае они могут оказаться на обочине прогресса и тем самым стать аутсайдерами конкурентной борьбы»* [Kremlin.ru, 30.11.2016, Электронный ресурс].

В примере (116) президент России В.В. Путин связывает риски безработицы с развитием технологий, когда некоторые страны «не смогут поймать технологическую волну».

117. *«Но на этом «общественном Давосе» обсуждать все те проблемы, которые существуют у нас в стране, в частности, и должны активно принимать участие институты гражданского общества России и Европейского союза»* [Kremlin.ru, 16.05.2007, Электронный ресурс].

118. *“Son “Odyssée Sibérienne” a pour vocation de montrer la beauté mais aussi la fragilité des grands espaces sauvages”* [Jacqueschirac-asso.fr, 16.11.2005, Электронный ресурс]. – Его «Сибирская одиссея» предназначена показать красоту и в то же время хрупкость больших диких просторов.

В примерах (117), (118) мы видим использование ономастических метафор «общественный Давос», “Odyssée Sibérienne”, которые служат для выражения трудного для вербализации опыта и сокращения времени на выражение того или иного концепта [Воякина, 2009, с. 88]. При успешном использовании ономастических метафор в сознании аудитории возникает комплексный образ, наделенный характеристиками исходного для метафоры субъекта и не требующий дополнительного разъяснения.

На основе проведенного в данном параграфе исследования мы пришли к выводу, что концептуальная область ЭКСПРЕССИВНОСТЬ репрезентируется в

ПД через использование эмоционально-экспрессивной лексики, прилагательных или наречий, выражающих эмоции напрямую, концептуальных метафор (в том числе ономастических, авторских и сквозных), что позволяет говорить о сверхметафоричности ПД. Выявляются как общие для русского и французского языков метафорические модели, так индивидуальные яркие авторские метафоры, в которых усматривается проявление как национально-культурной специфики (например, обращение В.В. Путина к образу медведя), так и особенностей языковой личности конкретного лидера (например, имидж Жака Ширака – ветерана/аристократа).

2.2.3. Когнитивный контекст ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Для выявления концептуальных областей внутри когнитивного контекста ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, обратимся к анализу словарных дефиниций данного понятия.

В русском языке понятие «индивидуальность» имеет следующее определения:

- «особенности характера и психического склада, отличающие одного индивидуума от других»;
- «человек как обладатель присущих только ему черт характера, индивидуальных особенностей» [Толковый словарь русского языка, 2012, Электронный ресурс].

Во французском языке понятие “individualité” трактуется следующим образом:

- “caractéristique d'un être (personne ou chose) qui le rend tel qu'il ne puisse être confondu avec un autre être”;
- “ce qui fait l'originalité, la particularité d'un individu et l'oppose aux autres”;

– “personne douée d'un caractère particulièrement marqué et original” [Dictionnaires Larousse français en ligne, Электронный ресурс].

Таким образом, в рамках когнитивного контекста ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ могут быть рассмотрены концептуальные области, отражающие индивидуальные, присущие только данным президентам и отличающие их от других личностей, черты. В данном когнитивном контексте мы выделяем две концептуальные области: ПУТИНИЗМЫ и ШИРАКИЗМЫ. Эти термины, образованные обычно по модели «оним+изм», используются при характеристике языковой личности практически всех президентов и, по мнению некоторых лингвистов, представляют собой «комбинацию сознательно создаваемого образа и естественных речевых особенностей <...> национального лидера» [Горностаева, 2016, с. 64].

В речах и выступлениях президентов концептуальные области ПУТИНИЗМЫ и ШИРАКИЗМЫ репрезентированы оговорками (случайными или намеренными), индивидуальными авторскими выражениями или крылатыми фразами (с нуля, либо путем трансформации уже известного фразеологизма) и нелогизмов. Они широко обсуждаются в СМИ и в народе, активно исследуются филологами.

Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых к основным признакам индивидуально-авторских выражений относят следующие: «Их значение не закреплено в словарях, они характеризуются индивидуальностью проявления и структурно-семантической немоделированностью. Индивидуально-авторские фразеологические единицы носят речевой характер, для них их «авторство» принципиально важно, поскольку они не производятся, а творятся: впервые появляются в речи конкретного индивидуума» [Алефиренко, Золотых 2000, с. 198]. В.Н. Вакуров отмечает, что «индивидуально-авторские преобразования обладают всеми основными признаками, свойственными окказиональным словам: принципиальной одноразовостью, творимостью, «первозданной конкретностью», а также свойством передать уникальность речевой ситуации» [Вакуров, 1983, с. 111]. Использование авторских неологизмов придает «тексту эмоциональную экспрессивность и выразительность» [Левченко, Скрыльник, 2015, с. 65].

Итак, анализ словарных дефиниций и обзор приведенных научных трудов, позволил выделить в рамках когнитивного контекста ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ концептуальные области ПУТИНИЗМЫ И ШИРАКИЗМЫ, что можно представить в виде следующей схемы (Рисунок 13):

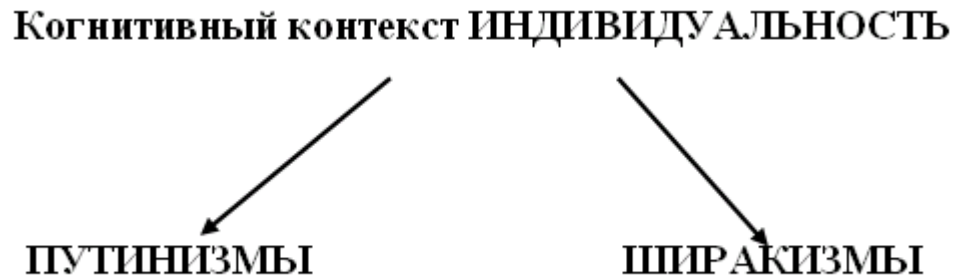

Рисунок 13 – Составляющие когнитивного контекста ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

2.2.3.1. Концептуальная область ШИРАКИЗМЫ

Жак Ширак является значительной фигурой на политической сцене Франции, только кресло президента он занимал 12 лет, за это время он показал себя также и как яркая ЯЛ, которая произвела на свет огромное количество авторских выражений, отражающих его индивидуальность. Среди них особое место занимают неологизмы Ж. Ширака, которые будут рассмотрены ниже.

119. “*Un chef, c'est fait pour **cheffer***” [Topito.com, 29.11.2015, Электронный ресурс]. – *Шеф для того чтобы шефить.*

В данном примере (119) рассматривается известный глагол-неологизм “*cheffer*”, образованный от существительного “*chef*” путем аффиксального словообразования и ставший достаточно популярным во французской прессе и политической среде, дословно на русский язык данный неологизм переводится как «*шефить*» (т.е. быть шефом, руководить, возглавлять – А.Х.).

120. “*Ce n'est pas qu'elles se dégonflent, c'est qu'elles **font “pschitt”**, si vous me permettez cette expression*” [Jacqueschirac-asso.fr, 14.07.2001, Электронный ресурс]. – *Дело не в том, что они сдуваются, а в том, что они **делают «пшик»**, если вы позволите мне это выражение.*

В примере (120) мы наблюдаем использование Жаком Шираком созданного им фразеологического неологизма “*faire “pschitt”*”, в данное выражение вкладывается смысл лопнувшего пузыря, несработавшей пустышки.

121. “*Aujourd’hui, on rapporte une histoire **abracadabrantique***” [Ladepeche.fr, 10.03.2007, Электронный ресурс]. – *Сегодня сообщают **абракадабрастическую** историю.*

В примере (121) выявляется прилагательное-неологизм “*abracadabrantique*”, использованное Ж. Шираком в одном из выступлений на телевидении. Прилагательное также создано путем аффиксального словообразования и обозначает что-то неправдаподобное, невероятное.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, ШИРАКИЗМЫ и ПУТИНИЗМЫ могут появиться как путем намеренного словотворчества лидера, так и благодаря оговорке или случайной ошибке. Так, Жак Ширак во время официальных торжеств по поводу победы национальной сборной по футболу на Кубке Мира стал автором забавной оговорки, сразу же ставшей достоянием общественности:

122. “*Je salue la jeunesse venue de la France entière et lui fait le plus beau cadeau qu'on puisse rêver: **l'équipe de France et la Coupe de France... pardon, la Coupe du Monde***” [Ladepeche.fr, 15.07.1998, Электронный ресурс]. – *Я приветствую молодежь, прибывшую со всей Франции, и дарю ей самый лучший подарок, о котором только можно мечтать: **команду Франции и Кубок Франции... извиняюсь, Кубок Мира.***

Индивидуально-авторские выражения Ж. Ширака не только обогащают французский язык, приковывают внимание народа и прессы, но и отражают когнитивную картину мира автора (мировоззрение, отношение к чему-либо и т.д.).

123. *“Il n'y a pas que les imbéciles qui ne changent pas d'avis, je l'ai toujours dit”* [Topito.com, 29.11.2015, Электронный ресурс]. – *Только дебилы не меняют мнение, я это всегда говорил.*

Таким образом (123) Ж. Ширак отреагировал на упрек о частой смене его мнений, за что он получил вторичный антропоним “chirouette” («шлюгер») образованный путем словосложения от его фамилии (Chirac) и французского слова «флюгер» (girouette). В этом высказывании помимо с использованием аффектации выражено его мнение о людях, не изменяющих свою точку зрения, выражение оказалось «подхвачено» прессой и стало крылатым.

124. *“Dans un environnement qui change, il n'y a pas de plus grand risque que de rester immobile”* [Citation-celebre.leparisien.fr, Электронный ресурс]. – *В меняющейся обстановке нет большей опасности чем оставаться неизменным».*

В примере (124) выражен перекликающийся по смыслу с предыдущим примером фрейм: *“environnement change, rester immobile – risque”*. Оба этих примера характеризуют Ж. Ширака как динамичную, готовую к постоянному развитию и изменению личность.

2.2.3.2. Концептуальная область ПУТИНИЗМЫ

В.В. Путин безусловно является крупнейшей фигурой российской политики XX–XXI вв., о чем говорит и общий срок его президентства – более 14 лет. Благодаря его сильной языковой личности и длительному сроку нахождения у власти (а значит под пристальным вниманием СМИ) В.В. Путин является автором огромного количества известных индивидуально-авторских выражений.

Президент, будучи человеком образованным, широко использует в своей речи фразеологизмы. Однако некоторые из них не всегда совпадают по содержанию либо по форме с общепринятыми и, становясь достоянием широкой

общественности, превращаются в яркие и запоминающиеся фразы, которые становятся крылатыми и «живут» в народе.

125. *«Каждый должен **мотыжить**, как святой Франциск, свой участок, бум-бум, ежедневно, и тогда успех будет обеспечен»* [Kremlin.ru, 14.02.2008, Электронный ресурс].

В примере (125) В.В. Путин создает новый фразеологизм, используя прецедентный образ святого Франциска Ассизского, символизирующий, в том числе, смирение и постоянный труд. Помимо этого, анализ контекста употребления данного фразеологизма позволяет увидеть отражение части когнитивной картины мира политического лидера, в которой постоянный труд равен успеху.

Значительный пласт индивидуально-авторских выражений президента России составляют измененные или трансформированные фразеологизмы, получающие авторскую окраску благодаря замене одного из компонентов, либо модификации состава выражения, например:

126. *«Вы что, хотите, чтобы я землю **ел** из горшка с цветами? И клялся на крови?»* [Kremlin.ru, 14.02.2008, Электронный ресурс].

В примере (126) представлен образ «поедания» земли во время клятвы, который был известен и до высказывания В.В. Путина, однако добавление уточнения (из горшка с цветами) усилило экспрессивность данного выражения, сделало из него индивидуально-авторское высказывание.

127. *«Нужно понять и определить справедливую цену так называемого **бонуса за место на полке**»* [Kremlin.ru, 14.04.2016, Электронный ресурс].

В примере (127) мы видим создание авторского фразеологизма «место на полке» путем ассоциативной трансформации выражения «место под солнцем» (речь идет о прочном социальном положении – А.Х.).

128. *«Мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая на пост президента Российской Федерации. Все эти восемь лет я **пахал, как раб на галерах, с утра до ночи**, и делал это с полной отдачей сил»* [Kremlin.ru, 14.02.2008, Электронный ресурс].

В примере (128) В.В. Путин создает авторский фразеологизм, трансформируя известный фразеологизм *«пахать с утра до ночи»* для оценки своей работы в качестве президента РФ в течение 8 лет (на момент выступления – А.Х.).

В ПД В.В. Путина, как и в ПД Жака Ширака, находится место и забавным оговоркам, мгновенно становящимся достоянием широкой общественности и пополняющим пласт «путинизмов».

129. *«Этот разрыв между доходами богатых и бедных мы будем сохранять...»* [Ng.ru, 26.10.2006, Электронный ресурс].

В примере (129) приведена оговорка на прямой линии с народом, В.В. Путин практически мгновенно поправился (речь шла о сокращении разрыва), но, «острое слово», произнесенное президентом, начало «жить» своей судьбой благодаря СМИ и Интернету.

В.В. Путин является автором не только большого количества авторских фразеологизмов, но и целых поэтических отрывков:

130. *«Я не знаю, но про него можно сказать, что музам служит, а с головой не дружит, потому что кидаться в полицию нельзя ни тяжелыми, ни легкими предметами»* [Kremlin.ru, 21.11.2013, Электронный ресурс].

В примере (130) помимо использованного авторского выражения «музам служит, а с головой не дружит», репрезентируется и точка зрения В.В. Путина с использованием концептуальной метафоры, в контексте выступления президента «кидаться камнями» – совершать противоправные действия в отношении сотрудников полиции. Возникновение данной метафоры стало возможным после общественной огласки задержания студента МГУ, который бросил неустановленный предмет в сотрудников ОМОНа.

Таким образом, можно сказать, что индивидуально-авторские фразеологизмы (и неологизмы) являются яркой чертой, характеризующей личную составляющую ПД и репрезентирующих когнитивный контекст ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. Наличие в дискурсе президентов подобных выражений свидетельствует не только о яркости их ЯЛ и творческих талантах, но и том, что

они, как и все живые люди, могут ошибаться, оговариваться, и часто это оказывает положительное воздействие на создание имиджа президента и повышает его популярность среди избирателей.

Общий вывод по пункту 2.2.

Во второй части практического исследования была проанализирована личностная составляющая президентского дискурса на основе примеров дискурса Ж. Ширака и В.В. Путина. Были рассмотрены 3 когнитивных контекста, входящих в личностную составляющую ПД: ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. В каждом контексте нами были выделены основные концептуальные области, раскрывающие соответствующие контексты (Таблица 4).

Таблица 4 – Когнитивные контексты и концептуальные области ЛС

Когнитивный контекст	Концептуальные области
ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ	ОБРАЗОВАННОСТЬ, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ
ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ	АФФЕКТАЦИЯ, ЮМОР, ЭКСПРЕССИВНОСТЬ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ	ШИРАКИЗМЫ, ПУТИНИЗМЫ

Проанализировав на фактическом материале указанные концептуальные области, мы пришли к следующим выводам:

– **Концептуальная область ОБРАЗОВАННОСТЬ** не сводится только к академическому образованию, но включает в себя весь опыт президента как личности, ведь накопление знаний личностью – непрерывный процесс. На основе проанализированного фактического материала мы видим, что президенты являются личностями образованными во всех смыслах, причем каждый – уникальная комбинация полученных в течение жизни знаний и опыта (образование, прошлый опыт, культурная среда и т.д.).

– **Концептуальная область ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ** по своей сути обращена в прошлое, значительное место в прецедентных конструкциях в ПД занимают прецедентные имена. Экспрессивное воздействие одной прецедентной фразы на разную аудиторию может существенно отличаться, либо сводиться к нулю, так как эффективность воздействия напрямую зависит от лингвокультурного опыта и знаний слушателей. В связи с этим для репрезентации феномена прецедентности президенту нужно обладать соответствующими знаниями и учитывать наличие данных знаний и аудитории.

– **Концептуальная область ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ** тесно связана с лингвокультурными и социокультурными особенностями этноса, традициями народа, лидером которого является президент.

– В рамках **концептуальной области ЮМОР** полноценное экспрессивное воздействие на аудиторию достигается только при употреблении юмора в подходящем (уместном) контексте, при несоблюдении контекста эффект может сводиться к нулю или быть обратным ожидаемому. Большее количество уместных для выражения данной области контекстов присуще личностной составляющей ПД, в рамках ПД юмор используется не только как средство выразительности, но и в качестве инструмента понижения статуса политического оппонента.

– **Концептуальная область АФФЕКТАЦИЯ** может репрезентироваться в сознании слушателей за счет их лингвокогнитивного опыта, без непосредственного использования сниженной лексики (перефразирование выражений для исключения сниженной лексики, аллюзия на подобные выражения

и т.д.), что подчеркивает целесообразность рассмотрения данного явления в русле когнитивной лингвистики.

– Для **концептуальной области ЭКСПРЕССИВНОСТЬ** характерно выражение эмоций, использование оценочной лексики, а также широким использованием ярких концептуальных метафор, которые зачастую репрезентируют наиболее важные для современной эпохи события. На основе проанализированного материала можно утверждать, что в ПД находят выражения как общие для разных языков метафорические модели, так индивидуальные авторские метафоры, в использовании которых усматривается проявление как национально-культурной специфики, так и особенностей языковой личности конкретного лидера. В ПД используются как отдельные вкрапления метафор, так и комплексные метафорические конструкции, для понимания которых необходима интерпретация всех задействованных в ней метафорических концептов.

– **Когнитивные области ШИРАКИЗМЫ и ПУТИНИЗМЫ** репрезентируются в ПД посредством создания и употребления президентами индивидуально-авторских выражений, это могут быть как неологизмы, так и ранее известные и трансформированные ЯЛ лидеров фразеологизмы. Пополнение пласта данных концептуальных областей новыми, выражающими их лексическими единицами, может происходить случайно или намеренно.

Выводы по главе 2

Анализ фактического материала исследования, проведенный в рамках второй главы, позволяет сделать следующие выводы:

1) Когнитивный подход к исследованию президентского дискурса дал возможность рассмотреть его как представляющий многоаспектные знания, к анализу которых применим когнитивно-матричный подход. На основе

разработанной Н.Н. Болдыревым теории, для двух составляющих (институциональной и личностной) были построены когнитивные матрицы, позволившие обозначить свойственные каждой составляющей когнитивные контексты, выводящие на присущие данным контекстам концептуальные области.

2) Знания о президентском дискурсе как разновидности институционального представлены в виде когнитивной матрицы, включающей когнитивные контексты: ВЛАСТЬ, ПУБЛИЧНОСТЬ, СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, которые соответственно выводят на следующие концептуальные области: РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ, МЕДИЙНОСТЬ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, КЛИШИРОВАННОСТЬ, ТЕАТРАЛЬНОСТЬ, МЫ-ДИСКУРС, БОРЬБА, СВОИ-ЧУЖИЕ, ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ.

3) Знания о президентском дискурсе как разновидности личностного дискурса представлены в виде когнитивной матрицы, когнитивные контексты: ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, выводящие на следующие концептуальные области: ОБРАЗОВАННОСТЬ, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ, АФФЕКТАЦИЯ, ЮМОР, ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, ШИРАКИЗМЫ, ПУТИНИЗМЫ.

4) Когнитивно-матричный подход позволил выявить лингвокогнитивные особенности институциональной и личностной составляющих президентского дискурса. Исследование, проведенное на материале двух разносистемных языков, свидетельствует о том, что можно говорить об общих чертах, свойственным президентскому дискурсу. Национально-культурная специфика проявляется в концептуальных областях, в которых важную роль играют лингвокультурные традиции, национальная специфика (ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ).

Заключение

Проведенное исследование позволило получить следующие основные результаты:

1. В ходе анализа и систематизации существующих на сегодняшний момент исследований в области политического (президентского) дискурса выявлена и описана оппозиция «президентский дискурс» vs «дискурс президента»;

2. Доказано, что президентский дискурс может быть рассмотрен как самостоятельный тип институционального дискурса, поскольку в результате исследования выявлено, что он обладает всеми признаками модели институционального дискурса (по В.И. Карасику), что подтверждается анализом языкового материала.

3. В связи с тем, что одним из (главным) коммуникантов является президент, представляется возможным говорить о наличии в президентском дискурсе личностной составляющей;

4. На концептуальном уровне ПД проанализирован с использованием когнитивно-матричного подхода. Построены общие для русского и французского языков когнитивные матрицы для институциональной и личностной составляющих ПД соответственно. Выявлены общие для 2х языков когнитивные контексты и концептуальные области, что также свидетельствует о правомерности выделения ПД в самостоятельный тип дискурса.

5. На лингвистическом уровне охарактеризованы особенности вербализации выявленных концептуальных областей и входящих в них концептов. Показано, что в русском и французском языках используются в основном одни и те же ЛЕ для репрезентации концептуальных областей и входящих в них концептов.

6. Национально-культурные различия в когнитивной матрице «Институциональная составляющая» проявляются в разных приемах

объективации концептуальных областей и связаны с отличиями в сложившихся традициях и устройстве института президентства, а также различными социокультурными реалиями.

7. Лингвокогнитивные различия в репрезентации концептуальных областей наиболее ярко проявляются в рамках личностной составляющей ПД, так как именно ЯЛ президента, вышедшая за рамки институциональных ограничений, репрезентирует в полной мере индивидуальные особенности личности президента. Индивидуальные черты проявляются в обращении к разным прецедентным феноменам, в использовании разных риторических приемов, в степени экспрессивности, в индивидуальной манере речи и т.д.

Как для личностной, так и для институциональной составляющих характерна интерференция концептуальных областей, когда несколько областей могут одновременно объективироваться в одном предложении, либо одна единица языка может репрезентировать сразу несколько областей. Выявление общих когнитивных контекстов и концептуальных областей в институциональной и личностной составляющих ПД на материале дискурсов рассмотренных президентов подтверждает правомерность рассмотрения ПД в качестве самостоятельного типа институционального дискурса, содержащего в себе две составляющих: институциональную и личностную.

Полученные в рамках данного исследования результаты позволили достичь основную цель исследования – выполнить анализ лингвокогнитивных особенностей президентского дискурса конца XX начала XXI вв.

Перспектива проведенного исследования состоит в углублении обозначенных основ рассмотрения президентского дискурса в качестве самостоятельного типа институционального дискурса и в расширении применения выбранного подхода за счет рассмотрения дискурсов президентов других стран. Интересным с научной точки зрения также представляется проведение исследования дискурса недавно избранных президентов и сравнение лингвокогнитивных особенностей дискурса новых лидеров с уже

проанализированным материалом с использованием когнитивно-матричного анализа.

Список сокращений и условных обозначений

ПД – президентский дискурс

ДП – дискурс президента

ИС – институциональная составляющая

ЛС – личностная составляющая

ЯЛ – языковая личность

Список литературы

1. Абишева К.М. К проблеме выделения фразеологического концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2012. №2 (031). С. 34–43.
2. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): монография. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.
3. Андерсон Р.Д. Каузальная сила политической метафоры / пер. с англ. С.С. Чашина, Т.А. Шабанова // Политическая лингвистика. Екатеринбург: УГПУ, 2007. №22. С. 7–18.
4. Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст: монография. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
5. Антонова И.Б. Президентский дискурс в современной медийной среде // Вестник РГГУ. М.: РГГУ, 2011. Вып. 1(62). С. 59–75.
6. Арнольд И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 341–350.
7. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
9. Атьман О.В. Жанровая специфика президентского дискурса США // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2(21). С. 14–16.
10. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 264 с.

11. Бабич Н.Г. Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т., 2015. 256 с.
12. Бакумова Е.В. К вопросу о коммуникативных типах политических лидеров // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: сб. научн. тр. Волгоград: Политех, 2000. С. 77–81.
13. Бакумова Е.В. Речевые маркеры социально-политической идентификации // Языковая личность: проблемы когнитии и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. С. 236–241.
14. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 63 с.
15. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
16. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / составление, общ. ред., и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 442–462.
17. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: NEXТ, 1994. 511 с.
18. Белоглазова Е.В. Интердискурсивность // ДИСКУРС-ПИ. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2010. Т. 9. № 1–2. С. 359–360.
19. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2009. № 3. С. 66–71.
20. Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2015. № 3(044). С. 5–13.

21. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра. филол. наук. М.: МГЛУ, 1992. 401 с.
22. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
23. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 214 с.
24. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014₁. 236 с.
25. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл.ред Е. С. Кубрякова. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. Вып IV. С. 25–78.
26. Болдырев Н.Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 50–55.
27. Болдырев Н.Н. О понятии культуры и культурологическом анализе языка // Филология и культура: сб. докл. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 27–32.
28. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник ЧелГУ. Челябинск: ЧелГУ, 2014₂. №6 (335). С. 118–122.
29. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... д-ра. филол. наук. Санкт-Петербург: Рос. пед. ун-т, 1995. 445 с.
30. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2006. №2. С. 5–22.
31. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2008. №4. С. 4–14.

32. Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2015. № 3. С. 14–15.
33. Борисова Л.И. Метафора в научно-техническом переводе / Л.И. Борисова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. № 6. С. 63–71.
34. Бородулина Н.Ю. Дискурсивное исследование метафор, репрезентирующих реалии экономической жизни Европы // Вестник ТГТУ. Тамбов: ТГТУ, 2013. №1. С. 206–210.
35. Бородулина Н.Ю. Метафора в экономике vs экономическая метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х Ч. №2 (44). –Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2015. С. 40–43.
36. Бородулина Н.Ю. Метафоры в языке экономики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Тамбов: ТГТУ, 2014₂. Т. 20. № 2. С. 372–380.
37. Бородулина Н.Ю. О перспективах исследования метафорических значений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014₁. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. 1. С. 52–55.
38. Бородулина Н.Ю., Гливенкова О.А., Гуляева Е.А., Макеева М.Н. Метафоры в языке экономики: метафорические модели и когнитивно-дискурсивные характеристики: монография. Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2015. 216 с.
39. Бородулина Н.Ю., Гуляева Е.А. Метафора в экономическом дискурсе // Труды естественнонаучного и гуманитарного факультета Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. и науч.-метод. ст. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2014. С. 126–134.
40. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Метафорический взрыв в репрезентации греческого кризиса (по материалам современных публикаций в СМИ) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016₁. № 2. С. 49–56.

41. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н., Метафоричность экономического дискурса: интердискурсивный характер и потенциал риторического воздействия // *Filologicke_vedomosti*. Прага: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. 2016₂. №1. С. 44–48.
42. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Дискурсивное исследование политической коммуникации в зарубежной лингвистике // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. Тюмень: ТГУ, 2008₁. №1. С. 82–90.
43. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008₂. 352 с.
44. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // *Вопросы когнитивной лингвистики*. Тамбов: РАЛК, 2007. № 4. С. 54–57.
45. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая постсоветология // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008₃. Вып. 2(25). С. 10–19.
46. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов / Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006₁. 215 с.
47. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. Вып. 20. 2006₂. С. 75–94.
48. Бурдые П. Начала. Choses dites: пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. 388 с.
49. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (Наматериале сов. фельетона). М.: Изд-во МГУ, 1983. 175 с.
50. Валуйцева И.И., Осипова А.А., Хухуни Г.Т. Лингвокультурные аспекты межъязыковой передачи библейского текста: коллективная монография. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 200 с.

51. Вежицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // THESIS / пер. с англ. М.: ИГИТИ, 1993. Вып. 3. С. 185–206.
52. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. № 1. С. 60–87.
53. Винокур Т.Г. Разговорная речь и стиль // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький: ГПУ, 1972. 363 с.
54. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
55. Водак Р. Критический анализ дискурса: политическая риторика // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научн. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 57–65.
56. Воякина Е.Ю. Ономастическая метафора в экономическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 24 с.
57. Воякина Е.Ю. Ономастическая метафора как одна из составляющих экономического лексикона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (4). Тамбов: Грамота, 2009. С.87–89.
58. Выгузова Е.Ю., Дорохова Т.Ю. К вопросу интегрального подхода языковой репрезентации оценки экономической ситуации в публицистическом тексте // Наука, образование, общество. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2016. №1 (7). С. 209–215.
59. Гаврилова М.В. Президентский дискурс как предмет политической лингвистики // Тезисы докладов. IV Всероссийский конгресс политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке». М.: Российская ассоциация политической науки, 2006. С. 64.
60. Гаврилова М.В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. №4 (42). С. 17–22.

61. Гаврилова М.В. Дискурсивный портрет В.В. Путина // Дискурс-Пи. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, 2013. №3. С.114–115.
62. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1986. 528 с.
63. Георгинова Н.Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. Т. 1. № 1. С. 149–155.
64. Георгинова Н.Ю. Прагматический аспект функционирования интердискурсивных включений в детективном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х Ч. №9 (51). – Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2015. С. 74–77.
65. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 124–136.
66. Гольдберг В.Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. М.; Тамбов: РАЛК, 2012. Вып. X: Концептуализация мира в языке. С. 151–173
67. Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка: на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. 232 с.
68. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
69. Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. М.: РУДН, 2016. Том 20. № 1. С. 57–76.
70. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // в кн.: «Семиотика». М.: Радуга, 1983. 528 с.

71. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.
72. Григорьева О.Н. Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-журнал «Полемика». М.: Irex-Russia, 2001. № 9.
73. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации // Учебное пособие. 4-е издание. М.: Академия, 2007. 336 с.
74. Гордиевский А.А. Интертекстуальность и интердискурсивность - к вопросу о разграничении понятий // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Социально-экономические и правовые исследования. Тюмень: ТГУ, 2006. №4. С. 228–233.
75. Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 45–52.
76. Гуревич П.С. Гуманизм и вера: Дискурс, вопросы взаимоотношений современного религиозного сознания и свет гуманистической традиции. М.: Знание, 1990. 63 с.
77. Гусева А.Е. Отражение фразеологической картины мира в молодёжном жаргоне (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. М.: Изд-во МГОУ, 2014. № 1. С. 1–8.
78. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. и сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
79. Дейк Т.А. ван., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. В.Б.Смиренского. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153–211.
80. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. Сер.: Тетради новых терминов. М.: ВЦП, 1982. Вып. 2. Т.2. 90 с.

81. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс. История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.
82. Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб.: Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ, 1998. № 1. Т. 1. С. 91–113.
83. Елифанцева Н.Г. Текст в прочтении французских и франкоязычных лингвистов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2011. № 3. С. 211–217.
84. Желтухина М.Р. Воздействие масс-медиа на адресата // VI Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. Г.Волгоград 13 – 16 ноября 2001 г. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2002. С. 90–92.
85. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2000. 230 с.
86. Жирова И.Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1. С. 111.
87. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1996. №3. С. 23–31.
88. Зубкова О.С. Эволюция развития представлений о метафоре и метафоризации в истории науки: монография. Курск: Изд-во КГУ, 2011. 129 с.
89. Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. Вып. 1(24). С. 29–33.
90. Ившин В.Д. заимствование пользовательской терминологии в области электронной обработки и передачи информации из английского в испанский и русский языки, качественный анализ на начало хм века // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. № 5. с. 67–72.

91. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС: ЛКИ, 2008. 288 с
92. Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник ОмГУ. Омск: Изд-во ОмГУ, 1996. С. 71–74.
93. Кара-Мурза С.Г. Главные угрозы для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М.: Изд-во «Центр изучения кризисного общества», 2013. №5 (31). С. 74–83.
94. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 734 с.
95. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
96. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. научн. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.
97. Карасик В.И. Речевая индикация социального статуса человека // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 36–57.
98. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 389 с.
99. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
100. Каратанова О.А. Виды нарушений педагогического дискурса // VI Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: тез. докл. Волгоград: Перемена, 2002. С. 96–97.
101. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
102. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–10.
103. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.

104. Киров Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ: сб. науч. ст. Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. Вып. 2. С. 29–41.

105. Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. научн. конф. Волгоград: Перемена, 1997. С. 79–80.

106. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

107. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкин, 1994. №1. С. 73-76.

108. Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВолГУ, 1999. 235 с.

109. Кочкин М.Ю. Манипуляция в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. научн. трудов. Волгоград: Перемена, 1999. С. 29–34.

110. Кошкарлова Н.Н. Языковая личность Д. А. Медведева (на материале Посланий Президента 2008, 2009, 2010 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. Брянск: БГУ, 2011. №2. С. 333–337.

111. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

112. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.Б. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. М.: МГУ, 1997. № 3. С. 62–85.

113. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.

114. Кричун Ю.А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики (на материале речей Уинстона Черчилля): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2011. 172 с.

115. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–408.

116. Крюкова О.П. Использование фреймовой модели представления знаний как метода в лингвистических исследованиях // Вестник МГЛУ. Сер.: Языкознание. М.: ИПК МГЛУ Рема, 2009. Вып. 572. С. 226–235.

117. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллективная монография. С. 11–24.

118. Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 30–45.

119. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19–20.

120. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. М.: СпортАкадемПресс, 1999. С. 186–197.

121. Кузьменко Е.Л. Вербальная презентация отрицательных чувств и эмоций этно-семантической личности (на материале фразеологических единиц) // Вестник МГОУ, Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2011. № 6. Т.2 С. 57–62.

122. Кузьменко Е.Л. Концептуальная картина мира и языковая личность // Проблемы преподавания языка и права: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Москва, 2 апреля 2010 г.). М.: РПА Минюста России, 2010. С. 55–57.

123. Куликов В.Г. Когнитивно-матричный анализ диалектных единиц // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. / отв.ред. Н. Н. Болдырев; Федер. агентство по образованию; РАЛК. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 73–86.

124. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

125. Лебедева А.А. Проблема классификации и устранения переводческих ошибок и включение будущего переводчика в языковую картину мира изучаемого языка // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2017. № 2. С. 87–93.

126. Левченко М.Н. Особенности перевода авторских неологизмов произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» / М.Н. Левченко, А.В. Скрыльник // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2015. № 2. С. 65–72.

127. Левченко М.Н., Руденко Е.С. Лексическая репрезентация концепта «прекрасное» в немецкой галантной лирике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2017. № 3. С. 97–107.

128. Липко Ю.Г., Антипьева И.А. Языковая личность Барака Обамы: взлет политической карьеры // Известия ИГЭА. Иркутск: Изд-во БГУ, 2014. №2. С. 186–191.

129. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

130. Макеева М.Н. К вопросу о месте рекламы: Стиль VS. Дискурс // Вестник Тамбовского Университета им. Г.Р., Державина. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. Выпуск 5 (109). С. 48–54.

131. Максименко О.И. Структурная метафизика языка и феноменология речевого дискурса: критерии системных интерпретаций // Материалы международной научно-практической конференции по актуальным вопросам теории языка и коммуникации. М.: Международные отношения, 2015. С. 453–459.

132. Малюгина А.В. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2007. 23 с.

133. Мартин Р.А. Психология юмора. СПб.: Питер, 2008. 480 с.

134. Марчук Ю.Н. Контекстное разрешение лексической многозначности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во, МГОУ, 2016. № 1. С. 26–32.
135. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
136. Мельникова О.А. Интердискурсивность как коммуникативный феномен: дис... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2004. 149 с.
137. Милованова Ж.В. Педагогический дискурс: социально-ролевые характеристики // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. научн. конф. Волгоград, 5–7 февраля 1997 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1997. С. 94.
138. Мирианашвили М.Г., Краснова И.А. Некоторые рекомендации начинающим переводчикам // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2017. № 4. с. 102–110.
139. Михайлова Е.В. Конститутивные признаки научного дискурса // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. научн. конф. Волгоград, 5 – 7 февраля 1997 г. / ВГПУ. Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ун-та Перемена, 1997. С. 95–96.
140. Моргун Е.А. Инаугурационный дискурс: понятийно-терминологические и когнитивно-прагматические основания (на материале инаугурационных речей американских президентов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 192–194.
141. Мороз Е.В. Различные подходы к анализу управленческого дискурса / Е.В. Мороз // Актуальные вопросы переводоведения и лингвистики: Материалы научной сессии ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 64–67.
142. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1999. 58 с.
143. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007₁. 207 с.

144. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007₂. Вып. 2. С. 44–48.

145. Нехорошева А.М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // Политическая лингвистика. 2012. №1 – С. 147–150.

146. Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / Полис. Политические исследования. М.: Полис, 2000. №4. С. 82 – 93.

147. Олизько Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник ЧелГУ. 2007. №15. С. 95–104.

148. Олянич А.В. Драматургия массово-информационного дискурса (скриптографические модели звучащей речи в инновационном обучении иностранному языку) // Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе: сб. науч. тр. Вып. 7. Волгоград: Политехник, 2001. С. 163–168.

149. Орлов Г.А. Современная английская речь. М.: Высш. шк., 1991. 240 с.

150. Ощепкова В.В. Страна Даунандер = Land Downunder. Ключевые концепты австралийской национальной картины мира: условия формирования и проблемы взаимодействия языков и культур: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 66 с.

151. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 351 с.

152. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguistical applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М.: Азбуковник, 2001. С. 181–207.

153. Пелевина Н.Н. Интердискурсивность научного и художественного текстов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. №78. С. 137–143.

154. Пеше М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. М., 1999₁. С. 302–336.

155. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / перевод с французского Л. А. Илюшечкиной. М.: Прогресс, 1999₂. С. 225–290.

156. Пеше М. Что значит читать архивный документ сегодня? // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / перевод с французского И.Б. Иткина. М.: Прогресс, 1999₃. С. 291–301.

157. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Грамматические категории в дискурсе / под ред. В.Ю. Гусев, В.А. Плунгян, А. Урманчиева. Сер.: Исследования по теории грамматики. М.: ИТДГК «Гнозис», 2008. Т. 4. С. 7–34.

158. Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГЛУ, 1999. 318 с.

159. Позднякова Е.М. Методологические основы когнитивно-дискурсивной парадигмы в формировании лексической компетенции // Вестник МГИМО-Университета. М.: Изд-во МГИМО, 2013. № 6. С. 101–105.

160. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) // дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 1995. 236 с.

161. Попова Е.А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. научных трудов. Волгоград: Перемена, 1994. С. 143 –152.

162. Попова З.Д. Семиотические аспекты когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2006. №2. С. 45–52.

163. Попова О.И. Некоторые проблемы политического дискурса // Актуальные вопросы переводоведения и лингвистики: Материалы научной сессии ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 73–77.

164. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. М.: ИЯ РАН; Тверь: ТвГУ, 2002. 191 с.

165. Седых А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В.В. Путина и А. Меркель) // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. №1. С. 57–67.
166. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. № 1. С. 24–29.
167. Серио П. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Изд-во «Языки слав.культ», 2002. 342 с.
168. Сидоров Е.В. Законы дискурса: монография. Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2015. 134 с.
169. Складеревская Г.Н. Метафора в системе языка. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.
170. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт и идеология // Известия ВГПУ. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2005. №3. С. 10–18.
171. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. №1. С. 29–34.
172. Сорокина Э.А., Гринев-Гриневиц С.В. Принципы развития познания, мышления и культуры в их лексическом отражении // Вестник Московского государственного областного университета. М.: Изд-во МГОУ, 2016. № 2. С. 1–7.
173. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
174. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
175. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2006. 255 с.
176. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. 432 с.

177. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия Академии наук. Серия Литературы и языка. М.: Наука, 2001. № 1. Т. 60. С. 3–11

178. Степанов Ю.С. Между системой и текстом – дискурс // Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 655–688.

179. Стернин И.А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 257–282.

180. Стрибижев В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция: автореф. ... канд. филол. наук. Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2005. 18 с.

181. Сургай Ю.В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТГУ, 2008. 17 с.

182. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин: Изд-во КГУ, 1988. С. 7–13.

183. Телегин Л.А., Телегина Д.А. Синестезия прилагательных с перцептивными признаками «мягкий» и «жесткий» в русском, английском и французском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2017. № 6. С. 95–105.

184. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1999. С. 13-24.

185. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.

186. Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь /гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 559–560.

187. Телия В.Н. Экспрессивность // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М.: Большая рос. энцикл.; Дрофа, 1997. С. 637–638.

188. Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 19 с.
189. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
190. Фуко М. Дискурс и истина / пер. с англ. А.М. Корбута; Белорусский государственный ун-т, Центр проблем развития образования. Мн.: Пропилеи, 2006. 152 с.
191. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 370 с.
192. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 300 с.
193. Худяков А.В. Президентский дискурс: институциональная составляющая // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. Тамбов: ТГТУ, 2016. №1. С. 184–188.
194. Худяков А.В. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. С. 206–208.
195. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: РАЛК, 2007. №4. С. 98–108.
196. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. С. 7–26.
197. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2005. 257 с.
198. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 194 с.

199. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 238 с.

200. Шарандин А.Л. Знания о мире и языке в когнитивной семантике формы слова // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов: ТГУ им Г.Р. Державина, 2011. № 8. Т. 100. С. 16–22.

201. Шаховский В.И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ // Русистика: сб. науч. тр. Тверь: Изд-во ТГСА, 2007. Вып. 7. С. 29–32.

202. Шаховский В.И. Эмоции-мысли в художественной коммуникации как стилистический прием // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 80–91.

203. Шевченко В.Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2011. 39 с.

204. Шейгал Е.И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 55–68.

205. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: ВолГУ, 2000₁. 431 с.

206. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

207. Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е.И. Шейгал // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 114–123.

208. Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Саратов: СГАП, 2000₂. Вып. 6. С. 92–96.

209. Ширяева Т.А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: дис. ... д-ра. филол. наук. Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2014. 421 с.

210. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
211. Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 263 p.
212. Althusser L. Theory, Theoretical Practice and Theoretical Formation: Ideology and Ideological Struggle // Idem. Philosophy and the Spontaneous Philosophy of the Scientists and Other Essays. London; New York: Verso, 1990. P. 1–43.
213. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // in S. Zizek (ed.). Mapping Ideology. London: Verso, 1994. P. 100–140.
214. Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // Slavic Review. Illinois: Proquest Academic Research Library, 2001₁. Vol. 60. №2. P. 312 – 335.
215. Anderson R.D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // ed. by R.D. Anderson Jr., M.S. Fish, S.E. Hanson, P.G. Roeder // Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2001₂. P. 96–125.
216. Barsalou L.W. Cognitive psychology: an overview for cognitive scientists. Chicago: Psychology Press, 1992. 410 p.
217. Barthes R. An introduction to the structural analysis of narrative // New Literary History. Virginia: Johns Hopkins University Press, 1974. Vol. 6. P. 237–272.
218. Benoit W.L. Seeing spots: A functional analysis of presidential television advertisements from 1952–1996. New York: Praeger, 1999. 256 p.
219. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Oxford: Blackwell Publishing, 1955. Vol. 55. P. 273–294.
220. Boje D.M. Victor Turner's Postmodern Theory of Social Drama: Implications for Organization Studies. New Mexico, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://business.nmsu.edu/~dboje/theatrics/7/victor_turner.htm (дата обращения: 22.11.2016).

221. Bonhomme M. Pragmatique des figures du discours. Paris: Honoré Chamion Editeur, 2005. 286 p.
222. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.
223. Buyssens E. Les langues et le discours: essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de publicité. 1943. 98 p.
224. Cassirer E. The power of metaphor // The theory of metaphor. Moscow: Progress, 1990. P. 33–42.
225. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 327 p.
226. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics. Discourse Studies: A multidisciplinary introduction / T.A. van Dijk (Ed.). London: SAGE Publications, 1997. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. P. 206–230.
227. Combs J.E. Process Approach // Handbook of Political Communication. Beverly Hills; London: SAGE Publications, 1981. P. 39–66.
228. Corcoran P.E. Political Language and Rhetoric. Austin: Univ. of Texas Press, 1979. 216 p.
229. Coulson S., Oakley T. Blending basics. Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Vol. 11. № 3. P. 175–196.
230. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. London: Longman, 1977. 212 p.
231. Coulthard M., Montgomery M. Studies in Discourse Analysis. London: Routledge & Kegan Paul, 1981. 198 p.
232. Coulthard M., Sinclair J. Toward an analysis of discourse // Advances in Spoken Discourse Analysis / M. Coulthard (ed.). New York: Routledge, 1992. P. 1–34.
233. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: CUP, 2004. 356 p.

234. Czarniawska-Joerges B., Jacobsson B. Political organizations and commedia dell'arte // *Organization Studies*. Berlin: SAGE Publications, 1995. P. 375–393.
235. Davidson D. What Metaphors Mean // “Critical Inquiry”. Chicago: University of Chicago Press, 1978. Vol. 5. No. 1 (Special Issue on Metaphor, Autumn). P. 31–47.
236. Denton R.E. Jr., Woodward G.C. Political Communication in America. New York: Praeger, 1985. 366 p.
237. Dijk T.A. van. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. Amsterdam: Mouton Publishers, 1983. Vol. 3–4. P. 375–404.
238. Dijk T.A. van. Context models in discourse processing // *The construction of mental representations during reading* / Ed. by Van Oostendorp, Herre & Goldman, Susan R. Mahwah, NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. P. 123–148.
239. Dijk T.A. van. Discourse as structure and process. London: SAGE Publications, 1997₁. 357 p.
240. Dijk T.A. van. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
241. Dijk T.A. van. Discourse, Ideology and Context // *Folia Linguistica*. The Hague: Mouton, 2001₂. № 35 (1-2). P.11–40.
242. Dijk T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: SAGE Publications, 1998₄. 384 p.
243. Dijk T.A. van. News as Discourse. New Jersey; London: Lawrence Elbbaum Associates. Publ, 1998c. 200 p.
244. Dijk T.A. van. Political discourse and ideology. Paper presented at Jornadas del Discurso Politico. Barcelona: UPF, 2001₁. P. 15–34.
245. Dijk T.A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // *The sociolinguistic Reader*. Vol. 2: Gender and Discourse / Ed. by Jenny Cheshire and Peter Trudgill. London, New York: Arnold, 1998₂. P. 367–393.
246. Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague-Paris: Mouton, 1981. 331p.

247. Dijk T.A. van. The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London: Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997₂. Vol.1 – P. 1–34.
248. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch.(eds.). The Hague: Mouton, 1998a. P. 353– 371.
249. Dubois B.L., Crouch I. Regulatory Language Behaviour. Lake Bluff: Jupiter Press, 1985. 96 p.
250. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. London: Longman, 1995. XIII. 265 p.
251. Fairclough N. Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis // Discourse and Society. London: SAGE Publications, 1992. № 3. P. 192–217.
252. Fairclough N. Language and Globalization. New York: Routledge, 2006. 186 p.
253. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 226 p.
254. Fairclough N. Textual analysis for social research. New York: Routledge, 2003. 270 p.
255. Fairclough N. Chouliaraki L. Discourse in late modernity. Edinburgh: University Press, 1999. 168 p.
256. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as social interaction / T. A. van Dijk (Ed.). London: SAGE Publications. 1997. Vol.1. P. 258–284.
257. Fasold R. Sociolinguistics of Language. Oxford: Blackwell, 1990. 360 p.
258. Fauconnier G. Mental spaces. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
259. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degree. Paris: Editions du Seuil, 1982. 467 p.
260. Givon T. Mind, code and context. Essays in Pragmatics. Hillsdale (New Jersey); London: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1989. 456 p.

261. Graber D.A. Political languages // Handbook of political communication. Beverly Hill: SAGE Publications, 1981. P. 195–224.
262. Grimes J.E. The thread of discourse. The Hague: Mouton, 1975. 408 p.
263. Gronbeck B.E. The Presidency in the Age of Secondary Orality // Beyond the Rhetorical Presidency. College Station: Texas A&M Univ. Press, 1996. P. 30–49.
264. Harris Z. Discourse analysis // Language. The Hague: Mouton & Co, 1952. V. 28. № 1. P. 1–30.
265. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge: The MIT Press, 1995. 283 p.
266. Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe. Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 309 s.
267. Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Münster: Unrast, 2012. 258 s.
268. Johnson M., Lakoff G. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003 – 191 p.
269. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre, and the Study of Political Discourse. Columbia: Univ. of S. Carol. Press, 1986. P. 301–338.
270. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. VT.: Chelsea Green Publishing, 2004. 144 p.
271. Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Vol. 1. N.1. P. 39–74.
272. Langacker R.W. Assessing the cognitive linguistic enterprise // Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. 279 p.
273. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The cognitive Basis of Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
274. Link J. Dispositiv / Kammler C., Parr R., Schneider U. Foucault Handbuch. Leben - Werk - Wirkung. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2008. S. 237–242.

275. Link J., Link-Heer U. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Siegen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1990. S. 88–99.
276. Ludwig Ch., Wodak R. Challenges in a Changing World: Issues in Critical Discourse Analysis. Vienna: Passagenverlag, 1999. P. 11–20.
277. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. 261 s.
278. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization // Text. Hague: De Gruyter, 1988. P. 243–281.
279. Manning P.K. Dramaturgy, politics, and the axial media event // Sociological Quarterly. Colorado: Taylor and Francis, 1996. №37 (2), P. 261–279.
280. Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 179–200.
281. Neaman J., Silver C. The Book of Euphemism. Ware: Wordsworth Editions Ltd. 1995. 373 p.
282. Parret H. Prolégomènes à la théorie de l'énonciation: De Husserl à la pragmatique. Berne; Francfort/M.; New York; Paris: Peter Lang, 1987. P. 169.
283. Pêcheux M. L'inquiétude du discours: textes choisis et présentés par D. Maldidier. Paris: Editions des Cendres, 1990. 334 p.
284. Renkema J. Introduction to discourse studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. 363 p.
285. Riffaterre M. Intertextual representation: on mimesis as interpretive discourse // Critical Inquiry 11 (1). Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 141–162.
286. Rosch E. Classification of Real-world Objects: Origins and Representations in Cognition // La Memoire semantique / Erlich S. And Tulving E. (eds). Paris: Bulletin de Psychologie, 1976. P. 212–222.

287. Rosch E. Prototype classification and logical classification: The two systems // *New trends in conceptual representation: Challenges to Piaget's theory?* / Ed. Scholnick E.K. Hillsdale; NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1983. P. 73–86.
288. Schiffrin D. *Approaches to Discours*. Oxford, UK; Cambridge, Mass.; USA: B. Blackwell, 1994. 470 p.
289. Schmid H.-J., Ungerer, F. *An Introduction to cognitive linguistics*. London; New York: Pearson Education, 2006. 384 p.
290. Schudson M. *Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s* // *Media, Culture and Society*. London: SAGE Publications, 1997. Vol. 19. №3. P. 311–330.
291. Sedlak M. “You Really do make an Unrespectable Foreigner Policy. . . Discourse on Ethnic Issues in the Austrian Parliament” / In R. Wodak & T.A. van Dijk (Eds.) // *Racism at the Top. Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in Six European States*. Klagenfurt / Celovec: Drava, 2000. P. 107–168.
292. Sériot P. *Analyse du discours politique Soviétique*. Paris: Institute d'études slaves, 1985. 362 p.
293. Sériot P. *Le déterminisme linguistique en Russie actuelle* // Patrick Sériot (dir.) *La question du déterminisme en Russie actuelle* [en ligne]. Lyon, ENS LSH, mis en ligne le 10 décembre 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article156> (дата обращения: 27.10.2016).
294. Sinclair J. *Priorities in discourse analysis* // *Advances in Spoken Discourse Analysis* / M. Coulthard (ed.). New York: Routledge, 1992₁. – P. 79–88.
295. Strauss C., Quinn N. *A Cognitive Theory of Cultural Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 323 p.
296. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge; London: MIT Press: A Bradford Book, 2000. Vol. 1: *Concept Structuring Systems*. 565 p.
297. Taylor J.R. *Cognitive Grammar*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 612 p

298. Warren B. What Euphemisms Tell Us About the Interpretation of Words // *Studia Linguistica*. Vol.46, #2. Oslo-Stockholm: Scandinavian University Press, 1996. P. 128–142.
299. Weiss G., Wodak R. Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis // *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. London: Palgrave/Macmillan, 2003. P. 1–32.
300. Wodak R., Nowak, Pelikan J. «Wir sind alle unschuldige Täter». Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus. Frankfurt: Suhrkamp, 1990. 401 s.
301. Wodak R., Weiss G. Visions, Ideologies and Utopias in the Discursive Construction of European identities: Organizing, Representing and Legitimizing Europe // *Communicating Ideologies: Language, Discourse and Social Practice* / M. Putz, A. Neff, G. van Artselaer, T.A. van Dijk (eds). Frankfurt a. Main: Peter Lang, 2004. P. 225–252.
302. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. 262 s.

Список словарей и энциклопедий

303. Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
304. Арутюнова Ж.М., Новикова Г.А., Сахадзе С.Г. Русско-французский словарь: Язык прессы. Политика. Экономика. Право. М.: Наука, 1995. 362 с.
305. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (дата обращения: 18.12.2017).
306. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык Медиа, 2007. 1168 с.

307. Грицанов А.А., Можейко М.А. Пост-модернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
308. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах М.: Рипол классик, 2006. Том 1: А - З. 754 с.
309. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk> (дата обращения: 28.12.2017).
310. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
311. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
312. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. 245 с.
313. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
314. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 687 с.
315. Новый словарь иностранных слов. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov.html> (дата обращения: 27.12.2017).
316. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М., 2002. 528 с.
317. Полный онлайн словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://словарь-синонимов.рф> (дата обращения: 26.12.2017).
318. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 357 с.
319. Сборник словарей GLOSUM [Электронный ресурс]. URL: <https://glosum.ru/> (дата обращения: 27.12.2017).
320. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

321. Стилистический энциклопедический словарь русского язык / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://stylistics.academic.ru/> (дата обращения: 29.12.2017).
322. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складьевской; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Фолио-Пресс, 2002. 700 с.
323. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/> (дата обращения: 23.11.2017).
324. Франко-русский и русско-французский словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multitran.ru/> (дата обращения: 11.04.2017).
325. Французский толковый словарь психологических терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.com/Dico-Psycho/> (дата обращения: 20.12.2017).
326. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996 . 271 с.
327. Щерба Л.В., Матусевич М.И., Никитина С.А. Большой русско-французский словарь. М.: Рус. яз., 2001. 561 с.
328. Dictionnaire des noms communs, des noms propres, précis de grammaire. Paris: Larousse, 1993. 848p.
329. Dictionnaire du droit privé français [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionnaire-juridique.com/> (дата обращения: 19.12.2017).
330. Dictionnaires Larousse français en ligne [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/> (дата обращения: 20.12.2017).
331. Dictionnaire politique [Электронный ресурс]. URL: http://www.toupie.org/Dictionnaire/Pouvoirs_publics.htm (дата обращения: 17.12.2017).
332. Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C. Dictionnaire de linguistique. Paris: Larousse. 2001. 514 p.
333. Encyclopédie des expressions françaises [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linternaute.com/expression/> (дата обращения: 10.02.2017).

Список источников иллюстративного материала

334. Cartoonmaster.livejournal.com – мастерская карикатуры Виталия Подвицкого [Электронный ресурс]. URL: <https://cartoonmaster.livejournal.com/> (дата обращения: 11.06.2017).

335. Citation-celebre.leparisien.fr – Citations et proverbes en français - CITATION CÉLÈBRE. URL: <http://citation-celebre.leparisien.fr/auteur/jacques-chirac> (дата обращения: 24.12.2017).

336. Conseil-constitutionnel.fr – официальный сайт Конституционного совета Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur.5074.html> (дата обращения: 10.03.2016).

337. Constitution.kremlin.ru – официальный сайт Кремля, раздел Конституции РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 27.12.2017).

338. Discours.vie-publique.fr – стенограмма телевизионного интервью Жака Ширака на канале TF1, 12.12.1996. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/977000100.html> (дата обращения: 16.07.2016).

339. Elysee.fr – официальный сайт Президента Франции, 17.05.1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elysee.fr/la-presidence/discours-d-investiture-de-jacques-chirac-17-mai-199/> (дата обращения: 04.03.2016).

340. Er.ru – сайт партии «Единая Россия». «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить», 16.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/news/71745/> (дата обращения: 22.02.2017).

341. Forbes.ru – сайт финансово-экономического журнала «Forbes». «ЦК цыкает, а ЧК чикает», 20.04.2011. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/66936-tsk-tsikaet-chk-chikaet> (дата обращения: 12.04.2017).

342. Gala.fr – французский новостной ресурс «Gala». «La mauvaise blague de Jacques Chirac qui a vexé Tony Blair», 12.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gala.fr/l_actu/news_de_stars/la_mauvaise_blague_de_jacques_chirac_qui_a_vexe_tony_blair_381032 (дата обращения: 17.04.2017).

343. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 17.05.1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/les_institutions/l_investiture_du_president/jacques_chirac/discours_d_investiture_de_m_jacques_chirac.21306.html (дата обращения: 22.03.2016).

344. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 19.05.1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/lettres_et_messages/1995/mai/message_de_m_jacques_chirac_president_de_la_republique_au_parlement.3255.html (дата обращения: 20.04.2016).

345. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 10.09.1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/1995/septembre/fi003797.html (дата обращения: 17.12.2016).

346. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 23.10.1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1995/octobre/fi003777.html (дата обращения: 27.07.2016).

347. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 16.12.1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/conferences_et_points_de_presse/1995/decembre/fi003746.html (дата обращения: 08.07.2017).

348. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 4.04.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1996/avril/fi003699.html (дата обращения: 07.04.2016).

349. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 16.05.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1996/mai/fi003676.html (дата обращения: 12.06.2016).

350. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 08.06.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1996/juin/fi003666.html (дата обращения: 17.09.2016).

351. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 11.10.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/1996/octobre/fi003605.html (дата обращения: 23.10.2016).

352. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 02.11.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1996/octobre/fi003614.html (дата обращения: 27.12.2016).

353. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 23.11.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1996/novembre/fi003573.html (дата обращения: 07.02.2017).

354. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 03.04.1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1997/avril/fi003481.html (дата обращения: 13.12.2016).

355. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 25.01.1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1998/janvier/fi003296.html (дата обращения: 14.09.2016).

356. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 30.11.1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives->

elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1998/novembre/fi003052.html (дата обращения: 10.01.2017).

357. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 23.02.1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/1998/fevrier/fi003269.html (дата обращения: 18.06.2017).

358. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 23.04.1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1999/avril/fi002953.html (дата обращения: 04.02.2017).

359. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 04.05.2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2000/mai/allocution_du_president_de_la_republique_en_reponse_au_mot_d_accueil_du_maire_de_chambery.2743.html (дата обращения: 30.09.2016).

360. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 30.10.2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2000/octobre/fi002472.html (дата обращения: 19.11.2016).

361. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 15.01.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2001/janvier/fi002408.html (дата обращения: 07.08.2016).

362. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 25.01.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2001/janvier/discours_du_president_de_la_republique_a_dreux.3127.html (дата обращения: 28.08.2016).

363. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 30.06.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives->

elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/2001/juin/fi002300.html (дата обращения: 21.02.2017).

364. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 02.07.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2001/juillet/fi002296.html (дата обращения: 28.01.2017).

365. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 14.07.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/2001/juillet/fi002288.html (дата обращения: 10.07.2017).

366. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 29.11.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/conferences_et_points_de_presse/2001/novembre/fi002185.html (дата обращения: 22.03.2017).

367. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 03.04.2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2002/avril/fi002075.html (дата обращения: 10.10.2016).

368. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 16.05.2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2002/mai/allocution_de_m_jacques_chirac_lors_de_la_ceremonie_d_investiture.1180.html (дата обращения: 01.04.2016).

369. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 13.07.2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/lettres_et_messages/2002/juillet/message_de_m_jacques_chirac_president_de_la_republique_aux_armees.1728.html (дата обращения: 06.12.2016).

370. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 24.03.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives->

elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/les_chantiers_prioritaires/lutte_contre_le_cancer/lutte_contre_le_cancer.21376.html (дата обращения: 14.12.2016).

371. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 29.04.2003 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/conferences_et_points_de_presse/2003/avril/fi001775.html (дата обращения: 05.09.2016).

372. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 08.01.2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/janvier/fi001559.html (дата обращения: 25.01.2017).

373. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 24.02.2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/fevrier/fi001527.html (дата обращения: 30.10.2016).

374. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 03.06.2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/lettres_et_messages/2004/juin/fi001457.html (дата обращения: 20.08.2016).

375. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 28.09.2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/2004/septembre/fi001373.html (дата обращения: 15.01.2017).

376. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 25.11.2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/novembre/fi001258.html (дата обращения: 27.10.2016).

377. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 26.05.2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/2005/mai/fi001086.html (дата обращения: 09.06.2016).

378. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 16.11.2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/lettres_et_messages/2005/novembre/message_du_president_de_la_republique_pour_le_lancement_de_l_odyssee_siberienne.32052.html (дата обращения: 05.04.2017).

379. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 10.10.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2006/octobre/fi000619.html (дата обращения: 08.11.2016).

380. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 23.11.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jacqueschirac-asso.fr/fr/wp-content/uploads/2010/04/Les-Echarpes-dOr-2006.pdf> (дата обращения: 27.09.2016).

381. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 11.03.2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/interviews_articles_de_presse_et_interventions_televisees/2007/mars/fi000512.html (дата обращения: 14.06.2017).

382. Jacqueschirac-asso.fr – архив Елисейского дворца: 1995–2007, 23.03.2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2007/mars/discours_du_president_de_la_republique_sur_la_lutte_contre_le_cancer.74927.html (дата обращения: 10.12.2016).

383. Kp.ru – сайт газеты «Комсомольская правда», 23.02.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/25840.3/2812253/> (дата обращения: 18.02.2017).

384. Kremlin.ru – сайт президента России, 25.02.2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24144> (дата обращения: 20.12.2016).

385. Kremlin.ru – сайт президента России, 7.05.2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21399> (дата обращения: 01.04.2016).

386. Kremlin.ru – сайт президента России, 07.05.2000-00:04 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24104> (дата обращения: 19.06.2016).

387. Kremlin.ru – сайт президента России, 25.12.2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21149> (дата обращения: 22.05.2017).

388. Kremlin.ru – сайт президента России, 09.06.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21280> (дата обращения: 12.06.2017).

389. Kremlin.ru – сайт президента России, 21.11.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21373> (дата обращения: 04.12.2016).

390. Kremlin.ru – сайт президента России, 13.12.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21444> (дата обращения: 28.11.2016).

391. Kremlin.ru – сайт президента России, 03.03.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21895> (дата обращения: 25.06.2016).

392. Kremlin.ru – сайт президента России, 18.12.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22256> (дата обращения: 12.12.2016).

393. Kremlin.ru – сайт президента России, 30.01.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22341> (дата обращения: 09.12.2016).

394. Kremlin.ru – сайт президента России, 13.09.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22592> (дата обращения: 12.11.2016).

395. Kremlin.ru – сайт президента России, 23.12.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22757> (дата обращения: 02.09.2016).

396. Kremlin.ru – сайт президента России, 02.06.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23613> (дата обращения: 18.01.2016).

397. Kremlin.ru – сайт президента России, 25.10.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23864> (дата обращения: 5.01.2017).

398. Kremlin.ru – сайт президента России, 16.05.2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/24263 (дата обращения: 03.04.2017).

399. Kremlin.ru – сайт президента России, 01.11.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24562> (дата обращения: 03.10.2016).

400. Kremlin.ru – сайт президента России, 21.11.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24713> (дата обращения: 10.09.2016).

401. Kremlin.ru – сайт президента России, 08.02.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 13.08.2016).

402. Kremlin.ru – сайт президента России, 14.02.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24835> (дата обращения: 12.07.2017).

403. Kremlin.ru – сайт президента России, 04.04.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24903> (дата обращения: 20.09.2016).

404. Kremlin.ru – сайт президента России, 18.04.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24922> (дата обращения: 20.06.2017).

405. Kremlin.ru – сайт президента России, 7.05.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15224> (дата обращения: 02.03.2016).

406. Kremlin.ru – сайт президента России, 26.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19083> (дата обращения: 28.05.2017).

407. Kremlin.ru – сайт президента России, 21.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19665> (дата обращения: 11.07.2017).

408. Kremlin.ru – сайт президента России, 18.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 14.10.2016).

409. Kremlin.ru – сайт президента России, 17.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796> (дата обращения: 27.12.2016).

410. Kremlin.ru – сайт президента России, 23.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21080> (дата обращения: 03.05.2017 г

411. Kremlin.ru – сайт президента России, 12.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/45899> (дата обращения: 15.11.2016).

412. Kremlin.ru – сайт президента России, 26.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/46078 (дата обращения: 22.01.2017).

413. Kremlin.ru – сайт президента России, 04.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 15.02.2017).

414. Kremlin.ru – сайт президента России, 18.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250> (дата обращения: 25.03.2017).

415. Kremlin.ru – сайт президента России, 9.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49438> (дата обращения: 03.04.2016).

416. Kremlin.ru – сайт президента России, 9.07.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49895> (дата обращения: 22.07.2016).

417. Kremlin.ru – сайт президента России, 22.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50548> (дата обращения: 01.08.2016).

418. Kremlin.ru – сайт президента России, 27.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51214> (дата обращения: 23.09.2016).

419. Kremlin.ru – сайт президента России, 14.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51716> (дата обращения: 01.07.2017).

420. Kremlin.ru – сайт президента России, 26.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/51805> (дата обращения: 01.12.2016).

421. Kremlin.ru – сайт президента России, 08.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53217> (дата обращения: 25.08.2016).

422. Kremlin.ru – сайт президента России, 10.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53231> (дата обращения: 01.04.2017).

423. Kremlin.ru – сайт президента России, 01.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53379> (дата обращения: 04.11.2016).

424. Kremlin.ru – сайт президента России, 17.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53744> (дата обращения: 01.02.2017).

425. Ladepeche.fr – французский электронный новостной ресурс «La Dépêche du Midi». A l'Elysée, le foot efface la politique, 15.07. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladepeche.fr/article/1998/07/15/409006-a-l-elysee-le-foot-efface-la-politique.html> (дата обращения: 16.07.2017).

426. Ladepeche.fr – французский электронный новостной ресурс «La Dépêche du Midi». A l'Elysée, le foot efface la politique, 10.03. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladepeche.fr/article/2007/03/10/334-les-petites-phrases-de-jacques-chirac.html> (дата обращения: 17.07.2017).

427. Legifrance.gouv.fr – le service public de l'accès au droit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 27.12.2017).

428. Le Monde – газета «Le Monde», 14.12.1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 21.10.2017).

429. Le Figaro – газета «Le Figaro», 13.12.1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 21.10.2017).

430. Le Figaro – электронная версия газеты «Le figaro». Цитаты [Электронный ресурс]. URL: <http://evene.lefigaro.fr/citation/faut-voter-intelligence-non-tripes-34002.php> (дата обращения: 15.02.2017).

431. Le Figaro – электронная версия газеты «Le Figaro», 19.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/03/19/25002-20150319ARTFIG00277-les-10-citations-les-plus-savoureuses-de-chirac.php> (дата обращения: 08.04.2017).

432. Le Figaro – электронная версия газеты «Le Figaro». «Se défendant d'être un «Bisounours», Juppé revient sur «le bruit et l'odeur»», 14.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2016/01/14/25002-20160114ARTFIG00147-se-defendant-d-etre-un-bisounours-juppe-revient-sur-le-bruit-et-l-odeur.php> (дата обращения: 02.06.2017).

433. Liberation.fr – сайт газеты «Liberation». «Gaffes et dérapages», 09.05.1995. URL: http://www.liberation.fr/evenement/1995/05/09/gaffes-et-derapages_133848 (дата обращения: 16.02.2016).

434. Liberation.fr – сайт газеты «Liberation». «Alain Juppé : Aïd et Kippour fériés, «à côté de la plaque»», 15.12.2003. URL: http://www.liberation.fr/politiques/2003/12/15/alain-juppe-aid-et-kippour-feries-a-cotede-la-plaque_455383 (дата обращения: 04.07.2017).

435. Mk.ru – официальный сайт газеты Московский Комсомолец, 31.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/12/31/putin-dovel-peskova-do-suicidalnogo-sostoyaniya.html> (дата обращения: 04.07.2016).

436. Mk.ru – официальный сайт газеты Московский Комсомолец, 31.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/12/31/peskov-rasskazal-kak-putin-zastukal-ego-spyashhim-na-poslanii-sobraniyu.html> (дата обращения: 10.07.2016).

437. Ng.ru – официальный сайт газеты «Независимая газета». «Оговорки по Фрейду», 26.10.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2006-10-26/1_putin.html (дата обращения: 14.07.2017).

438. Ng.ru – официальный сайт газеты «Независимая газета». «Владимир Путин. Россия: национальный вопрос», 23.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 18.10.2016).

439. Planet.fr – французский электронный новостной ресурс «Planet.fr». «Roselyne Bachelot raconte une blague osée de Jacques Chirac», 10.09.2015.

440. URL: <http://www.planet.fr/politique-roselyne-bachelot-raconte-une-blague-osee-de-jacques-chirac.926266.29334.html> (дата обращения: 27.04.2017).

441. Rg.ru – сайт газеты «Российская газета». «Форум реформ», 24.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/06/22/forum-site.html> (дата обращения: 19.04.2017).

442. Rg.ru – сайт газеты «Российская газета». «Как попасть на прием в ФСБ», 07.05.2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2004/05/07/fsb.html> (дата обращения: 23.12.2017).

443. Ria.ru – сайт информационного агентства «РИА Новости». «Путин точно помнит, когда последний раз занимался сексом», 06.07.2006 [Электронный

ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20060706/51004955.html> (дата обращения: 12.04.2017).

444. Russian.rt.com – официальный сайт канала Russia Today, 29.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-12-29/Forbes-Rossiiskij-biznes-ostaetsya-zavisimim> (дата обращения: 27.03.2017).

445. Russian.rt.com – официальный сайт канала Russia Today, 03.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/134486> (дата обращения: 24.11.2016).

446. Spletnik.ru – интернет-журнал. URL: http://www.spletnik.ru/blogs/pro_zvezd/36655_karikatury_politikov_ot_riber_hansson (дата обращения: 18.07.2017).

447. Sgdsn.gouv.fr – Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. URL: <http://www.sgdsn.gouv.fr/missions/lutter-contre-la-prolifération/> (дата обращения: 24.12.2017).

448. Topito.com – французский электронный информационный ресурс «Topito.com». «Top 25 des meilleures punchlines de Jacques Chirac», 29.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topito.com/top-phrase-citation-chirac> (дата обращения: 06.05.2017).

449. Vedomosti.ru – сайт газеты «Ведомости». «Как Ющенко и Саакашвили отреагировали на шутки Путина», 24.11.2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2009/11/24/kak-yuschenko-i-saakashvili-otreagirovali-na-shutki-putina> (дата обращения: 23.04.2017).